

*К 90-летию Уральского
государственного университета*

Леонид Быков

В СВОЕМ КРУГУ

Банкетная лирика и прочее

Фрагменты

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2010

ББК Ш6(2Р36)6-335
Б952

Из общего тиража 300 экземпляров
экземпляр № _____

Быков Л.
Б952 В своем кругу : банкетная лирика и прочее. Фрагменты /
Леонид Быков. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. —
300 с.

ISBN 978-5-7996-0546-9

«Писать для именин — какое унижение!» (В. Кюхельбекер).
Меж тем страницы этой книги возникли как раз по случаю юбилеев,
защит, дружеских застолий. Это опыты приватного версификатор-
ства «почти на правах рукописи». Сочинитель — выпускник филфа-
ка Уральского государственного университета (1970), заведующий
кафедрой русской литературы XX века УрГУ, доктор филологиче-
ских наук, профессор, член Ученого совета университета, а также
Союза российских писателей и Союза театральных деятелей. Автор
книг «Уроки времени» (1988), «Русская литература XX века: пробле-
мы и имена» (1990, в соавт.), «От автора» (2007).

ББК Ш6(2Р36)6-335

ISBN 978-5-7996-0546-9

© Быков Л. П., 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Банкетная элегия (Вместо вступления).....	11
НА КАФЕДРЕ	
К вопросу о типологии.....	13
Весеннее.....	14
И. Е. Васильеву	
Коллега в Польше.....	15
Коллекционное.....	17
Е. С. Зашихину, Зашихинея	
Время среднего возраста.....	19
Еще о том же.....	22
Майское другое.....	26
Н. Г. Ермоленко	
Ягодные места.....	27
Наташин триптих.....	29
И. и М. Козловым	
Посреди весны.....	32
М. А. Литовской	
Алмазный наш венец.....	36
Н. Н. Маркович	
Строфы без названия.....	39
Ю. В. Матвеевой	
Улет.....	41
Позднеосенняя эпистола.....	42
Л. М. Слобожаниновой	
Январское.....	45
Т. А. Снигиревой	
Т А С уполномочен заявить.....	46
На дне (рождения).....	51
А. С. Субботину	
Нечто лирически-идеологическое.....	54
Баллада о точке.....	56

В. В. Химич	
Верификация.....	58
Химикальное еще.....	63
В. В. Эйдиновой	
ШармАнка — 99.....	65
Бегство от Макропулоса.....	70
Бриллиантовая строка.....	76
Мартовский спотыкач.....	77
Мартовские виды.....	80
Застольно-интернациональное.....	83
Мартовские восьмистишия.....	85
Предновогоднее.....	88
Послеглобное.....	91
Нечто геронтологическое.....	92
Декабрьские строфы.....	93
На масленицу 2009 года.....	95
Глядя на календарь.....	96
Перспектива.....	98
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВИГВАМ	
Жизнь на Чапаева 16.....	99
Постскрипtum.....	103
Ода Празднику жизни.....	106
А. К. Матвееву	
Академическое.....	108
Еще об инициалах.....	109
И. А. Дергачеву	
Офицер связи.....	110
Е. П. Калечиц	
На трубеже.....	111
М. Э. Рут	
Звездные вирши.....	113
Вирши для МЭРии.....	117
Л. А. Субботиной	
Скрозь корбы и павмы.....	119
Л. Г. Гусевой	
«Жизнь шествует проспектом юбилеев...».....	121
Е. Л. Березович	
Секретные материалы.....	122
Н. А. Купиной	
Неопалимое.....	124
Т. В. Матвеевой	
Некалендарное.....	125
И. Т. Вепревой	
«В конце двадцатого столетия...».....	126
Акцентные вирши.....	127

О. А. Михайловой	
«Сидим мы не нахалами...»	130
Осипя	131
Ода филологическому флирту	134
На День филолога	137
Г. Д. Тутыниной	
«Мой стаж знакомства с юбиляршей...»	138
Н. А. Боровиковой	
Пьедестальное	140
Т. Н. Сивковой	
Таня в эти лета	142
О. Л. Наконечной	
«Живя на свете срок довольно длинный...»	145
Е. А. Шлаковской	
Тургеневка	146
В. В. Блажесу	
«Чей славный облик сложен...»	148
На проводы из деканата	149
А. В. Подчиненову	
Алексия	150
СтиШОК	152
Л. Г. Бабенко	
Филфак и Людмила	155
Ю. В. Казарину	
На первое 50-летие	157
Еще раз ему же	158
Юбилейная вопрошалка	160
О. В. Зырянову	
Мемуар про меморандум,	161
На аттестацию УрГУ и факультета	164
Ю. А. Мешкову	
Юрьев день	165
Дубль два	166
А. П. Чудинову	
Шестьдесят строк юбиляру — впрок	167
Н. Л. Лейдерману	
Неюбилейный размышлизм	169
А. С. Янушкевичу	
Сибирский цивильник	172
Чужой среди своих	174
ПерМистика	176
Выпускникам филфака 2009 года	179
Переходя на прием	180
Выпускникам 2010 года	181

В УрГУ И ОКРЕСТ	
П. Е. Суетину	
Докладная записка.....	183
На 70-летие В. Е. Третьякова	184
Д. В. Бугрову	
48 строчек.....	186
В. А. Бабинцеву	
Новый центурион	188
Б. Н. Лозовскому	
Белым по белому.....	191
Проводы.....	193
Шестидесятистрошие.....	195
Л. П. Звереву	
Человек человеку	197
Б. В. Емельянову	
Пафосное.....	198
Одной сорокалетней кафедре	199
С. В. Голышцу	
Апрельское.....	200
Г. В. Голынец	
Случай.....	202
На смерть ЕТС.....	203
Л. А. Заксу	
Закцизное.....	203
А. А. Старикову	
Архиважное	205
Январская валентинка (В. Живаевой).....	206
Як-45 (Е. Якубовской).....	207
Банкирное (Ю. В. Яценко).....	208
Международное (Х. Гоцило).....	209
Музеею Мамина-Сибиряка	210
Еще маминское	212
Музеею Ф. М. Решетникова	213
Спустя пять лет.....	215
Музеею Степана Щипачева	216
К вопросу о Пермском чуде	217
Аргумент (Герценке).....	219
ЗАЩИТНЫЕ ГРАФФИТИ	
Одическая элегия	220
Банкетный свертхтекст (О. В. Пушкаревой).....	221
Игра судьбы (Е. Е. Приказчиковой).....	223
Повесть о нетрезвеннике (О. Н. Фокиной).....	225
Опыт банкетной поэзии (И. В. Козлову).....	227

Леди Поздина Челябинского уезда (И. В. Поздиной)	229
Несогласное (М. Л. Скобелевой)	231
Блок ада (И. А. Берендеевой)	232
Г. Иванов. Из ненаписанного (Н. А. Кузнецовой)	234
Победителю еще одного заплыва (Ю. В. Казарину)	235
При свете звезд (Л. Н. Тихомировой)	236
Прогулки близ Екатеринбурга (Ю. В. Клочковой)	238
Платоновское (Н. В. Матвеевой)	239
Сакральный текст (Ю. С. Подлубновой)	240
Роковое представление (Е. Чебыкиной)	241
Эпилог к Сервантесу (Т. Г. Артамоновой)	243
Пряничное (Р. Ш. Абельской)	245
О знаках, временах и людях (О. В. Ильиной)	247
Без церемоний (М. П. Смирновой)	249
В порядке брендинга (О. В. Климовой)	250
Про работку (С. Ю. Данилову)	252
Есть предложение (Е. В. Каблукову)	253
Не про гетер (Е. Н. Бекасовой)	255
В том еще жанре (М. В. Воробьевой)	257

С МУЗАМИ НА ДРУЖЕСКОЙ...

Литературные мазки

Г. Бокареву	
Бокариада — 94	258
В. Блинову	
Кадриль для Володи	260
Ф. Вибе	
Патриотический пасквиль	261
В. Голубицкому	
Венецианское	261
А перед этим	265
Г. Дробизу	
Дорогие черты	265
Два Германа (Г. Дробизу, Г. Иванову)	267
А. Застырцу	
Вместо доклада	268
Б. Евсееву	
Журнально-морское	269
А. Кердану	
Хлопоты	271
Трактат	272
В. Лукьянину	
Нечто о географии	273

А. Новикову	
В день 60-летия	274
В. Осипову	
Декабрьские строки с эпитафиями	276
С. Рабинович	
На семейном подраде	277
А Титову	
Шестидесятилетию	278

За кулисами

Театральное	280
Вот и далее (На юбилей Театра музкомедии)	281
Пять лет спустя	282
Петровка (А. Петрову)	284
Волхование про «Волхонку»	285
Экзотичное	286
Аллопатия (А. Д. Кернер)	287

На вернисаже как-то раз

Постоянство (В. М. Воловичу)	288
Мосты и башни	290
ОтНЮдь	291
Птироскафы и дирижабли	292
На 20-летию выставки на Сурикова 31	293
Вовиана (В. С. Мамаеву)	294
Шелкография по-русски	295
На исходе нулевых	296
Шестьдесят одна строка себе, любимому (Вместо заключения)	297
Почти оптимистическое	299

Давайте останемся только в своем
кругу без посторонних. Мамаша, уйдите.

Н. Эрдман.

Из черновиков пьесы «Гипнотизер»

Банкетная элегия (ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ)

Как годы обернулись в даты?..

И. Эренбург

Вступила жизнь в эпоху юбилеев...
Амбивалентный титул — юбиляр:
Вас мажут — нет, не дегтем, а елеем
И хвалят, как сбываемый товар.

Велик соблазн поверить тем быличкам
И, чувствуя над головою нимб,
Считать себя по всем статьям приличным —
Красивым, умным, честным, молодым.

Наркотик слов, конечно же, дурманит
Не меньше, чем «Алконы» алкоголь,
Но мы живем, однако, не в романе —
На сцене жизни выпала нам роль.

Сколь ни приятны речи обольщенья,
А все же трезвый ум для них — заслон
(Тут исключенье разве — только Женья,
Но юбилей справляет здесь не он).

И рюмкам полным кланяясь усердно
И всем внимая ласковым речам,
Ты радостен, но где-то тут, у сердца,
Толкается невнятная печаль:

Как будто узковата сердца арка,
А хочешь ту привычность побережь.
И пусть далеко мне до патриарха —
Поэта далеко заводит речь.

Но мы — банкетные пииты,
Тоска с печалью — не для нас:
И вина здесь не все распиты,
И книги есть, что не раскрыты,
И чувства в жезл не все забиты,
И... словом, паспорт — не указ!

Ведь цифры круглые — все лживы:
Минуты, дни, года — бегут...
Так будем жить, пока мы живы!
А там... Но мы откуда тут —
Строптивы, вежливы, игривы.
За здесь и выпьем — водку ль, пиво —
Ведь там нам выпить не дадут.

Сентябрь 1997

НА КАФЕДРЕ

К вопросу о типологии

Разнообразны души наши —
в чем можно убедиться вот:
одним охота манной каши,
другим желанен антрекот.

Один — румян, другой — чуть бледен,
тот — весел, а вон тот — суров,
один повернут сердцем к леди,
другой охоч до леденцов.

Тот лыс, у этого же кудри,
тот мало ест, тот много спит,
тот слишком прост, тот слишком мудрый,
тот любит водку, этот — спирт.

Тот прямо грек, а тот — курносый,
тот шепелявит, тот — речист,
тот пишет книги — тот их носит,
тот — поп, а этот — атеист.

Один работает ночами,
другой же в форме по утрам.
...Расклад, конечно же, нечаян
и не навязываем вам.

Но всех объединяет праздник.
Посылка к тосту горяча:
за наших душ разнообразье!
За Александр Сергеича!

23 декабря 1980

Весеннее

Пусть мыслит Джек: тут быть или не быть,
Но не для нас проблемы эти:
Хороши вечера на Оби,
Но прекрасней они на Исети.

И это не дежурный реверанс,
А верность истине обыкновенной:
Ну, у кого столь белоснежны кивера-с?
Ни у кого, ей-богу, во Вселенной!

И мы, как офицеры, подтвердим,
Какие б оргии ни длились или торги:
Нам только климат наш необходим
И только вам, мадамы, все восторги.

На кафедру другую коль зайдешь,
То что найдешь, каким бы ни был зорким? —
Следы позавчерашние калош
Иль крошки позапрошлогодней корки.

А к нам когда бы кто ни постучал
(Хоть мы не каждому распахиваем двери) —
Забудет сразу грусть-тоску-печаль,
Пусть и не сразу глазонькам поверит.

Кого узрят те зенки-ватерпас?
Сойдет с ума тут всякий, даже евнух,
Узрев, прелестницы, здесь вас —
Мы ж это чудо видим каждодневно.

Кто нам дарует чай и фимиам
(Чтоб из ума никто из нас не выжил),
Кто нам устроил рая филиал
Или бери повыше? Это вы же!

Пусть я порой верчусь на стороне,
Где тоже иногда кропаю вирши,
Но честно говорю: все это — не,
Душой я и в бегах от вас не вышел.

И верю, что Васильев поддакнет,
И знаю, что кивнет согласно Гудов:

Нам ваш всегда приятен гнет,
Поскольку гнету имя — чудо.

Такой нам, офицеры, выпал фарт —
Не выпадал и Цезарю он в Риме.
И коль на численнике март —
За вас, прелестницы, и примем!

Март 2004

Игору Евгеньевичу Васильеву

Коллега в Польше

Васильев Игорь всех ретивей
В одном был славном коллективе.
Ну, и, конечно, потому
Однажды говорят ему
Меж лекций: вы, мол, извините,
Но к нам, пожалуйста, зайдите.

Струхнул наш Игорек, конечно,
Но в обморок не пал, сердечный,
Студентам курс свой досказал
Ну и пошел в приемный зал.
А в зеркало взглянул в приемной
И — мамочка! — лица на нем нет!

Но не портрет бассит мужчину,
Вошел он к старшему по чину.
Тот на него в упор глядит
И с придыханьем говорит:
«Мужайтесь, гражданин Васильев.
Вас за рубеж не вывозили?

А нынче вывозить вас будем —
Нужны и в Польше наши люди,
Мы тут подумали: кого?
Решили — Вас. Ну, каково?
И наш герой забыл про клизму
(Про клизму я — для прозаизму).

Собрал он мигом чемоданы:
Ну, книги там, носки, стаканы,
Махнул рукой всем из окна —
Прощай, родная сторона!

А появилось Катовице —
Наш Игорь veni, vidi, vici!
(Так говорит у нас завхоз,
Ведя про женский речь вопрос).

А в Польше, знамо, все иное:
Язык, наряды ли, вино ли.
Узришь красоту средь народа —
По ихнему ж она — уroda!
Он встрять хотел: чушь не порите.
Ему в ответ — о колорите.

Но Игорь быстро оклемался
И потому лишь не сломался
И не уехал в ФРГ,
О чем мечтал заморский г.
(Не прячьтесь, женщины, за шторы —
Здесь «г» — совсем не для фольклора).

А было как? Прием в посольстве,
И Игорь уж тогда — по-свойски
Среди послов и атташе.
Ну, малость приняли уже,
О том, о сем поговорили,
И тут вдруг двери боковые

Закрылись за спиной у Игоря!
Наверно, многие б тут сдыгали,
Но Игорь не подал и виду:
Мол, как зашел — то так и выйду.
Но тут опять раскрылась дверца,
И видит Игорь — иноверца!

Очки, пробор, златые зубы:
«Давно ль пан из России убыл?
О кей. Вы, кажется, с Урала?
Но платят Вам там все же мало?
А может, этот кошелек
Бюджету б Вашему помог?

Мы — там, в Европе, *liebe dich....»*
Тут Игорь пару слов своих
Сказал — и г. стрелой к порогу.
Пусть наш герой сказал немного —
Всего одну из идиом,
Но тот все понял идиот!

До чего ж язык силен народный,
Зовёт он каждого на подвиг.
Я верю: наших не сломать,
Пока ты с нами, перемать!
(Всем ясно — эту афоризму
В строфу я вставил для лиризму).

Какой же все же чудной фигой
Проткнул мечты шпие́на Игорь —
И ведь ходил он без нагана,
И что его стул замдекана
Ждёт — Игорек тогда не знал.
И все ж на Запад не удрал!

Теперь вы в прошлом, Катовицы.
Жить можно и без заграницы.
На этом я кончаю сказ.
Ну, а в постскриптуме — указ,
Поскольку выпить всем охота:
Прошу принять — за патриота!

Май 1980

Коллекционное

И. В.

По-разному проводим мы досуги:
одни на заграницы пьют взор,
на грядках пахнут некие подруги,
а третьи по субботам пьют кагор.

Но если ты душой гуманитарий,
то интеллекта аппетит неутолим:
завелся в коллективе нашем парень,
над чьим затылком — гляньте! — брезжит нимб.

И пусть другим то незаметно,
но и Христос вознесся не в момент.
А суть, что не одним лишь винегретом
такой, как он, живет интеллигент.

На полке книжной есть еще прорехи
(хоть не один уж там, гляжу, диплом),
но хлопец наш, охочий до орехов,
решил еще свой подкормить апломб.

Все дело в том, что, хоть учился долго
и учит уж других не первый век,
но «Бурлаков» кто написал на Волге,
не знал — так вышло — этот человек.

А по натуре враг любых пробелов
и ненавистник всяческих лакун,
товарищ погрузился храбро в дело,
поскольку ум, как прежде, бодр и юн.

И, авангарда несомненный дока,
скрывал такой интимнейший момент,
что, хоть от филологии он доктор,
но культуролог как — еще студент!

Когда другому допингом — карьера,
грядущий наш пенсионер
с азартом — где Крапивин? — пионера
явил коллегам пламенный пример.

Мозги, конечно, можно наши
тем красным коленкором удивить
(хотя тут Игорь по стопам Наташи
маршрут свой постарался длить).

На Ваш очередной диплом взирая,
как на весьма весомый аргумент,
скажу, что Вам для ощущения рая
еще единый нужен документ.

И он, диплом профессорский, — поруку
даю — придет не позже если через год,
и в честь него обнимет, как подругу,
опять стакан сидящий здесь народ.

В работе — Штольц, а в остальном — Обломов,
обрел — какой ценой, молчу — диплом.
За полное собрание дипломов,
товарищи товарища, все пьем!

2000-е

Евгению Степановичу Зашихину

Зашихиня

Избранные страницы

Время среднего возраста

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я...

А. Пушкин

И средние века не так страшны,
как страшен средний возраст нашей жизни.

Д. Г. Байрон

Он обаятелен и резв,
Когда он трезв.
Когда он пьян и матерен,
Он тоже обаятелен.

Народное

Опять весна. Ну, что ж, Евгений,
На счетах жизни — новый шелк!
И в этот день друзья с волнением
Твоей судьбы вновь гладят шелк.

Ведь коль не мы — кто правду скажет:
Мы — зеркало перед тобой.
Пусть юбиляр ты и со стажем
И пусть в костюме влез дорогой —

Мы не хотим, чтоб был он в пятнах:
Взыскует истины рассказ,
А правда не всегда приятна —
Ты сам так говорил не раз.

С утра не зря ты вымыл уши
(Твой всем известен ритуал),
И, стало быть, сиди и слушай —
Ты для того нас и собрал.

Ты в мир явился не намерен —
Тебе минуло сорок пять.
За этот срок такие бредни
Пошли о Женечке гулять!

Твердили многие мне лица,
Неся свой бережно живот,
Что ты родился — за границей
И потому — не патриот.

Достаточно взглянуть на карту
И в паспорт твой глаза скосить,
Чтоб, не найдя в России Тарту,
Тебя Отечества лишить.

От дурака нам нет защиты —
И вот еще вам комплимент:
«Его фамилия: За — ши — хин!
Китайский это же агент!

Рифмует он не для Иванов,
Китайскую строгают муть...»
Так говорил В. Селиванов —
И СУКИ* верили тому.

А вот еще молва про Женю
Попала на банкетный лист:
Его по службе продвиженья
Причина в том, что — коммунист.

Ведь он окончил академью —
Подумать, при самом ЦК:
И пусть другие роют землю,
А он витает в облаках.

* Средне-Уральское книжное издательство.

Иль вот легенда из досужих
(Простите, если повторим):
У Жени дача есть — к тому же
Та дача — с видом на Балтым!

И уж совсем не каждый стерпит
Ту ложь (хотя и водку пил),
Что кандидатскую ты степень
Не защитил, а откупил.

Ты за диплом давал корову,
Но встретил, зная, не простака,
И начал торг тогда по новой
И отдал, гад, — НТМК!

Теперь понятно, что в Тагиле
Который год скорбит народ
В то время, как Зашихин в силе
На бедных авторов орет.

Еще о нем порой гутарят,
Что Джек — застолья чемпион
И опростает, коль в ударе,
Бочонок спирта лично он,

Сравнится с этой только сказка,
Что Женя — местный Дон Жуан
И что его мужскую ласку
Изведал многих нежный стан.

Что ж, без костей язык у сплетниц:
Твердят: мол, входит Джек в УрГУ,
А там — прелестницы вдоль лестниц
Рядами... Возразить могу.

Подумать только, что загнули:
Рядами, мол — да где столь взять!
Стоят — ну, две иль три Акули —
За год всего лишь пятьдесят...

Иль слух маячил в коридоре:
Джек вертолет купил (иль сбил?!)
И клюквою завалит вскоре
Тех, кто в Тавде еще не пил.

Иль вот еще служебный фактор:
Давно молва бежит о нем,
Что будто лучший он редактор.
Бесспорно, лучший. Только — в чем?

Из всех редакторов в Свердловске
Едва ли кто сравнится с ним
В уменьи в моде быть и в лоске
И лысину носить как нимб.

Где у тебя соперник в том, как,
Заняв у микрофона пост,
На сто пятнадцатой тусовке
Произнести доклад иль тост?

Иль поднести партнеру фигу —
Как довод в личной правоте...
Возможно, можешь ты и книгу —
Да только где же книги те?

Еще шептали мне ребята,
Что взяли Женечку в «Сократ»
В надежде обрести Сократа —
А стал «Сократу» ты собрат.

...Там, где поэт, — всегда легенды,
А мифы истинней, чем быть.
Не все свершилось, что хотел ты,
Но ведь немало и свершил.

Земной маршрут до середины
Осилил ты. Тропа — зовет.
За путь поэта и мужчины
Народ с тобою, Женя, пьет!

Май 1998

Еще о том же

Наш Женя самых честных правил.
Да что там честных — и меня!
Ну разве раньше я б представил:
ведь что пишу я — не мазня!

Таким, как я, зачем редактор,
кто мне ответит: мне — зачем?! —
спрошу де-юре и де-факто.
Печатных нет в ответ лексем.

Зашихин требует размаха,
но я бывшее ворошу:
довел «Факторию» до краха
и СУКИ кто сгубил? — спрошу.

Везде, где главным был Зашихин,
везде он свой являл талант.
Теперь ты где? О данном лихе
я информирую «Сократ».

Об этом речь тут не до кучи,
ведь нам история — урок,
предупреждал когда-то Фучик,
что надо бдить. Да всё не впрок.

Я не ворчу. Но, между прочим,
пускай банкетный я пиит,
но все ж — пиит и правомочен
попортить малость аппетит.

А то сегодня все горазды
и есть и пить, и пить и есть,
привычно в атмосфере праздной
среди мая источая лесть.

А я, хоть пью и ем исправно,
свою не забываю роль
и говорю бесстрашно правду —
и мне, народ, внимать изволь.

Вернемся к нашему герою.
Еще один ты прожил год —
он трудным был весьма — не скрою,
но ты ж всегда собою горд.

Умеешь ты судьбу за холку
категорически схватить —
на всю бы грудь тебе наколку:
«Тут дуракам не подходить!»

Да, ты совсем не Буратино,
хоть, впрочем, и не Карабас:
в любую впишешься картину,
везде покажешь личный класс.

Пускай ты не игрок «Зенита»
да и не форвард ЦСКА —
прослыть желая знаменитым,
небезызвестность ты сыскал.

Такого вот *арт-иллери*ста
Е-бург не ведал и Югра —
и критика, и журналиста,
редактора *et cetera*.

В очках, брутальный, бородатый,
хотя и денди иногда,
периодически поддатый
и остроумнейший всегда.

Все в мире книги подержавший,
знаток всех точек, запятых,
десятки авторов пославший
туда, где и не сыщешь их.

И вот такому-то, такому,
кто штучен средь других ребят,
согласно физики облому,
уже, друзья, не пятьдесят.

И я, кому изрядно боле,
признаться вынужден уже:
желтеет поколенья поле
на юбилейном рубеже.

Не юны мы — не так ли, Женья? —
хотя и молоды душой
и, в чреслах вспоминая жженье,
еще глядимся хорошо.

Однако век и тыщелетье
уже иные на дворе —
кладут на плечи эполеты
не нам по нынешней поре.

И не на нас глядят софиты
и не про нас несут молву,
уже другие едут в Питер
на ярмарку да и в Москву.

Но — дева так же длиннонога,
но — водка так же холодна,
и так же жизнь не сыщёт Бога,
хоть та инстанция нужна.

Пусть человек звучит не гордо,
пускай царят нахал и плут,
пусть самый заваливающий орден
к твоим «пятеркам» не дадут,

пускай в умах у всех брожение
уже как уксус, а не спирт,
пусть средь небесного вращения
звезда с звездой не говорит,

но — как и прежде — ты неистов
и свой растёт у Жени Чук
и средь российских хоккеистов
есть свой Зашихин — Ковальчук.

И внемлют юные в Тюмени
тому, кто как редактор мудр,
и, как всегда, без промедленья
ты шлешь — по адресу! — лахудр.

Жизнь продолжается — и, значит,
живи как жил — пока живешь,
да и не можешь ты иначе,
иначе б не был так хорош!

Так совершим, друзья, движенье,
привычно нос суя в бокал:
за друга нашего, за Женю,
чтоб ты и дальше был, нахал!

Май 2008

Майское другое

Сознаюсь честно, много лет
я в этот день бокал сжимаю
с тех пор, как этот шпингалет
сказал: — А я родился в мае.

В тот самый день, когда Хайям
на свет явился и Кальпиди —
к таким достойнейшим людям,
всяк из которых, точно, лидер,

примкнул, все знают, Николай —
последний русский император,
печальной славой здешний край,
увы, пометивший когда-то.

И знаменитых этих средь
достойно смотрится наш Женья:
с такой особой рады впредь
мы длить, конечно, отношенья.

Характер пусть не рафинад,
весьма сложна твоя натура,
но — справедливости фанат
де-факто Женья и де-юре.

Любая дура и дурак
в глазах твоих неизлечимы,
ты с ними поступаешь так,
как... Впрочем, лучше умолчим мы.

Тебе студентки смотрят в рот
не только здесь, но и в Тюмени —
народ способен в оборот
взять Женья даром и уменьем.

Чье обаянье мне сродни,
но кто меня, однако, выше?
Кому от скуки наши дни
поверил защищать Всевышний?

Кто ненавидит пустомель
и бьет того, кто бьет баклуши?

Чей лоб — Антонову модель,
но с этим погоди, Андрюша.

Полвека позади с лихвой
и впереди — дай Бог! — полвека.
Согласны все принять со мной:
за огневого человека!

2009

Наталье Геннадьевне Ермоленко

Ягодные места

Сороковые роковые...
А. Блок

Когда за окнами апрель,
Любой стишок весной окрашен.
Но речь сегодня о Наташе,
А о Наташе что ни скажешь —
Влечет слагателя на мель:
Уместней тут виолончель...

Но держит речь не Паверман,
По пенью у меня «четыре»,
И я стреляю так же в тире,
Как ныне дребезжу на лире,
То ль ветеран, то ль графоман:
Тут не до нот — такой канкан!

По свету бродит тьма Наташ,
Но что нам ныне эти толпы,
И был бы просто остолоп ты,
Когда на них уставил лоб ты,
А не на раритет сей наш —
Средь Тань, Виол, и Вер, и Маш.

Пришла Наташа в кабинет,
Сменивши на посту Маркович,
А это ведь не пук моркови
Сжевать для улучшения крови —

Принять подобный эстафет
Готов не каждый абонент.

Ничуть судьбой не смущена,
В заботы вникнув и бумаги,
Не так, чтоб вовсе без отваги,
Но и не выставляя флаги,
Кому-то будто что должна,
Осуществляла, что должна.

Какой, однако, неофит —
Судачили аборигены —
Не в адрес, право, папы Гены,
При чем здесь, правда, чьи-то гены,
Но этот неприступный вид
И пьяного ведь отрезвит.

Сей образ трепет всем внушал —
И трепет пробирал студентов,
Да что студентов — и доцентов,
И даже в некие моменты
Профессор тож соображал,
В какой из пят его душа!

Но годы шли. Нам календарь
Отчасти дан и для острастки,
И жизнь здесь пусть у нас не сказки,
Но потеплели чьи-то глазки,
И я — хоть нудный пономарь,
Приоткрывая дверь в сей ларь,

Улыбку часто нахожу,
Хоть по сусекам и не лажу.
Но заболтался шеф, мне кажут.
Так пусть уста мои вам скажут
Такой тост — ради куражу:
За тех, кто здесь творит ажур!

Апрель 2005

Наташин триптих

1.

Совсем недалеко от патриарха —
буквально в сотне метров или двух,
вблизи от вуза, что зовется ГАРХА,
я ныне вам навязываюсь в слух.

Но не могу, друзья, молчать, поскольку,
энтузиазма всяческого полн,
я вижу здесь Зашихина и Ольгу
и прочий разный кафедральный пол.

Сидят Валера, Таня, Вера, Маша,
Васильев и примкнувший Алексей,
а также без сомнения Наташа,
у коей ныне вроде юбилей.

Поверить в это, если честно, трудно,
но мы привыкли с трудностями жить.
Но речь я, кажется, веду занудно —
пора к стакану губы приложить.

И я скажу, вздымая рюмку вверх,
что не напрасно в жизни ничего
и, коль Господь означил веку
Наталье, — как не поддержать его!

2.

Совсем поблизости, да что там — недалече,
буквально вот дорогу перейти,
сам патриарх Кирилл глаголет речи,
а мы его третируем, ети.

На небесах, конечно, нам припомнят,
что нами был отвергнут патриарх,
но патриарх Наталии не довод —
и в разных с ней сегодня он мирах.

А мы чего опять приперли в «Дудки» —
проверить, что ли, цел ли интерьер
или Татьяну славить снова? Дудки!
Хотя она кому-то и пример.

Оставил всяк сегодня свой компьютер —
всему порядок свой и срок,
и если б был не Быков я, а Путин,
я красным бы отметил тот денек,

в который — да! — средь фишек и каналов
и прочего народа «сорт второй»
на свет явилась наконец Наталья —
сосем не бог, не царь и не герой,

а человек — с руками и ногами
и прочим, чем отмечен гендер ваш.
Зачем явилась? Чтобы с нами
брать жизнь советскую на абордаж.

Хотя ее не видел я в пилотке
и стан ее не ведал портупей,
представить в экипаже на подлодке
ее, пожалуй, смог бы, ей-же-ей.

Но, к счастью, водные глубины
ее могли, да не смогли увлечь —
земную жизнь прожив до половины,
она для нас смогла себя сберечь.

Тут снова речь взыскует тоста,
ведь всяк здесь выпить не дурак,
и выпьют все, поскольку просто
мы выпьем за родной филфак!

3.

Есть женщины в русских селеньях
(немного, представьте, но есть),
в честь коих порою весенней
приятно застольничать здесь.

Не то что бы броские с виду,
но мимо такой — не пройдешь,
поскольку она индивидуум,
а всяк индивидуум — хорош!

Пускай от рождения Овен,
натурой совсем не овца,
такой человек безусловен
и тянет на молодца!

Посмотрит порой так сурово,
что взглядом нутро обожжет,
иль молвит заветное слово,
от коего схватит живот.

Но в эти же очи в иное
мгновенье когда поглядишь —
охватит волненье волною —
и, пусть на земле, но — летишь.

И голос порой так сиренев,
что хочешь на трубке висеть,
как будто из мифов сирена
освоила нашу Исеть.

При всех настроениях разных
ты кафедре нашей верна,
и скажем сегодня в твой праздник,
что ты нам и дальше нужна.

Поздравим же нашу Наташу,
счастливых пожелаем дней
и вздымем заздравную чашу
за твой (мы — без цифр) юбилей!

Весна 2010

Посреди весны
Экспромт
в трех частях, с бонусом

Илье и Маше Козловым

*Часть первая.
Атмосферная*

Да здравствуют красные супруги!
В. Катаев. Квадратура круга

Весна случилась ныне ранней —
растаяло вокруг жилья:
видать, был договор заране
у Вас с природою, Илья.

Хотелось Вам, чтоб потеплело
и впрямь посреди весны,
и намекнули Вы умело,
что небеса помочь должны.

А эти сферы, прямо скажем,
хоть слышат шелест многих губ,
вступают в договор не с каждым,
а только с тем, кто небу — люб.

Стал быть, нашли Вы аргументы
да и сообщницу нашли,
чтоб летние ингредиенты
согрели глубину земли.

И хоть пока скучают плуги
и семя в пашню не легло,
теплом повеяло в округе —
и здесь сегодня так тепло.

Ну, мы-то с вами понимаем,
что главный аргумент зовут
старинным русским словом *свадьба*,
на кою нас созвали тут.

И мы, свои оставив норы,
сюда устроили набег:
гостеприимство фирмы горной
уже изведаль человек!

Сюжет веду я постепенно,
но — здесь поскольку не барак:
пора поднять за эти стены,
в каких мы празднуем сей брак!

Часть вторая.

Решка

И почему к себе всегда
Манит фантазию поэта
Румянцем блещущая даль?..
Ф. Глинка. Море

Когда окрест мельчают лужи
и испаряются совсем,
пора спросить нам у Илюши:
Вам свадьба надобна зачем?

Супругу тоже мы уважим,
чтоб нам пенять не мог вигвам,
и спросим у прелестной Маши:
зачем супружество и Вам?

Супругов я тревожу души,
не чтоб испортить им плюмаж —
но в чем же правда у Илюши
и в чем же Ваша правда, Маш?

Зачем вкушать вам эту муку?
Зачем судьбы кривите ось?
Могли бы двигать вы науку —
ужели плохо вам жилось?!

Когда ответы ваши сложим,
какой же будет результат?
«Мы демографии поможем,
о чем радует Госкомстат».

Патриотизм такой отраден,
хоть Путин вам и не звонит, —
вот почему вы при параде,
торжественный блюдете вид.

Вкус терпок брачного орешка,
но разве папа речь не вел,
что у любой монеты решка
изнанкой там, где был орел?!

Ужель, Илья, забыл про Еву —
сюжет у всех в зубах завяз! —
ведь змей, учти, любую деву
угovorить всегда горазд?

И Вас, Мария, неужели
постигло горе от ума:
ведь в браке чахнут все мамзели! —
а Вы явились в ЗАГС сама!

А оба вы на вид не дети,
ходили даже в универ! —
зачем лезть добровольно в сети?
Во власти вы каких химер?

Мои наивны, знаю, речи —
уже не можно вам помочь,
но все ж, товарищи, не вечер
и уж тем более не ночь!

Тока светло на свете белом
и не пьяны мы все пока,
займемся свадебным мы делом —
наполним и возьмем бокал.

Токуда водка не прогоркла,
за тех, кто здесь рискнуть готов,
все выпьем. Убедились: горько?! —
Желаю подтвержденья слов.

*Часть третья.
На другой планете*

*Давайте думать о будущем.
Братья Стругацкие*

Ну вот сидим мы тут в застолье,
блаженствуем, мед-пиво пьем,
а как вот им-то в новой роли —
ужели с вами мы поймем?

Едва ли радости забыли
мы те, что дарит нам семья, —
и, дней былых листая были,
впадаю в элегичность я.

Как много парадоксов в сущем
нам открывается подчас
и ожидает вас в грядущем
то, что история — для нас.

Не зря Илья труды фантастов
всё дегустировал подряд
и Маша в них довольно часто
свой томный опускала взгляд.

Читать-то оба ведь умеют —
известны буквы им давно...
Мои уста тут не немеют —
им зреть грядущее дано.

Да, всяк пиит — пророк. В прогнозах
он дока, словно Нострадам,
и кто благоухает в розах —
тем я гипотезу отдам.

Она проста, как все живое,
и, как живое все, сложна:
теперь, когда вас стало двое,
счастливей вдвое быть должна

вся ваша жизнь. Поверьте слову
и подтвердите речь мою.
Подымем за семью Козловых —
за Машу пьем и за Илью!

Марии Аркадьевне Литовской

Алмазный наш венец

Конечно, из нее что-то выйдет,
Но куда уйдет?

Из разговоров на третьем этаже за деканатом

— Запейте водочкой. Вот так. А теперь спите спокойно. Я вам обещаю райские сны.

— Цветные?

— Какие угодно, — сказала она и вышла вон.

После чего сны и начались.

Мне снится день: мы заседали — четвертое то было декабря. И труд в проекте обсуждали, чтоб Маше заниматься им не зря.

Странно, почему нормального вроде бы человека тянет иногда говорить в рифму. Не аналогична ли такая устремленность тяге к спиртному? Кажется, мой друг Олеша проводил эту рискованную параллель.

Наверное, год назад я поискал бы иной эпитет. Но сегодня именно этот кажется мне наиболее точным. Если некоторые законодательные гипотезы будут насаждаться с той же настойчивостью, что и картофель при Екатерине, то, боюсь, в нашем отечестве уже к исходу нынешнего тысячелетия не останется ни одного стихотворца.

Вы спрашиваете, на каком основании я делаю подобные прогнозы? Ах, эта неистребимая остзейская потребность все происходящее и произносимое поверять метром логики!

Моя мамочка шила брюки моему папочке у Изи Шанцера на Дерибасовской. Так он измерял приносимую клиентами ткань метром, в котором было 82 сантиметра! Но это выяснилось только в 1918 году. Спасибо новой власти, но папочкины брюки оттого, как вы видите, не стали длиннее. Любая власть не удлиняет, а укорачивает. Одна — брюки, другая — людей, третья — путь к светлому будущему. А вы говорите — логика!

Так вот, то обсуждение, которое запечатлелось в сне-четверостишии, случилось ровно шесть лет назад. Изю дня в день. Как сейчас помню. А памятью моей восхищался сам автор

«Облака в штанах». Самое время выдвинуть тост за все, что хорошо начинается.

....Почему над стихотворениями принято ставить три звездочки? Нет, я не спрашиваю, почему — звездочки (коньячных флаконов и у меня хватает), я спрашиваю, почему три? Не четыре, не пять? Конечно, стихи ныне пошли такие, что над ними и одну звездочку ставить стыдно. Впрочем, и коньяки не лучше.

Помнится, разговаривали мы с Буниным. У него на квартире. Нет, еще не парижской. Глядя в распахнутое окно на волны Черного моря, мой собеседник вдруг с неожиданной для него мягкостью произнес: Белеет парус одинокий... Где, где? — переспросил я, судорожно вонзаясь взглядом в темно-синий бархат черноморского пространства.

— Пить, юноша, меньше надо, — холодно изрек хозяин и, позвав Веру, велел унести ей едва початую бутылку «Камю» и притащить таз компоту из абрикосов.

Все Иван Алексеевичи похожи друг на друга. Как, впрочем, и Александр Сергеевичи. Может, я еще напишу об этом.

Имя — как много значит оно для человека. Друг моего брата Файнзильберг (вы, может, помните его под другой, литературной, фамилией — Ильф, кажется) время от времени спрашивал самого себя: Марк Аврелий не еврей ли? И иногда — в хорошем расположении духа — отвечал утвердительно.

— Вы любите кататься на лодке при луне? У меня есть ялик. На Верх-Исетском ланжероне. Одолжил на турбазе.

Он был физически высок и математически строен.

Она подняла на него свою льняную головку, сняла очки и, глядя на него без уменьшительных линз, поменяла фамилию своего папы на фамилию его отца

В наушниках пролетающего над улицей Степана Разина самолета Литовского отделения Аэрофлота, следующего из Вильнюса в Карпинск через, сами понимаете, Жмеринку (рейс за 2 декабря прошлого года) неожиданно раздалось: За мужа диссертантки! Потом послышалось легкое взбулькивание.

Мы не доверяем нашим ушам, наверное, потому, что слишком часто их моем. А как много интересного можно услышать. И не только на радио. И не только по телевизору.

Тук, тук, тук.

Нет, это не дятел. Это товарищ привык выступать со своим художественным стуком в третьем отделении. Интересная самодеятельность. Талантов у нас много. Мы еще не всех знаем.

Вчера утречком иду я по проспекту. И у гастронома два мужика беседуют. Видимо, вчерашний преферанс обсуждают. Не с той карты пошел Миша — жаловался один другому. А вы говорите: рост культуры замедлился.

Мы диалектику учили не по Гегелю. Впрочем, и советскую литературу осваивали не по учебникам Выходцева или Метченко.

Звук запаздывает за светом. Теории и истории обречены плестись за практикой. Поэтому даже самое прекрасное прошлое не компенсирует неполноценность настоящего.

Написать роман из советской истории не трудно. Главное, не вставлять в текст слова «куратор», «Евтушенко», «разрядка», «человеческий фактор».

Связь времен. Связи бывают разными. В том числе — и сомнительными. У каждого персонажа книги о прошлом есть свой прототип в настоящем. Поэтому я обхожусь без фамилий.

Мне говорят, чего это вы всех наших классиков кличками обозначили — как доносчиков в жандармских платежных ведомостях: некрасиво как-то получается.

Всем хочется красоты. Но ведь жизнь не перепишешь. Этот роман всегда существует в единственной редакции.

И художник, если, конечно, он не разрисовщик плакатов, всегда пишет донос. На себя и на других. Он доносит на свое время.

Маяковские приходят и уходят. А командоры остаются.

В каждом коллективе есть свой Командор, свой Щелкунчик, свой Эскекс, свой Сын водопроводчика.

Да, кстати, про Дочь профессора.

Помнится, Комсомолка рассказывала мне, протягивая свои «Дневные звезды» — вычурное название, вы не находите? — что одна ее знакомая пришла к ней в гости, увидела портрет Герцена на столе и изрекла: До чего ж ты, Олечка, похожа на своего папочку!».

Каждый из нас похож на своего папочку. За исключением тех, кто похож на своих дедушек.

Только основываясь методологически на трудах классиков марксизма, можно осветить своеобразие современной литературы и связи времен. Этот свет, отразившись от ВАКовской открытки, материализовался в сознании кафедры в физиологический восторг.

Александр Сергеевич был прав:

Года к суровой прозе клонят.

Остепеняйтесь!

А вообще-то старик Соббакин когда-то написал: «Время работает на тех, кто работает».

Радист лайнера Литовского отделения Аэрофлота, возвращающегося из Карпинска в Вильнюс (разумеется, через Мелитополь) услышал в своих наушниках срывающийся от волнения или жажды голос: За нашу Машу!

Будет кому теперь читать литературу народов СССР, с удовлетворением подумал летчик, привычно озирая покрытые снегами бескрайние просторы нашей Родины.

Декабрь 1985

Нине Николаевне Маркович

Строфы без названия

Если был бы я собака,
Рыжий беспородный пес,
Я б Вам слаял. Но, однако,
Быть мне псом не довелось.

Эх, судьбы издевка злая:
Кто-то ж должен быть людьми!..
Обойдемся и без лая,
Но — совсем не без любви!

Пусть звучит обычной речью
Неуклюжий мой скулеж,
Но надеюсь: все, конечно,
Именинница, поймешь.

В прошлом были домовые —
Берегли в домах уют.
Вы душой своей и вытей
Создаете оный тут.

Труд с уютом совмещая
В невообразимый век,
Вы коллегам — сов.мещанам
Жизни скрашиваете бег.

Дни без радости, без цели —
Как страну ни величай:
СССРом, СНГ ли —
В ней одна отрада: чай

В кабинете у Маркович
(Да и кофе в оны дни
Подслащал нам буден горечь).
Дни, вздохнем, — бегут они.

Год за годом. И все та же
Рябь струится сквозь стекло.
Но не старше Вы со стажем,
А мудрее за столом.

Всяк из нас — другим подарок:
Нужен к каждому подход.
Кто ж их этих балок, арок
Кафедры творит народ?

Кто хранит нас всех от сглаза,
Кто в проблемах стиля, сказа
Съел, пардон, не пса — лангет.
Кто поддаст энтузиазму?
Только Вы. В любой момент.
(Это я — за фразой фразу —
Излагаю комплимент).

Пусть он в рифму и не складен,
Но скажу: средь наших драм,
Может, нам Ваш профиль даден,
Как Ваш пес дарован Вам.

Я не сеттер (в чем — с повинной).
Подытожу эту бредь:
Да пребудем все мы с Ниной
Николаевной и впредь!

Февраль 1992

Юлии Владимировне Матвеевой

Улет

Газданов должен был родиться,
Чтоб Юлечке осуществиться.
Кулуарное

Гайто Газданов — это что за птица?
Достойно ль здесь о нем рядить
Российской замечательной девице? —
И так у нас чеченцев пруд пруди.

Ведь Зайцев есть, Шмелев есть, Бунин —
Ужели реалистов лучше он?
Ведь мистик он и распускает нюни,
К тому же, кажется, масон.

На ситроене ездил по Парижу,
Возил месье различных и мадам —
И вот такой Вам оказался ближе,
Чем здесь трудившийся Адам?

Ну, что с того, что он писал романы,
Зело владея русским языком —
Сказать о нем, что — классик, рано,
А коль не классик — что ж твердить о нем?

Несвоевременен он, как всяк романтик,
И нужен, пессимист, у нас кому?
В словесности российской — с боку бантик,
Какой-то русский вариант Камю.

Ведь даже если спросим на филфаке —
Его здесь знает вовсе не любой,
А Вы его вздыхаете, как факел,
Над личной симпатичной головой.

Кому Газданов да и чем послужит?
Не слишком ли роскошно диссертант
Вокруг такого эмигранта кружит
И тщится доказать его талант?

Ну, что с того, что оппоненты
Хвалили Вас — бывает так,
Но это ж ритуальные моменты —
Куда важней, что скажет ВАК.

Пускай кричали здесь «Ура!» Вам,
Превозносили Ваш «классичный» труд —
Им захотелось подышать Уралом,
А Вы с Гайто и подвернулись тут.

Вот смаковать горазды Вы абзацы,
Облизывать прозрачный этот слог —
И надо было Вам пять лет стараться?
Куда глядел декан? А шеф? А Бог?!

Знак качества Вам выдали зачем-то
И труд прекрасным нарекли,
Но разве можно верить комплиментам?
Спуститесь с неба до земли!

А на земле банкетный стол воздвигли,
Чтоб новый был восславлен кандидат —
Да это ж фигли, Юля, мигли.
На что Вы свой потратили талант?!

И то лишь утешает, что таланты —
Чем тратят больше, тем они сильней.
Вы перестали зваться аспирантом,
Вновь стали человеком среди людей.

И ныне, на исходе века,
В себе смилив зануду и брюзгу,
За Юлю я, за человека
В УрГУ не молвить тоста не могу!

Октябрь 1996

Позднеосенняя эпистола

Я к Вам пишу в столицу, Юля, —
Провинциальный графоман.
Когда от нас Вас умыкнули,
Спустился над страной туман.

Потом дожди, потом морозы,
Суров российский календарь.
Тут — разве по контрасту — розы
Припоминаются, как встарь.
Но роз давно в Свердловске нету —
Хоть повод для таковых есть.
Мы тут не то что бы банкету
(такое не вмести́мо в смету),
Но провели локальный съезд
С повесткой дня:

 вот вышла книга
«XX век. Словесность. Стиль».
— Приятней я не помню мига.
Она взяла так много сил, —
Изрек ответственный редактор
И, мысль итожа, намекнул:
— Нам презентация, как фактор,
Потребна.

 Кое-кто икнул.
Но остальные искус этот
Отвергли (временно хотя б):
— Нам реализм велит как метод
Создать достойный книги штаб,
Чтоб нам пришедшие сказали,
Какие гении средь нас
Так монографью написали,
Что слезы аж текут из глаз.
Чтецов таких окрест немного,
Но, к счастью, их нашли и всех
Заслушали. Был Закс, был Коган,
Был ректор... Словом, был успех.
Редактора зело воспели,
Похвал хватило и другим.
Матвееву в лицо не зрели,
Но Юли имя влезло в гимн,
Причем не просто между строчек,
А — в ряд с Виолою — в припев.
— Каких вы здесь растите дочек! —
вдохнул один из тех, кто — Лев.
Восторги — ваши, Юли — наши... —
Отметил некто про себя.
В тот вечер телевизор даже
Нас показал: мол, знай ребят.

Ну и прекрасных дам, что пишут
Весьма занятные статьи,
Когда вокруг другим все дышат —
Хватает всем галиматьи.
А нам вот Юли не хватает:
Кто говорит о том, кто — нет,
Но каждый, точно, дни считает,
Когда вновь университет
Собою осчастливит Юля:
Студенты ждут, доценты ждут.
Мы, может, даже бы всплакнули —
Но дни, как слезы, не бегут.
Они — ползут. Им так удобно.
Но все ж все ближе, ближе час,
Когда улыбкой бесподобной
Вы вновь порадуете нас.
Не все собою льстить столице.
Пусть книжек больше чуть в Москве,
Пусть поизвестнее там лица,
Но ведь не даром говорится
(И в том доверимся молве),
Что где родился — там сгодился.
Конечно, кто собой пригож,
Тот, вроде бригадмилца,
В любую дверь мгновенно вхож,
В любую даль, в страну любую,
В судьбу, страницу и строку...
Но тут я в сторону другую
Поворочу и так реку:
Был прав известный вам Газданов,
Когда писал, что иногда
Нам слишком точных реплик надо
Все ж избегать. Так вот, вода,
Что всю Москву покрыла грязью,
У нас тут превратилась в лед.
В былые годы ждал нас праздник,
А ныне буднями народ
Живет и, видно, впредь придется
Ему так, без восторгов, жить.
А мы? — Но Юля к нам вернется,
И, значит, нечего тужить!

Р. С. Хотя б в постскриптуме я снова
С корыстью той — по части книг*.
Ну, что возьмешь с меня, такого?!
Ну, разве рубль. Так он же — пшик!
Нахальству, верно, нет предела,
Но Бог его затем терпел,
Что книжки тут нужны для дела —
Таков филологов удел.
Читаем книжки, книжки пишем,
Забиты строчками умы
И кажется, что даже дышим
Иначе — буковками — мы.
И дни когда нам подытожат
(Придет когда-то сей черед),
То прах не в гроб друзья положат,
А, словно в урну, в переплет.
...Чего-то лишку слов в миноре.
Видать, без Юли впрямь тоска.
Но что конечно — то не горе.
Пока бери свое, Москва!

Ноябрь 1994

Лидии Михайловне Слобожаниновой

Январское

Есть цифра в январе — тринадцать.
Одна из многих. Но она
для кой-кого из нас, признаться,
до чрезвычайности важна.
Вся важность, что в былом тысячелетьи
явились в этот день на свет
Вы, Лидь Михайловна, и этим
пренебрегать, друзья, не след!
Вам дороги искусство слова
и все, кто в слове том — мастак,
будь он с фамилией Бажова
иль с кличкой Мамин-Сибиряк.

* Просьба о приобретении в столице нескольких
не дошедших до Екатеринбурга изданий.

Но, как в любой, в словесной глыбе
порода разных есть сортов:
видны Вам Никонов и Вибе
и даже — Вы ж в очках! — Блинов.
Писать умеют ныне резво,
но на энтузиастов Вы
взглянуть способны очень трезво,
не мы поскольку, а — трезвы.
И мы вокруг Вас сегодня сели,
чтоб Вам здоровья пожелать,
чтоб сохранять живинку в деле —
как можно дольше сохранять!

2010

Татьяне Александровне Снигиревой

Т А С уполномочен заявить

Из цикла «Герои рядом с нами»

Т А С (Татьяна Александровна Снигирева):
— Господа! Я собрала вас, чтобы сообщить
преприятнейшую для вас новость:
со мной случился — юбилей.
Л.Теленин. Ревизская сказка (По рукописи)

Мне женщин не понять вовеки...
Саша Черный

Намедни, глядячи в окошко,
я вдруг подумал: если май,
то, значит... Тут на плечи кошка
вскочила — этот малахай

приятен, но смутил рассудок —
о чем я думал: май идет,
а месяц этот — не без шуток,
хотя и мается народ.

И вот пример, какую шутку
нам май текущий преподнес:
давно ли эту вот малютку
на крыльях аист в дом принес,

а ныне, говорит Татьяна,
в виду имейте — юбилей.
... Я думал поначалу: спьяну
Танюша спутала бег дней.

Потом припомнил: к алкоголю
профессор стала холодна.
Виолы, может, славу долю
примерить вздумала она?!

Но нет, есть счет в отделе кадров,
и ректор наш на вид не плут —
нам премий — даже лучшим кадрам —
без юбилеев не дают.

Так, стало быть, той цифре — верить,
хотя и верится с трудом.
Но я, открывши эти двери,
увидел чудо за столом!

И на столе, конечно, чудо
(но этим нас не удивишь),
но за столом такие люди,
и среди них — и ты сидишь!

Сидишь, как будто в этой роли
уже блистаешь пару лет
(что я сморозил: это боле
укол иль все же комплимент?)

Но для поэта, знает Вера,
святого в этом мире нет.
Давно ль у нас средь интерьера
возникла эта шпингалет?

Ее пригрел А. С. Субботин
на испрокуренной груди.
Зачем, — я сморщил лоб, — берете? —
А он в ответ: — Ты погоди.

Всему свой срок. Покажет время,
что, как в тебе, я прав и в ней
и кафедры вот этой бремя
тащить вам с нею много дней.

Я промолчал, хоть вспомнил басню
про воз, какой и ныне там.
А вот теперь, признаюсь, ясно,
что с Таней пофартило нам.

Она не Ларина, но Таням
такой уж жребий в сей стране,
но... уточнять его не станем,
чтоб не ходить потом в рваньё.

А я, хоть туфли и не чищу,
но не пинаюсь под столом,
да, Таня трудностей не ищет —
те сами к ней стучатся в дом.

Но — как одна поэт писала —
чем век страшней, тем я сильней,
и Таня кулаки сжимала
среди не самых светлых дней.

И был примером ей Твардовский —
ея любимейший поэт.
Не только здесь у нас, в Свердловске,
но и в Смоленске равных нет,

уверен я, Татьяне нашей,
и это, нет, не из легенд:
Татьяна — наподобье башни —
есть признанный твардовсковед.

Твоя малиновая книга
малину темы вобрала,
чем показала многим фигу,
кто в те ж вгрызался удила.

Но не одной Твардовский лирой
был, как известно, поглощен,
и занялась ты «Новым миром» —
пусть мир иной со всех сторон

на нас и на тебя атаку
уже который год ведет,
а ты — хоть с маслом хлеб и лаком —
не мастер по исканью льгот.

Хотя, коль есть возможность гранта,
ты не упустишь этот шанс,
и пусть порою маловата
бывала кружка — в ней был шнапс!

Как улепетывают годы!
Как остается мир велик!
Но, к счастью, знает Таня Лондон
не только по страницам книг.

И Лондон знает Таню тоже,
и там, где был у них Шекспир,
недавно — Тане все возможно —
поставлен был ее кумир.

Тлясать британцам наши танцы,
как полагаю, не с ноги,
и хоть пыталися британцы,
а все ж вприсядку — не смогли!

Зачем британцам Вася Теркин,
когда у них есть Шерлок Холмс?
...Но — по известной поговорке —
Британия ведь за холмом-с.

И даже вроде за проливом —
Ла-Манш в глаза я не видал,
а вот в имении счастливом
пускай проездом, но бывал.

Хоть сам в делах я дачных дока,
но ради истины скажу:
не каждый, извините, доктор
от грядки отличит межу.

Но Снигирева не из этих
эстетственных профессоров:
и только мысль блеснет о лете —
она уж, глянь, среди лугов.

Порхает, словно крылья сзади
и свод небесный над башкой
(в моем возвышенном докладе
простится образ мне такой)

И этой форменной пейзажке
в тот миг Алеша (то — сынок!)
сыграл бы нечто на тальянке,
когда бы на тальянке мог.

С укором взглянет тут Евгений,
коль к нам заглянет на этаж:
да, не Есенин я, не гений,
но сей произведень — не ваш!

Зашихин, я скрывать не стану
(мне просто нечего скрывать),
ждешь рифму в виршах про Татьяну
напрасно ты совсем: кровать.

У ней — сам видел я — на даче
(а всякий дачник не дурак)
народ блаженствует иначе —
и для блаженства есть гамак.

По крайней мере, быть он должен,
а что должно — то, значит, есть.
Вот, скажем, юбилей положен —
и все сидим мы ныне здесь.

А юбиляр — опущен долу
слегка смущенный взгляд у ней —
итак, поздравим же Виолу!
Ах, нет — о ней чуть-чуть поздней.

У нас иная ныне дата
и юбиляр иной совсем.
Но что-то все мы не поддаты,
а время мчится между тем.

Меня давно влечет к поэме —
пора минула эпиграмм,
но — время, понимаю, время —
пардон, мужи, пардон, мадам.

Васильев уж давно угрюм, как
не дед еще, а все отец,
но не прокиснет то, что в рюмках,
и виден текста мне конец.

Фонарь ли то в конце тоннеля
или улыбки чьей-то свет —
не знает этого Емеля,
ну, а на нет басманцев нет.

На лирику вдруг потянула
меня весенняя трава...
...Тут кошка с шеи сиганула
и звякнул за окном трамвай.

И вспомнил я про Таню нашу,
хотя ее не забывал,
и про наполненную чашу,
давно в какую не вникал.

А кульминация простая
про Таню сочиненных строк:
за продолжение процветАНья!
Цвети и далее, дружок!

Май 2004

На дне (рождения)

Т. С.

Нет, друзья, не газетная утка
и не шутка от Гудова В. —
мы сегодня встречаемся в «Дудках»:
надлежит всё изведать в судьбе!
Почему же за изгородь эту
в этот вечер нас всех занесло?
Чтоб, нарушив режим и диету,
пожевать на халяву котлету
и попутно скурить сигарету,
иль взглянуть на коллегу, одету
в туалетку аж по этикету,
иль от Химич услышать куплету,
где ждешь рифмы упорно, да где там!,
иль узнать — по большому секрету —
вдруг, по свежему ВАКа декрету,

нам отменяют добавки все к лету?
Нет! Воздали чтоб авторитету,
а точнее сказать, раритету!
Но, чтоб чествовать девушку эту,
лет своих что прикинула смету,
не по силам такое сонету:
тут Твардовский бы нужен, да нету —
и пришлось мне строчить для банкету.
Что ж, терпите такого поету —
уж такое мое ремесло!

*Тани-Толкай,
или Неустрасимая девица*

Загорские вирши

Публика имеет право на развлечение!

Б. Брехт

Я прошу, товарищи, вниманья —
все же ресторан здесь, не вокзал...
Был пиит в Свердловске Яша Танин,
Снигиреву Таню он не знал.

Почему мне вспомнился тот Яков,
не готов я внятно объяснить.
Имя? Иль фамилия? Однако
ускользнула этой мысли нить.

Я, как многим ведомо, не Танин,
но читаю этот здесь стишок
и прошу прощения заране,
если строк вкуснее артишок.

Разные в меню ингредиенты
этот вечер предлагает нам,
потому как разные клиенты
посетили дудочный вигвам.

Во главе застолья — юбилярша,
держится, однако, молодцом
и о том, что стала ныне старше,
кажется, не ведает о том.

Ну, а мы-то подсказать горазды
с высоты своих солидных лет,
и, уж коль позвали нас на праздник,
мы вчитались в реализм анкет.

И когда открыл я те скрижали,
пыль всю предварительно смахнув,
мне они такое рассказали,
словно комиссар я, русский Жюв.

Ну, а Таня вроде Фантомаса,
а Свердловск почти Париж совсем —
на меня таких событий масса
и таких обрушилась проблем,

что об этом всем когда сказал бы,
вечер весь вам слушать бы меня...
Но не зря же видом аксакал я —
и займу у вас всего полдня.

Значит, так: росла в стране девица,
под приглядом маминым росла,
был бы повод очень удивиться,
коль в УрГУ б та дева не пришла.

На филфак отважно поступила,
мудро этим самым поступив,
не была с рождения зубрила,
но вошла в филфаковский актив.

И ея заметил сам Субботин,
что «Поэму без героя» прочитал
и увидел в этой Тане что-то,
что, быть может, сам не понимал.

Но решило всё чутье у шефа —
этот дар не вычитать из книг.
Так у кафедрального рельефа
этот вот пригорочек возник.

Говорит наука, очень древний
наш геологически Урал:
здесь растёт всё медленно, но верно —
если ты, конечно, не нахал.

Для начальства кадры есть иные —
в кадр не вставим их сегодня мы,
и песка средь, битума и глины,
удивляя местные умы,

этот незатейливый пригорок
набирал упрямо высоту —
с завистью, восторгом и укором
все глядели на нахалку ту.

А она, забыв, Урал что — Средний,
продолжая в вертикаль разбег,
нянчила в душе такие бредни:
пусть не Эверест — хотя б Казбек!

Что же получилось в результате
этих вулканических трудов?
Некогда пригорок, к славной дате
стать большой вершиною готов.

И поскольку ужас надоесть вам
приближает к горлу немоту,
предлагаю фирменное действо:
всем принять сейчас за гору ту!

Май 2009

Александру Сергеевичу Субботину

Нечто лирически-идеологическое

В декабре у нас морозы
щиплют уши, нос и лоб,
но не шепчем мы сквозь слезы,
поскорей кончался чтоб.

Увлеченные работой
и домашней суетой,
помним мы, что А. Субботин
в декабре справляет свой

день рождения. Ежегодно.
И всегда в кругу своих.
Потому я всенародно
и реку банкетный стих.

Испытует перестройка
очень жестко этот жанр,
но — бежит за строчкой строчка
в этот тост, как на пожар.

Средь литературоведов
да и критиков промеж
человек подобный редок —
как ученый средь невеж.

Не найти во всем Свердловске
(да и, может быть, нигде),
кто бы так вот с Маяковским
был на дружеской ноге!

А еще она короче
с Львом Сорокиным самим!..
В настроении рабочем
кто с другими не сравним?

Ну, конечно же, Субботин!
А еще диктует лист,
чтоб в банкетную субботу
знали мы, что шахматист

наш виновник — и играет
так, что и понять нельзя,
как партнера оставляет
он внезапно без ферзя!

Этот перечень — он долгий
может быть: ну, как забыть,
что вопрос методологий
нам без Вас не разрешить?

А в ученейшем Совете
в чьих извилинах нужда?
И при этом мы заметим,
что гостей здесь ждут всегда.

Он не ангел и не Гурий —
знает кафедры народ:
именинник — он ведь курит
и — подумать страшно! — пьет.

Но достоинств видим столько,
что мораль уже ясна:
коренная перестройка
Вам, товарищ, не нужна!

Так живет, как жить настроен.
Деловит. Логичен. Прост.
За того, кто и достоин
этих слов, и будет тост!

23 декабря 1986

Баллада о точке

А. С.

Октября пятнадцатого,
в пятницу,
поздно вечером или рано ночью
(не скажу точно),
была поставлена точка
в деле со множеством проволочек,
стоившем многих бессонных ночек.
Да что там — ночек! Месяцев, лет!
О точке той и расскажет поэт.

Быть может, кой-что я запомнил
(выпитое склоняет к тому),
но и ныне я памятью с Вами там —
в том октябрьском московском дыму.
До последней минуты не верилось,
что — начнется и выйдет. И все ж
неуклонные Ваши намерения
победили: защиту — даешь!
И шестнадцать московских товарищей,
что составили кворум в тот день,
разогнали сомнений туманище,
каждый свой опустив бюллетень.
А Совета начальник А. Метченко
к Вам настолько душой воспылал,

что поступок свершил опрометчивый:
что он «за» — всем листок показал.
Три часа это шло испытание:
три часа плюс три года плюс жизнь.
Но все кончилось!

Снова искания —
душу надо скорей освежить!
Для души лучше водки нет душа.
Водка — вот. Но стакана нема.
Из горла? Это Женя пьет, дорогуша, —
он любитель таких синема.
Ну, а тертый на времени мельнице
покультурнее выход найдет:
нет посуды — сгодится и мыльница!
Был бы повод — а он еще тот!
В кулуарах вуза московского
пригодилась очень тогда
та привычка от Маяковского —
мыло чтоб было всегда.
И пластмассу от парфюмерии
поднесли Вы к усталым устам —
и по всем растеклась артериям
эйфория... На зависть нам.
Чтоб ту зависть из сердца вывести,
мало — мыльницу приобрести:
надо прочее тоже вынести,
чтоб до мыльницы той дорасти.
Ах, баллада моя бессистемная,
всяко лыко тащит в строку —
распроститься давно мне бы с тем, но я
больше верю ему, пустяку.
Время — вещь, как известно, длинная,
и десятилетиями поздней
вряд ли сможем мы вычертить линию
этих неповторимых дней.
Тут и станет баллада помощью,
равно как с этой влагой стакан,
и на спрос сокровенный: — А помнишь ли? —
помню, помню — ответит строка.
Это — точка? Бог с ВАКом лишь ведают,
но оптимизм мы все сохраним.
Жизнь твердит: продолжение — следует!
Пусть она поторопится с ним!

23 декабря 1992

Вере Васильевне Химич

Верификация
в трех частях
с интродукцией и ретро-бонусом

Речи Санчо Пансо настолько
превосходят понятия Санчо,
что могут быть почитаемы
за вымышленные.
Сервантес

Тут мне намеренно сообщили,
Что назревает юбилей.
Как этот жанр к лицу мужчине,
Как даме лучше без нулей!
Не тех нулей, что на банкнотах,
А тех, что кажет календарь, —
И суть не в предписаньях КЗОТа —
Иной здесь правит государь.
Его зовут... Но так ли важно...
Ведь все, кто ныне здесь сидит,
Тому начальнику отважно
Не первый век в глаза глядит.
Но надобно нам все же имя,
Очеловечить чтоб рассказ.
Возьмем, к примеру, Веру Химич —
Она случайно здесь сейчас.
Средь нас и не сыскать другую,
Кто был бы столь глубок и мудр —
Не так, как я, что здесь воркую,
Не так, как требует талмуд.
Дана иная мудрость Вере,
Хоть многие прочла тома,
Что помогло ее карьере —
Нет бед от лишнего ума.
Его избыток уложишь в диссер
Гарантией от всяких клизм:
Процесс игры защитной в бисер —
Сей фантастичен реализм!
Но прежде чем в Ваш труд Булгаков

Смог втиснуть личный силуэт,
Немало прожито, однако —
Напомнит кое-что поэт.
А чтоб мемори лучше спикать,
Мне надо горлышко смочить.
Поднимем рюмку, словно скипетр,
И начинаем — Хи-ми-чить!

1.

Пусть говорят, что наша жизнь — химера,
Едва ли согласится с тем поэт.
Жила на свете Хлопочкина Вера —
Теперь давно того уж света нет,
Который был тогда, в шестидесятых,
Когда ходила Верочка в УрГУ.
УрГУ тогда не здесь стоял, ребята,
И в том, где он тогда стоял, углу,
Еще земля нашлась для высшей школы,
В какой преобладали мужики —
Одним из них был Химич Анатолий.
Мораль понятна этой вам строки?
То ль Чехов Веру перекрасил в Химич,
То ль это Химич к Чехову привел —
Но, словом, анаграммами такими
Бытийный и гордится произвол.
Была ли аспиранткой Вы — не помню,
Хоть что-то мне диктует, что была.
Однако же при власти монопольной
В КПСС В. Химич не пошла.
(Прошу, друзья, вы глаз не округляйте —
И время ведь бывает сэконд-хенд:
Уроки лет былых на ус мотайте,
В чем, собственно, и смысл любых легенд).
Васильевна себе стезю другую
Сыскала средь общественных всех уз,
И поняли, конечно, все, какую:
Прониклась Вера верой в профсоюз.
И хоть поем мы юбилярше гимны,
Все ж истина дороже, чем Платон:
Влечение было, подчеркнем, взаимным
И для обеих выгодным сторон.
Тут снова мне подсказывает Муза,
Чтоб рифмой население пронять,
За крепкие объятия профсоюза
И Химич Веры надлежит принять.

2.

Влюбленность нам велит из миллионов
Вдруг предпочесть кого-то одного.
Но чем Вас соблазнить сумел Леонов,
Ведь столько лет смотрели Вы в него?!
Да, тетка был тогда в большом фаворе,
Но «Вора» кто читал иль «Русский лес»?..
Филолога сухарь нередко горек
И наш ликбез, увы, не райсобес.
И сколько ни испытывай досады,
На чудеса ты здесь не уповай:
А плодовит был автор тот усатый —
В те романы вникай — не уставай.
Ведь он и слова в простоте не скажет
И разных пирамид нагородит...
Но, к счастью, истоптавши эту пажить,
Вас видим у другого на груди.
То был пиджак совсем иного кроя
И чеховским казался шевиот —
Мне оный автор ближе, я не скрою,
И новый в жизни Веры поворот
Стал благотворным временем. Однако
Его лакировать и здесь нельзя:
Ведь там, где фигурирует Булгаков,
Там неизбежны Воланд и друзья.
Но Вера-то у нас не Маргарита
И душу, что ни дайте, не продаст:
Средь нашего возвращенная синклита,
Она пример окрестным дамам, да-с!
Ее улыбка может быть капризна,
Но не капризна Верина душа:
Отважно в фантастичность реализма
Вникала, перед чертом не дрожа.
А мы отваге такой внимали,
Подсовывая свой аплодисмент —
И тех оваций слышалось немало,
Настоль был убедителен клиент.
Тут снова я, своей послушен лире,
Обязан наш симпозиум призвать
За получившую прописку в мире
М. А. Булгакова — прошу принять.

3.

Ишь как размазывает, черт бы его побрал.....

М. Булгаков. Дон Кихот

На кафедре, где что ни член, то личность
И что ни личность, то — ищи словарь,
У нас натурой самой героичной,
Бесспорно, та, кем славен календарь.
То Щенников исчезнет, то Крапивин
Оставит наш благословенный град,
А Вере, нет, не по пути с такими —
И этому любой в округе рад.
В глазах ея, особ после ремонта,
Такой сияет к жизни интерес,
Что если б возвращенец из Вермонта
Увидел их, то был бы чувств он без.
А мы — привычные, мы с Верой рядом
(Что не гипербола) второй уж век —
Одним никак не выскажешь докладом,
Чем восторгает этот человек.
Ну вот хотя б у Химич аспирантки,
Блуждают среди тем порой таких! —
В итоге же бывает все в порядке:
Руководитель мудр зело у них!
Иль взять меня, банкетного поэта:
Как подрывают мой авторитет
Ее неприхотливые куплеты,
В каких порой и рифмы даже нет!
А как студенты местные трепещут
Пред Верою Васильевной — молчу.
Не потому, что сей препод — зловещий,
Не так, как жертвы идут к палачу,
А преисполнены безмерно уваженья
К тому, кто с них по восемь шкур спускал,
Чтоб знали все. И знают. Правда, Женья?
Нет, Химич хоть сейчас — на пьедестал.
Но ладить бюст мы погодим покуда —
Пусть лично украшает коллектив.
За Веру Химич поднимай посуду,
Сидящий в этой чайхане актив!

Ретро-бонус

Отложив на потом Бахтина и Декарта,
Вожделенно я грезил, когда календарь
Мне листочком махнет: 31 марта —
Значит, время за Веру наполнить стопарь.
Но хочу коллектив уберечь от фальстарта,
Ведь рифмованный тост мой пока не готов:
Долог путь от того 31 марта,
Когда Вера родилась, до этих стихов.
Но шли дни, и пригожая Вера, за партой
Десять лет добросовестно все отсидев,
На филфаке встречать 31 марта
Возмечтала средь столь же начитанных дев.
У судьбы иногда столь причудлива карта:
Кто учился вчера — ныне учит других,
Но не зря кто рожден 31 марта
Марс отважный в любимчиках числит своих.
Да, такой бы гордилась и древняя Спарта,
Да не тот ныне век и не та параллель.
Но по паспорту кто с 31 марта —
На тунику не сменит родную шинель.
Не Баран (как подумает кто-то в азарте) —
Есть ли место Барану средь нашенских стен?
Да, она родилась 31 марта —
И поэтому гордо зовется — Овен!
А Овены — они в добавление к фарту
Выжмут всё из себя и из целой страны:
Кто явился на свет 31 марта,
Тот по жизни идет, как шагают Овны!
Для студентов суровой порой леопарда,
Но блаженны, кому Химич выдала «пять»,
Как погоду у нас 31 марта,
Так политику Веры нельзя предсказать.
К ней на лекции мчится учитель на нартах,
На такси, ну, а беден карман — на метро,
Ибо тот, кто рожден 31 марта,
Эрудирован так, будто он — из УГРО.
Что Булгаков, что Чехов, что классик соц-арта,
Что завел, как Сусанин, читателей в лес, —
Кто, как Вера, рожден 31 марта,
Тот в печенки любого художника влез!
А при том юбилярша, накинувши фартук,
И на кухне собой заменяет артель:

И как явишься к ней 31 марта —
Так и пьешь и жуешь чуть не весь ли апрель.
Мать прелестной дочурки и кавалергарда
И при этом законного мужа жена,
И родилась весной — 31 марта —
Эта ж дата быть красной отныне должна.
Деликатнее Жени, догадливей Сартра,
И рифмует, как Быков, как Путин тверда,
Постучалась в сей мир 31 марта —
И не зря ей отсюда ответили: Да!
Тут намедни Оксфорд намекал нам на бартер:
Мол, валюты мешок, ну а Верочку — им.
Шиш! — Такие, с тавром 31 марта,
И в Отечестве здесь пригодятся самим.
Пусть французы гордятся челом Бонапарта,
И у нас тоже есть не картонные лбы.
А у тех, кто возник 31 марта,
На челе поцелуй, посмотрите, судьбы!
На Земле нас сегодня уже миллиарды,
Но есть штучные люди на шарик земной.
С ними рады мы пить 31 марта —
Все, надеюсь, согласны в застолье со мной.
Но я всех утомил и не выпита кварта,
А когда ж нам и выпить как не в юбилей?!
За рожденную в день 31 марта
Каждый выпей до дна и по новой налей!

31 марта 1997—2007

Химикальное еще

Тут с крыши снова стало капать
и шубы сняли кое-кто,
стал мокнуть в лужах зимний лапоть —
и это всё — намек о том,
что день рожденья Химич Веры
(какой? — скажу: очередной)
стучится в кафедры сей двери
своей мозолистой рукой.
Ну, коль стучится — что же, впустим
и посудачим с вами вновь,
зачем нашли ее в капусте
там, где могла расти морковь.

Немало надобно отваги,
филфак собой чтоб украшать
посредством лекций и бумаги,
а недовольных — укрощать!
Хотя кто ею недоволен,
тому век воли не видать,
и к ней начальник — сердоболен,
декан сулит ей благодать.
Она ж в трудах своих ретива —
ну как санузел совмещен
и — как посол от коллектива —
то там, то тут, то где еще.
И мне в окрестностях Свердловска
сказали тут позавчера,
что у всеведущей Литовской
возникла старшая сестра.
Не стал я с версией той спорить:
кто пашет — пашет пусть и впредь,
все лучше, галкой на заборе
чем не чирикающая сидеть.
На прозу детскую с успехом
на днях наставила глаза,
а там — про мальчиков и Чехов —
недели три тому назад.
Коль так пойдет — нас всех заменит
сей любомудрый активист:
ведь продолжает тем не мене
в энтузиазме рвать батист.
Энтузиазм такой приемлем,
и поощрение грядет.
За Веру Химич все подьемлем:
такие вот и есть народ!

31 марта 2010

Виоле Викторовне Эйдиновой

ШармАнка — 99

Глава нулевая Эпиграфическая

Скажи-ка, Блажес, ведь не даром...

Зачеркнуто.

Скажи-ка, ректор, ведь не даром...

Зачеркнуто.

Скажите-ка, Михаил Иосифович, ведь не даром...

Зачеркнуто.

Скажите-ка, Виола Викторовна...

Впрочем, вам говорить ничего не надо.

Говорить будут другие.

Скажи-ка, Быков...

Скажу, скажу.

Однако спикать

Чуть подожду.

Пока бокалы

Все не возьмут

Тост для начала:

За тех, кто тут!

Глава следующая Сведущая

И, как во сне, я слышу звук Виолы.

А. Ахматова. Вечерняя комната, 1912

И ангельским быть должен голосок...

Из классики давнопрошедшего века.

Вороне бог послал кусочек сыра...*

Из той же классики

Виола — я скрывать не стану —

Справляет ныне юбилей.

И к юбиляра пьедесталу

Я, как из басни муравей,

* Как выяснили дотошные историки литературы, Бог послал вороне кусочек сыра «Виола».

Стихов соломинку и прозы
Не без усердия несусь:
Стрекозы, знаю, ценят розы,
Но у меня от них в носу
Свербит обычно (аллергия...)
Да и в кармане — сквознячок,
А не привык влезать в долги я,
Но о бюджете здесь — молчок.
Не потому, что не корректно
Твердить о деньгах в сей момент,
А потому что с нами ректор
На сей взирает монумент.
Что Третьяков подумать может,
Когда начну считать я медь,
Ведь вылез он давно из кожи,
Чтоб в срок пятак нам свой иметь.
Но счет вести не время ранам,
Хоть взор куда ни кинь — все клин...
Вернемся к нашим юбилярам:
Набоков, Гусева, Пушкин...
И в этот славный ряд Виола
Легко (как к Блажесу) вошла:
Все мог, как помнится нам, Воланд,
Но мощь его — при ней! — мала!
Вот приезжал наместник Сорос
Зачем-то в наш суровый край,
Зевал буржуй, но, этот голос
Услыша, понял: — Не зевай!
Другой такой средь женщин нету —
Да чтобы я такой не дал?!
А он поездил ведь по свету
И много Виолетт видал.
И, в сердце увозя Виолу
(«Такая — и без школы чтоб?!»),
Не раскошелиться на школу
Не мог заезжий филантроп.
Там чеком подтверждают чувства,
Здесь — стало больше личных школ.
Жаль, что таких Джорджей — не густо,
Но их все ж больше, чем Виол.
Любовь Орлова перед нею
Или Мерлин (ну, та — Монро)
Автоматически бледнеют —

И я роняю тут перо.
Я подниму его, продолжен
Конечно, будет мой маршрут,
Но я принять лекарство должен,
И как нам всем не выпить тут
За ту, которая меж нами
Одна из нас, но все ж одна!
Взмахнем же дружно стаканами
За ту, что нам дана. До дна!

Монолог ворчливый

Давайте скажем прямо, строго:
Конечно, Эйдиновой много:
Портретов Эйдиновой, — тьма!
У каждого из нас — по два.
Я не про марку самолета,
Давно забытого страной,
Я говорю про это фото,
которое сейчас со мной.
Да и, конечно, с вами тоже:
Что ни открой — везде она:
На фоне креслица из кожи
Сидит — ну, прям звезда кина!
А нам зачем ее портреты,
Когда есть сам оригинал? —
И не был я б, друзья, поэтом,
Когда бы правду не сказал.
Но раз уж я поэт банкетный,
Обязан тост я произнести:
Пьем за прелестницу вот эту!
Она не выдумана — есть!

*Глава удивлений
Мозаично-патриотичная*

Море никогда не чувствует,
Что в нем столько воды.
*Наблюдение известного океанолога,
пожелавшего остаться неизвестным*

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит.
Н. Некрасов

Не впервой мне славить юбиляров,
В этом деле я кой-что постиг,
Но таких покуда экземпляров
Не знал еще банкетный стих.

Мы с годами все умнеем,
Но из нас хотя б один
Понимал, что «Жизнь — сложнее»,
Выпекая первый блин?!

Всяк трудами полки полнит,
Но ответьте мне, друзья,
Кто из вас те строчки помнит,
И упомнить что нельзя?

Чтим студентов, но настолько ль,
Чтоб в их честь чинить стило —
Даже если и монголка,
Даже пусть Ичинхорлоо?! < ... >

...Умниц среди дам порой встречаем
(Феминизм везде корня пустил),
Только ведь никто не сочиняет
«Век. Литературу. Стиль»!

Есть у каждого свой автор по обыкью,
Ну от силы два, ну, может, три —
А Виола с новою добычей
Каждый год — знай, успевай смотри!

Много в Вас ученой этой удали,
Возраст и усталость — прочь!
Михаил Иосифович, правда ли,
Что строчит супруга день и ночь?

Шеврин все зовет плясать ее,
А у ней — иное в голове:
Нет уже в отечестве писателя,
Чей бы стиль не славила В. В.!

Славит в книгах, славит в выступлениях
В разных весах, разных городах —
Наш главбух порою в исступлении:
Ведь бюджет УрГУ потерпит крах!

Заспанный студент, спеша на лекцию,
Осторожно приоткрое дверь:
Где профессор? — А на конференции
Где-то на просторах СССР!

Но, достойной славой увенчана
Как ученый и как педагог,
Вы при этом остаетесь женщиной
И лежат мужи у Ваших ног.

Все сияет, что б Вы ни надели:
Платье, кофточка, костюм, пальто,
И недаром бизнесом модельным
Вас поныне соблазняет кое-кто.

Красоты всем внятно эсперанто,
И для Вас язык такой — родной.
В окруженьи Ваших аспирантов
Вы глядитесь самой молодой.

И когда вас, ищущих рассолу,
Где-то встретит — велика страна! —
Человек, похожий на Виолу,
Знайте: это именно она!

В Тель-Авиве профили знакомые
Можно увидеть в любом окне,
Но глаза вот эти умно-томные
В нашей лишь блаженствуют стране!

За морями жить не худо,
Но скажите мне, в конце концов,
Визажист какого Голливуда
Сочинит подобное лицо?

Хороши Лорен в Италии,
Словно по лекалу силуэт,
Но, ragdon, подобной талии —
Я у них проверил лично — нет.

Все в натуре этой удивительно —
Что тут говорить — пора поднять.
Я итожу монолог свой длительный:
Чтоб и дальше Вам — сиять, сиять, сиять!

Май 1999

Бегство от Макропулоса

Четыре крика четырех частей

В Финляндии попал я в баню. Глядь,
пристывает ко мне банщица, вымеобразная
этакая чухонка. Тут моет, там поливает.
Мне неловко, куда деваться не знаю.
А банщица — ни в одном глазу: они
привычные.

Так должно быть и юбиляру. А тем,
кто поливает, — ничего: они привычные.

Евг. Замятин

В предбаннике Интродукция

Я по весне всегда взволнован:
весна — волнительный сезон.
Жизнь пробуждается по новой —
какой тревожиться резон?

И все ж душа полна эмоций,
хоть внешне вид — как у совы:
не тем, как с кризисом бороться,
не о работах курсовых,

Не тем, Медведев или этот
жмет государственный штурвал,
а юбилейным тем клиентом,
который нас сюда созвал.

И коль мы с вами не нахалы,
на вечер весь отринем спесь.
Друзья, опустим нос в бокалы:
за всех, кто здесь!

*Часть первая
Долой склероз!*

Негоже быть ветераном собственной жизни.
М. Бежар

Все в жизни развивается по циклам.
Жизнь — это ритм, так Химич говорит.
К Виолы юбилеям мы привыкли,
кто не привык, возможно инвалид.

Но, к счастью, все на кафедре здоровы:
энергия, напор, энтузиазм...
И вот мы с вами здесь по-новой
вникаем в смысл лукавых фраз.

Так я о чем? — порой склерозу
уже мои подвержены мозги,
но я встаю привычно в позу:
во мне засомневаться не моги!

Послушна мне покуда рифма,
и пусть в очках нуждаются глаза,
долой хронологические рифы!
Не восклицать банкетному нельзя!

И я нанизываю строчки,
поскольку не забыл: весна
и кто-то юбилярит точно —
и тут моя поэзия нужна.

Но полн мой мозг недоуменья:
о ком писать мне надлежит?
Не первый вспоминаю день я,
до даты кто сумел дожить.

Коллег в уме перебираю:
И тот, и эта вот могла,
При этом я не привираю —
таки на кафедре дела!

Здесь пашет, удила вкусивши,
всяк словно шолоховский плуг,
и всяк мотает на усища,
что не декану — истине он друг.

В таком прекрасном коллективе
кто, вспоминаю, юбиляр:
тот, кто других ретивей,
иль тот, кого сжигает жар?!

Иль, может, тот, кто много пишет,
иль тот, кто много издает,
иль кто проникновенно дышит,
кто жить студентам не дает?

И вдруг меня тут осенило —
склероз, видать, взял выходной:
ведь всё, о чем тут говорилось,
относится к профессору одной!

Как звать: Мария? Вера? Таня?
Но факт — не Игорь и не я.
О, если б можно знать заранее
нам все отгадки бытия!

В нем столь, скажу вам, произвола —
Наума ум зайдет за ум.
Но рифма шепчет мне: Виола!
Вот в честь кого шурум-бурум!

Ведь юбилей — он как экзамен,
а все ль у нас его сдадут?
Тора поразмышлять о даме,
что нас поразместила тут.

Виола Викторовна — это
феномен (или феномен?),
и слов нет даже у поэта
в такой торжественный момент.

Да, нету слов. За строчкой строчки
могу, конечно, я ваять,
но это — знаки лишь отсрочки:
умом Виолу не понять!

Кто, может, сможет, ну а я же
бессилен, аж рука дрожит.
В подобном, доложу, мандраже
сегодня петь мне предстоит.

Я стал отчасти мизантропом,
и прежде, дальше чем пойдем,
принять необходимо допинг:
за новый творческий подъем!

Часть вторая Про это

Подъем впрямь необыкновенный:
три книги лишь за этот май!
Готова каждое мгновенье
к труду Виола — так и знай!

Она не пашет — только пишет,
но — это факт! — сама к тому ж,
а за спиной тихонько дышит
Михал Иосич, ейный муж.

Какое надобно терпенье
на протяженьи стольких дней!
Когда жена — почти что гений,
каким быть должен муж у ней!

А муж он перед нами, вот он —
такой совсем, как мы, на вид,
хотя порой печален что-то,
почти библейский как Давид.

И хоть я вспомнил, чью здесь дату
сегодня празднует УрГУ,
надеюсь, публике понятно:
за мужа выпьем все. Угу!?

Часть третья Три грации

В истории филфака есть сюжет,
в него нырнешь — не выбраться на берег.
Учились на филфаке сколько лет
Слипченко, Эйдинова, Вейсберг.

Учились на «отлично». Комсомол
гордился тем, что вдалеке Америк
такой вот контингент пошел:
Слипченко, Эйдинова, Вейсберг.

На них досье не собирал УГРО,
декан им не устраивал истерик,
их выбирали каждый год в бюро:
Слипченко, Эйдинову, Вейсберг.

В любой работе не жалели сил
(притом в те времена не читли Лесбос),
и сердцем укрощали дружно стиль
Слипченко, Эйдинова, Вейсберг.

У каждой был супруг и даже сын,
зато был дефицит по части денег.
О, как порой хотели колбасы
Слипченко, Эйдинова, Вейсберг!

В местечках значных не встречали их,
хоть растопить они могли и айсберг,
но никогда не пили на троих
Слипченко, Эйдинова, Вейсберг.

У них сегодня редкий случай есть
пробел восполнить вместе с нами:
Давайте с ними выпьем, ибо здесь
Слипченко, Эйдинова, Вейсберг!

Часть четвертая Дашь масштаб!

Свой возраст взглядом смеривши косым,
Я первую на нем заметил проседь...
Б. Пастернак

Четыре пятых века позади.
Вот здесь какой масштаб, коллеги.
При Сталине, Хрущеве, Мавроди,
при Брежневе, Медведеве — побегай!

И мчит. На костылях порой
и на такси в иные годы,
по виду тоже не герой —
таких не чествуют рапсоды.

Но я как шеф суров и справедлив,
и по сусекам из какого теста
наш кафедральный испечен актив,
мне, как и Господу, известно.

И потому я удержу восторг,
хоть это и чревато риском:
у нас не Запад, но и не Восток,
ведь есть масштаб, товарищи, Хоринской!

А я окрест внимательно гляжу
и не спешу сказать, что всё в ажуре:
мне Белла памятна Дижур —
ест на кого равняться сей натуре!

Скажу и больше: был Мафусаил
(о гендерных различиях забудем)
А что? Когда супругом Михаил —
то много, как богам, доступно людям!

Я ныне долго микрофон держу,
но это графоманство всем понятно:
пусть я о том застолию твержу,
о ком твердил уже неоднократно.

Так лучше вам запомнится, друзья,
с кем мы уже второй век рядом.
И не поднять бокалы нам нельзя!
За новый юбилей Виолы — надо!

29 мая 2009

Бриллиантовая строка

Элегический эйдос-конспект

У нас на Руси происходят иногда вещи
гораздо мудренее всякого вымысла.

Н. Лесков

Пусть каждый день зарей алеет
и Ближний, и иной восток,
но жизнь в долину юбилеев
вступила — верь-не верь, дружок.
Все чаще мы вот в этом зале
среди коллег, среди друзей,
как будто поезд на вокзале,
встречаем чей-то юбилей.
Круглеют с каждым годом даты
в судьбе у каждого из нас,
и я, банкетный завсегдатай,
про это свой веду рассказ.
Никто себя не видит старым,
каким бы ни был лет навар,
но жизнь склоняет к мемуарам —
годов распутывай муар.
И вот экзаменуешь память,
а поводов к тому — не счесть,
и, суть мешая с пустяками,
былое силишься прочесть.
Любой — пускай не эпопея,
но ведь, как минимум, роман...
Но, вроде, лишку о себе я,
а я не главный ветеран.
Сидеть почетно и приятно
за этим свадебным столом,
но — стих выходит мой невнятным,
ведь жанр застолья — не знаком.
На свадьбах сживал и прежде,
на бриллиантовой — впервой,
и тут подобен я невежде
с неловкою своей строкой.
Трещит от содержания форма,
но в этом я не виноват:
ведь для супругов Эйдиновых норма —
прожить годков — бок о бок! — шестьдесят!

(Пусть вопреки такое правил,
а я к себе обычно строг,
но, в стих стопу еще добавив,
своих не стану править строк).
И опечатки в строчках нету,
а вот живая правда есть:
славь не Ромео и Джульетту —
Виолу с Михаилом здесь!
Хоть на земле никто не вечен,
не молкнет жизни круговерть.
Не утро пусть, не полдень — вечер,
для Вас пусть длится он и впредь!

28 августа 2009

Мартовский спотыкач в двух частях

1.

Хитер поэт, коль он пришел под видом дамы.
Что с дамы взять?..

Б. Ахмадулина

И женщиной быть, и поэтом —
Завиднее участи нет...

М. Бородинская

Мы тут на днях узрели дацзыбао,
и, как бы ни был я железн,
но она словесная забава
все ж проняла до внутренних желез.
Поэзия — здесь кой-кому известно —
она не темой — образом берёт,
и, оной шанешки вкушая тесто,
я напрягал изрядно рот.
Да и мозги без дела не скучали,
поскольку на испуг там брал словарь:
Содом, дары данайцев — мы ж читали,
чем вышло всё когда-то встарь.
День мартабря на численнике тоже
пронзал, как Гоголя строка.

От той листовки — изморозь по коже,
страсть тут же навернуть стакан.
И мы тотчас наполнили посуду,
всяк ощутил себя как молодец,
и это поздравительное чудо
достойно подытожил огурец.
Но далее признаться я обязан,
что дни прошли — и выветрился хмель,
и пустотой заполненная ваза
пугала больше, чем кавказский сель.
Нас испужать — тут надобен немалый —
известно здесь присутствующим — труд,
но молодежь и аксакалы —
мы творческий почувствовали зуд.
И результатом зримым креатива
явился этот вдохновенный стих,
где дамская частица коллектива
предстала при регалиях своих.
Но тут банкетная проформа
твердит: народ давно не пил!
За тех, воспетый кто перформанс —
мужчин во славу! — сотворил!

2. Наша даматургия

Ну, вот теперь, запив крюшоном
хорошей водочки стакан,
на ваши перейдем персоны —
на крупный в этой пьесе план.

С кого начнем? Конечно же, с Виолы.
С упорством, прежде явленным в статьях,
она уральские стыкует долы
с тем кальцием, что в собственных костях.
Итог тех стычек, знамо, очевиден —
его почти мы ежегодно зрим,
но, как писал окрестных мест Овидий,
за кем победа будет — поглядим.

Коль далее равняться на мундиры,
там руку Вера тянет из угла.
Решивши, наконец, вопрос квартирный,
она в делах кусает удила.

При этом досаждают и Пегасу,
ничуть не убоясь его копыт —
и виршей самодельных массу
мы вынуждены бережно копить.

Татьяна далее — не так ли? —
но мастерица вразумляющих атак
в своем педагогическом спектакле
(да и в стихах) взяла антракт...

И, как привыкли все, у Маши
опять визиты были за моря,
но одного достоинства ума же
извели соседи края.
Зеленый свет ей консульства включают,
оргкомитеты приглашенья шлют —
лишь в бухгалтерьи нашей ей вставляют
систематически в колеса прут.

Но надо ж постоянно быть кому-то
на кафедре — не Химич же одной?! —
тем паче, что она в компьютер —
и ни рукой, простите, ни ногой.
И, к счастью, есть у нас Наташа,
чей нрав, заметим, мягче стал —
и в результате атмосфера наша
традиционно редкостно чиста.

Соседским атмосферам всем на зависть —
а впрочем, что чужая нам мозоль?
Здесь в рост пойдет любая завязь:
расти себе — ведь, правда, Оль?
Свет этой ослепляющей улыбки
гораздо ярче всяческих реле.
Но, выбравшись из кандидатской зыбки,
не время ли сказать себе: зрелей!?

Об этом речь веду не потому ли,
что ВАК горазд народу досадить:
всё было на мази, кажись, у Юли,
и — на тебе! — считайте до семи!
Конечно, Юля справится, уверен,
но нервам-то зачем такой массаж?!
Ведь не легки подобные потери...
Эх, ВАК бы взять на абордаж!..

Но мы возьмем, как водится, посуду,
в которой не водица и не квас,
и не за ВАК все примем, а за чудо —
за вас, прелестницы, за вас!!

Февраль-март 2008

Мартовские виды

Вид первый. Масштабный

Хотя обычно жизнь бездарна,
она талантлива порой:
весна вступила календарно
в свой конституционный строй.
(Меня бы ежели спросили,
я просветил бы окоем,
как конституцию в России
мы укоснительно блюдем:
нет никому у нас поблажек —
так повелось с времен Петра.
Но от политики к пейзажу
вернуться, кажется, пора).
На склонах славного Урала,
где свой мы оставляем след,
такое изредка бывало,
чем вдохновляем я, поэт.
Пусть я всего банкетный лирик
и с Музой шапочно знаком,
но тем, что носится в эфире,
пускай, казалось, пустяком, —
о, как бываю вдохновляем!
И вдохновляет этот март,
как сумма с многими нолями,
какую выиграл без карт.
Хоть не работаю я в МИДе
и ФСБ мне не должна,
я в декабре уже предвидел,
что в марте будет здесь весна!
А чем же март апреля краше,
уж про февраль не говоря?
Да тем, что женщины в нем наши
опять достойны стопаря!

Вы оногo всегда достойны —
в любой из календарных дней!
Но мы, чтоб было все спокойно,
владеем жаждой все своей.
Теплеет вами климат местный,
системы нашей вы — ядро.
И нам за вас, конечно, лестно
вот этим осушить нутро
(хотя б всяк выпил и ведро)!

Вид второй. Интимный

Как легла у истории карта:
красным стало Восьмое здесь марта!
Только, что б календарь там ни каркал,
не оставим мы вас без подарка!
Понимаю я, что и вы понимаете,
потому вместе с нами и поднимаете:
пусть за пазухой мы что и спрятали,
мы и есть вам подарки — не правда ли?
И хотя не вмещаемся в сумочки,
но за нас не тревожьтесь в сумерки.
На комод не поставишь, засушенных,
но полив нам не нужен, заслуженным.
Не накинешь, как батик, на плечики,
но зато, словно мед, наши речи вам.
Под подушку не сунешь, как сборничек,
но и в «бю» не снесете за стольничек.
Не нацепишь на платье, как брошечку,
но зато с нами с радостью — стопочку.
В общем, ясно, о чем здесь я мекаю:
повезло вам с такими, вот экими.
И за радость — сквозь годы — совместную
с вами примем давайте известную!

Вид третий. Полемичный

Трудный народ эти женщины...

(Фарот)

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Тут намерднi нам стишок
зачитал один дружок,
а точнее сказать — подруга,
у какой — вот как бывает! —

то ль с восторга, то ль с испуга
вдруг прорезался талант.
Что ж, Господь не виноват —
счас на лире все бренчат.

Но однако этот случай
сатисфакцией чреват:
должен быть пострел окучен,
а не то нос вздернет круче,
и коллегией ребят
нашей кафедры везучей
произнести мне текст поручен —
небольшой в стихах доклад.

Эту даму с универа,
наточившую стило,
обуяла что-то вера:
мол, ей тоже повезло
и она не хуже Жени
(про меня пока молчим)
под напором вдохновенья
нам прочла стихотворенье —
с виду нам, мужчинам, гимн.

Там слова, признаем, были,
что приятны мужикам.
Только мы ведь не забыли,
как погублен был Адам.
Ева тоже соловьиной
улаждала хлопца слух.
Но к методике я ихней
остаюсь отважно глух.

Женя тут, возможно, сдался б,
Игорь тоже сдаться мог,
Дима спорить побоялся б
и Илья б знал свой шесток.
Надо дорожить карьерой,
но и честь должно беречь:
мне доверено Валерой
изложить ответну речь.

Вот ее я и глаголю —
кто-то же сказать должён.

Много есть чего у жен —
только вот поэта роли,
хоть выказывает прыть,
гендер этот не научен,
вам стихата — слушать лучше,
ну, а прозой — говорить.

Хоть и вас стезя та дразнит,
род поэта — род мужской.
Впрочем, ныне женский праздник,
мы же — добрые весной.
Сбережем тот белый листик,
где местами рифмы есть
и о щедрости амнистий
сообщим гражданке здесь.

Пусть поэтова карьера
снится кой-кому из дам —
их оставлю с этой верой,
ну а сам родной вигвам,
что всегда охоч до виршей,
кто бы их ни сочинил, —
приглашу (здесь тост не лишний):
за своих поднять Сивилл!

Март 2007

Застольно-интернациональное

В животном и человеческом мире
нравятся обеды коллективные, когда сам
наедаешься и видишь, как это делает другой.

В это время у всех живых существ
рождаются приятные беседы.

М. Жванецкий

Давно ли с вами мы сидели —
и снова вместе мы сидим.
И все хотя всегда при деле
и дома что-то тоже ели,
а все ж сей стол необходим!

Еда — она ведь так сближает:
там наслаждение, где еда.
И тот, кто кушать обожает,
пускай фигуру обижает,
но это вовсе не беда.

Никто не голоден здесь вроде,
но, дегустацией влеком,
в доверии к своей природе —
почти как фауна в природе,
себя здесь чувствуешь легко.

Свою природу не обманешь,
да и зачем лукавить ей —
спрошу у Маши и у Тани,
и Вер Васильевна тут встрянет,
конечно, местный соловей.

А коль прибавить к вам Наташу,
Виолу с Олей, скажут все:
— Ценить должны породу нашу
мужчины те, что держат чашу
при здесь разложенном овсе!

С тем спорить тезисом не будем —
мы ценим, потому и здесь:
ведь леди — это тоже люди,
и наши скрашивают будни,
да так, что аж в сетчатке резь!

Вы нам нужны, как ветру парус,
как солнцу требуется тень.
Но — жизнь подвержена пиару,
и надо нам восславить... Клару,
придумавшую этот день.

Не пили б мы без Клары Цеткин,
по крайней мере, в этот час,
вкушая эти вот котлетки
и слушая мой опус меткий,
каким я усыплюю??? ублажаю вас.

Пусть Цеткин эта — басурманка,
мы щас — за космополитизм!
И, оставаясь, в общем, в рамках,

давайте то, что плещет в склянках,
вольем в наличный организм,
восславив к дамам гуманизм!

2009

Мартовские восьмистишия

Отродясь такого не было,
и вот опять то же самое...
В. С. Черномырдин

Что январь с февралем понасыпал,
март хотел, но не растопил.
От хронического недосыпа
дни и месяцы я не забыл.
Пусть порою подводит память
под клинический монастырь —
я могу пренебречь пустяками,
но есть в мире не пустяки.

Как бы память ни поплохела,
помню: в марте восьмого числа
мать прозаика Юры Рытхеу
сына этого произвела!
И никто младенца не сглазил
между снежных заторов и круч:
в результате сложился прозаик —
первый грамотный среди чукч.

Или нивхов. Не гагаузов,
не евреев и не армян —
им гордились народы Союза
и отдельных соседних стран.
Как забыть мне такую дату —
ведь писателю не повезло:
что родился — не виноват он —
вот в такое в марте число.

Нивха пусть понесчастнее Блажес
(понимают, кто посвящен) —
за Рытхеу мы все ж не вмажем
(или вмажем? — потом еще).

Ведь моя вертихвостка память
не дает мне никак забыть,
что сидим здесь мы ныне с вами
по причине женской судьбы.

Род людской на мужчин и женщин
эстетически разделен —
и порядок такой извечен
среди любых на свете племен.
Нет такого у инфузорий,
утверждают науки умы —
им я вторю с сияньем во взоре:
хорошо, что не туфельки мы!

Жаль мне и мужичонку Адама,
что испил свою чашу до дна:
пусть дана была оному дама,
но ведь дама всего лишь одна!
А у нас диспозиция иная —
оттого взор в сиянии наш:
здесь всегда будто пьян от вина я,
а виною всему — сей пейзаж!

Много женщин на факультете —
это правда (филфак как-никак!),
но на кафедрах прочих не светит,
а у нас место вечного праздника!
В том рассудок един с подсознанием,
что готов подтвердить этот стих —
потому-то и мчишь в это зданье
(а студенты пусть мнят: из-за них).

Хоть сегодня не в моде камзолы
и турнюр у мадам не в чести,
но я часто напротив Виолы
явный вздор начинаю нести.
Понимаю: несу не на вынос
(вздор — не прошлого века журнал) —
если что тут не так — извини нас
та, кто нас вот таким воспитал.

Да и женщине, коя Татьяна,
как блины что изданья печет,
я, будь трезвый иль (изредка) пьяный,
тож выказывал личный почет.

Ничего, что без книги ни года,
ничего, что, как поезд, дымит, —
это, видно, такая порода,
на нее в каждом веке лимит.

На земле нету правды и выше,
но на кафедре правды той — тьма:
Вера Химич зачем нервно дышит? —
а затем, что горда от ума.
Она славную ладит карьеру,
но инстинкты приличий сильней:
потянуло на «мальчиков» Веру —
человечье не чуждо и ей.

Все ль тома, что на свете есть, Маша
одолела — сказать не могу,
но скажу, что она от ума же
славит в мире родимый УрГУ!
Быть научный таким должен лидер,
чтоб любой о нем ведал овин,
и твердят, что на днях в Антарктиде
будет Машин доклад для пингвин.

Есть средь нас и Матвеева Юля,
хоть ее тут сегодня и нет —
можно ведь, и не сидя на стуле,
украшать все ж собой кабинет.
Кабинет тот, в котором Наташа,
шубу вдев, производит фурор,
отчего население наше
отойти не может до сих пор.

А заявится ежели Оля —
хоть бы так, как всегда, на бегу, —
все прощу тогда высшей я школе,
даже то, что не будет УрГУ!
Пусть светелка у нас невелика
и хрусталь не блестит с потолка,
но на лики всех вас погляди-ка —
и любая исчезнет тоска!

Всех чудесниц мой стих обозначил,
каковые в наличии у нас,
обозначив, восславил — иначе
и зачем мне б глаголить сейчас!

Не затем, чтобы Юре Рытхеу
изрекать юбилейную бредь —
я о женщинах наших радею
и радеть моим виршам и впредь.

Тут возможны рыдания восторга
и летящие в воздух чепцы,
но — не надо такого Востока:
чувствам очень полезны уздцы.
И скажу я ребятам и девам,
завершая сей пламенный стих:
за прелестниц из к. 309
невозможно не выпить за всех!

2010

Предновогоднее

Юношам — подвиги, девушкам — стыд.
Сапармурат Ниязов, туркменский поэт

Зима — торжественное время.
И слава богу, выпал снег.
Ушанки натянув на темя,
воспрял уральский человек.
Мы снова к подвигам готовы
(ведь, правда, Женя, — ты готов?),
и год уже мерцает новый
для наших праведных трудов.
Но прежде, чем в него внедриться,
оглянем наш родной шесток
и подведем, как говорится,
дням уходящим свой итог.
Каким он вышел, год Собаки,
для кафедрального людья?
Как год любой, бывал он всяким —
напомню эту всякость я.
Он шел под знаком аттестаций —
и всяк, кто мог, нас тормозил,
но важно не перестараться,
и я, хотя не старожил,
усвоил эту аксиому,

и мной ведомый коллектив
был, к достижениям влекомый,
в трудах умеренно ретив.
Так чем имеем мы гордиться?
Нет монографии ни одной —
зато смогли остепениться
шесть дам на кафедре родной.
(Я умолчу, какие темы,
не потому, что позабыл —
их не забыли вроде все мы
и помним тот защитный пыл.
Пусть пуд не все тут съели соли,
но всяк был юн, в конце концов:
и вместе с Олей в новой роли
на сцене — Дима Багрецов).
Есть молодым у нас дорога,
и в деканате подтвердят,
что трех достойных (это много!)
зачислили мы ныне в штат!
За океаном, может, Штаты
попритягательнее, но
Рябкова Оля и робяты
на Штаты смотрят пусть в кино.
Что нам до сказок Голливуда —
когда у нас свой Гудоввуд!
Скажите, это ли не чудо?!
За Гудова — принять на грудь!

Когда страна довольна властью,
когда у всех носы в овсе,
я не считаю это счастьем:
ведь счастье разве в колбасе?
Нет, колбаса совсем не лишняя,
как и другой такой фураж,
но не забудем, что Всевышний
свой взор вперяет в форум наш.
И что Господь, представьте, видел,
чем нас в году запомнил сём?
Его никто здесь не обидел —
мы ахинено не несем.
А тащим знания мы студентам,
и этот труд ввергает в стыд,
но — нет у нас иных клиентов,

пусть с ними станешь инвалид.
Но не становимся, однако —
Виола с Верой подтвердят:
на них не лаяла собака,
а визги — что ждать от щенят?!

Купив заранее чемоданы
и все, что в оные кладут,
круиз по миру Маша с Таней
вершили в нынешнем году.
Их видели в Европах разных
(а Женя там и пиво пил),
Европа, что ж, она заразна —
я тоже там когда-то был.
Но ныне жил я патриотом
и ездил коль, то по стране,
а за границу — чего там
еще открыть способны мне?

Горлановой там нету Нины
и Коляды в Европе нет —
на взгорья наши и долины,
видать, особый с неба свет.
Хотя Илья китайский учит,
а Юля мыслями в Москве,
у нас, подумать если, лучше
(когда мозги есть в голове).

Со мной согласен в том Васильев,
а Игорь с истиной знаком:
пусть много славных мест в России,
но прочих свой дороже дом.

Почти античные колонны
на тьму рассчитаны веков —
недаром так в УрГУ влюбленным
был долго ректор Третьяков.

Моя застенчивая муза
расширить требует коллаж:
я не забыл о профсоюзах,
наташнейшая из Наташ.

Пускай на кафедре и тесно
(мы не закрыты для гостей),
но здесь бывает интересно
в любой, когда придешь, из дней.

И я, сложив пред Новым годом
сей содержательный доклад,

как демократ, со всем народом
опять поднять и выпить рад:
пусть мир царит в родных сосенках,
гордится нами пусть страна!
Успехов всем в год Поросянка
или — по-русски — Кабана!

Декабрь 2006

Послеглобное

Тут гороскоп от Глобы притащили
(у нас не всех язычников сожгли) —
мы эти строчки дружно изучили
и много любопытного нашли.
И оказалось, в частности, по весу
всем кафедра, увы, пылит глаза:
не шесть у нас — один профессор
(ну, полтора: без Жени ведь нельзя).
Да-да, у нас профессором — лишь Гудов:
устойчив, точен и по мысли здрав
и редко ведь бывает это чудо,
коль Гудов вдруг окажется не прав.
А вот уж кем щедра у нас палата,
так теми, кто готов из кожи лезть,
чтоб выказать себя, аристократа,
и заслужить какую-нибудь лесть.
И тривиально, в общем, и банально,
что Тане звезды быть сулят вождем,
но ей мешает ревностно Наталья,
кому быть рядом карма с королем.
И ясно, что не полная картина:
коль столько знати сконцентрировалось тут,
всегда нужна им, в белом, Коломбина —
и, к счастью, среди нас нашелся-таки шут.
Казалось бы, завидны мы комплектом,
когда такой представлен винегрет,
но — в дефиците между нами вектор:
вот почему у нас и направленья нет.
Чем эта ситуация проблемна?
Аристократов тьма, вождей —
но, как костру желательно полено,

так новых надо кафедре людей!
Есть пополнение — вот оно, глядите,
кому мы свой распахиваем кров,
но актуален все ж вопрос (уж извините):
а освежит ли это коллектива кровь?
Так в предвкушении допинга озона
очередной мы начали разгон,
и всех, кто есть, с открытием сезона:
и пригубить за новь, конечно, есть резон!

4 сентября 2006

Нечто геронтологическое

Молодость, молодость...
Где-то слышанное

Не время ли начать варить варенье,
ведь лето, гляньте, сходит со двора.
Печально я гляжу на наше поколение —
ведь нам уже на пенсию пора.

Что из того, что мчаться за трамваем
еще могу порою поутру,
но что-то истекает, понимаем:
мы — листья, что желтеют на ветру.

Уже не важно, солнце иль ненастье,
с небес снежок или противный дождь,
но время наступает, глянь, не наше:
взросла совсем иная молодежь!

Быть может, поглядеть оптимистичней
на окружающие этажи:
она тебя начитанней, практичней —
ей двадцать первый век принадлежит.

Они на разных языках гутарят,
а ты — по-русски (и со словарем),
они бывают каждый день в ударе,
а ты — не каждый (если не соврем).

Для них — и технологии, и гранты,
а для тебя — зурабовский квиток,
им по душе бывают эмигранты,
а ты лелеешь аленький цветок.

Они и ты — могу я очень долго
такие параллели ныне длить,
но публика, гляжу, не видит толка
перебирать и дальше эту нить.

Поэтому оставим тон элегий
и перейдем в иной диапазон.
Улучшим настроение, коллеги:
за молодость не выпьет лишь пижон!

1 июля 2009

Декабрьские строфы

В это смутное время, когда и зима не зима
И когда даже доллар не то, чтобы доллар,
Очень просто, наверное, сходят с ума
Даже те, у кого все как будто бы дома.

Есть истома под сердцем сегодня любым,
Хоть не каждый, пожалуй, ей даст объяснение.
Когда год исчезает, как облачка дым,
Может, лучшее что из лекарств — опьяненье.

Кто-то — водкою, кто-то — прозрачною жилкой виска,
Кто-то — тем и другим, а четвертые — книгой...
Разве трудно для кайфа предмет отыскать,
Только все не надолго. Не правда ли, Игорь?

Можно ездить по миру — он, к счастью, велик
И богат чудесами, как родина наша, —
Наяву эта роскошь отрадней картинок из книг,
Но ведь всем возвращаться. Не правда ли, Маша?

А еще соблазняет, бывает, столичный угар,
Неизменно густой в Рождество и в разгаре июля,
Но в Москве что смущает: как будто украл
Ты чужое, свое потерявши. Знакомо вам, Юля?

Можно каторгу дней год из года терпеть,
Ждать поры, когда лето зайдет в дурмане
И на даче два месяца песенки петь —
Но надолго ль блаженство, спрошу я у Тани.

Ну, а разве не в радость домашний уют,
Щебетание внучек, семьи атмосфера,
Когда вечером ждут, чай из блюдечка пьют...
Это славно, но в этом ли счастье все, Вера?

Или можно послать всё, тем самым, попутно, и всех,
Кто тебя достает в городском мельтешеньи,
И ценить только личный, пусть самый ничтожный, успех,
Но — не скучно ль у зеркала, спросим у Жени.

И когда о платке вспоминает, расклеившись, нос
Или зубы болят и не варится, в общем-то, каша,
Понимающий есть замечательный пес —
Но собачьего сердца нам мало. Ведь правда, Наташа?

Для хандры жизнь дарует миллионы причин,
Но еще — не забыл чуть — есть средство такое — карьера:
Его пользуется столько на свете мужчин.
Только нет ли побочного действия — вдруг знает Валера?

Впрочем, можно закрыть и открытые миру глаза,
Игнорируя дрожь, что под складками прячем камзола...
Можно много, конечно, из того, что нельзя.
Только страус — не птица. Не так ли, Виола?

Ну, а лучше все эти стенанья признать
Ерундой, что исчезнет, как листья в осенняя падаль
И в грядущее с наглостью юной взирать:
Все проходит — и это минует. Ведь, Маша, не правда ль?

Словом, так вот, когда финиширует год,
Рефлексирует скучный банкетный пиита
И надеется, что меланхолия пройдет...
Чтоб прошло — надо выпить, что в рюмках налито.

Декабрь 2005

На масленицу 2009 года

А жизнь, товарищи,
была совсем хорошая.
А. Гайдар. Голубая чашка

Опять Россия кормится блинами
и маслом энергично мажет рот.
Все как всегда. Но, если между нами,
печалит перспектива наших МРОТ*.

Никто не мрет в отечестве покуда,
на паперть очереди тоже нет,
но нет и веры в путинское чудо,
а грела многих и немало лет.

Москва резвится в жанре карнавала,
но от Лужкова этакая лесть
значение слова лишь, друзья, скрывала —
ведь карнавал — то есть: *мясца не есть***.

Конечно, стейк блинами не заменишь,
но праздник людям нужен, ей-же-ей:
теплее, правда, взор, когда заметишь
тепла сияние в глазах друзей.

Про кризис, помните, капитализма —
пора отведать лично этот фрукт.
Такая от истории нам клизма —
и ничего нельзя поделывать тут.

Поделывать ничего нельзя. Но можно
как кризис жизнь нам не воспринимать,
а то, что в мире ныне сложно, —
так и не надо к счастью привыкать.

Ему всегда губительна привычка —
об этом не один писал поэт,
да и вообще лить слезы неприлично,
хоть мы давно уже без эполет.

* МРОТ (бюрокр.) - минимально рассчитанная оплата труда.

** Carne (исп.) - мясо, плоть; vale - прощай.

Тут выборы грядут в просторах русских
и власти нарастает гнусный пресс:
в меню всем предлагают лишь закуску —
единороссов — клон КПСС.

Мы снова в те же угодили сети:
всегда поймет чекиста бюрократ.
Ужель голосовать пойдем за этих?
Или пойти куда глаза глядят?...

Такие вот раздумья возникают
в те дни, когда работники страны
едят (и даже иногда икают)
на масленицу тещины блины.

Блинов у нас уже в застолье нету,
а есть зато, чем выпить и заесть.
Ну, что ж, пока забудем про диету —
аскетам место, кажется, не здесь.

И если рюмки с вами поднимаем
на финише тоскливейшей зимы,
то, значит, кое-что мы понимаем,
хоть и не много понимаем мы.

Нет смысла хаять, где живем, эпоху —
иной и не изведает душа.
Так выпьем же за то, живем пусть плохо,
но жизнь-то, жизнь-то — хороша!

24 февраля 2009

Глядя на календарь

Еще меланхолическое

И этот год в тумане скоро скроется —
как быстро он, однако, пролетел.
Так жизнь, друзья, историей становится.
Прискорбно — не единственно для тел.

Уже с такой стремительностью свыклись мы —
живем не первый год, не первый век,
а с оптимизмом ныне — накость, выкуси —
не дружит как-то русский человек.

Мир оказался в вязкой зоне кризиса —
пора платить за старые долги,
но прочие уже из зоны вылезли,
а мы — до середины не дошли.

Вот настроенье отчего тоскливое
у населения этой вот страны,
коль твой карман не с ФСБэвской ксивою
и не с лампасом коль твои штаны.

Чего достигли с властной вертикалью мы?
Едва смогли студентов в вуз набрать,
но вот в футбол словенцам проиграли ведь —
ну сколько можно лошади хромать?

Тотальное российское неведение —
а все надеемся на власти между тем:
приятней путинской улыбка у Медведева,
но кто рулит начальственный тандем?

История про Боливара, вроде, помнится,
и хоть страна у нас — не Гюльсары,
но ежели терпенье переполнится?!
Кто, может, доживет до той поры.

Уже на свете нету, коль подумаем
(а с каждой смертью ведь беднее свет)
Аксенова, Янковского, Абдулова,
Гайдара, Шварца (мелодиста) нет...

Конечно, были кой-какие радости:
кто книгу выпустил, кто справил юбилей,
и прочие бывают в жизни сладости,
что высветляют сумрачность нулей.

И подрастает кто, и кто рождается,
и кто-то песенку поет не мимо нот,
и даже кое-кто, глянь, улыбается
в надежде: будет лучше новый год.

Никто поверить в это не мешает нам,
тем паче, как не вставить мне в строфу,
что Росселя сменили на Мишарина
и что грядет вместо УрГУ — УрФУ.

На кафедре, надеюсь, вряд ли что изменится —
и это лучший, кажется, прогноз,
а коль случится что — то перемелется:
была бы пашня — будет и навоз.
Страна наелась нулевыми досыта —
и, может, впрямь есть магия у цифр?
И если вы согласны, будет тост это:
за тех, кто время схватит под уздцы!

Декабрь 2009

Перспектива

Однажды встанешь поутру
и вспомнишь: нет уже УрГУ.
Пусть не покажется, что вру, —
представить это я могу.

Сентябрь 2010

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВИГВАМ

Отдать всю жизнь ужасной штуке —
Филологической науке?..

Б. Норман

Жизнь на Чапаева 16

Лирический мемуар

*Жителям и посетителям
комнаты № 118 в 1966—1970 гг.*

Ласкает душу людям память
сильнее, чем аккредитив,
и лет минувших пустяками
влеком не зря наш коллектив.
Жизнь отложились в побасенки,
в приятный мемуарный гул,
не лепо, братья и сестренки,
вам внять и моему стишку ль?!
Не Евтушенко я, не Надсон,
но в прозе ныне тесно мне:
апартамент 118
единствен был во всей стране!
В пятиэтажку серой кладки,
признаюсь, и теперь я вхож,
но дом совсем не тот, ребята, —
а нам бы тот — вынь да положь!
Тысячелетие былое
не торопило свой закат,
Урала Дафнисы и Хлои —
был каждый стать студентом рад.

И универ нас не отринул
(пусть кто-то предпочел УПИ),
в общаге дали нам перину
и всех — в колхоз. Что ж, труд — люби!
Но нас, скажу, от прочих наций
все ж отличает, нет, не труд:
жизнь на Чапаева 16
нас всех объединила тут!
Филолог ты или историк,
иль посещал радиофак —
студента хлеб не так уж горек,
коль сам ты все же не дурак.
Тут надобно отведать брагу,
ведь время тоста: за общагу!

В те дни, конечно, не вернуться,
хотя охота до сих пор
услышать старосты Богутской
неторопливый приговор.
По виду вовсе не диктатор,
щадила Вера свой народ
и даже мне как демократу
не часто зажимала рот.
(Потом ей это пригодится,
чтоб кафедру в узде держать:
я ездил в Омск, чтоб убедиться:
дерзить не смейте — лишь дерзать).
Придешь, бывало, в гости к оным
(а я привычный был ходок),
а там уж на двери законы:
мол, всяк сверчок знай свой шесток.
С шестками дело было туго:
кроватей, помню, было пять —
по персональной на подругу,
чтоб спать, читать и так лежать.
И вот заходишь. Все — в кроватях,
кто смотрит сон, кто взором — в том...
Регина, скажешь, может, хватит?
В ответ: — Ах, Леня, это ты о чем?
— Ну, я пекусь о ваших глазках...
— А я хочу опять же «пять»!
И вот, представьте, словно в сказках,
пятерка схвачена опять!

Была отличницей и Валя —
тогда еще не Ройзентул:
ее мы с книгой не видали —
она в читалках терла стул.
У них в деревне Полевская,
любил которую Бажов,
была возвышенность баская,
и звали горку ту Азов.
И Валя, прыгнув с горки этой,
храня в душе великий жар
и помня школу комитета,
предстала нам как комиссар.
Речь снова вышла на колхозы:
Красноуфимские поля
к себе тянули. Но елозит
давно народ. Ну, что ж, пора.
Пора принять нам по сто грамм
за тех, кто был и выжил там!

Продолжу, ибо все бывали
мы средь ударников труда.
Ведь жили в комнате две Вали
и обе — девки хоть куда.
Куда — да в комитет, известно,
они проникли обе-две,
немного занимали места,
но с комсомолом в голове.
И где Пахомова — там страсти
кипели, словно на плите.
Не упивалась Валя властью —
ты помнишь, Валя, годы те?
А экспедиции за словом
в места, где пас Макар телят?
А комсомольца Журавлева
весьма отчетливый талант?
Нет, были годы, были люди,
причем не только из УрГУ —
мы адвокаты им и судьи.
Напомнить кой-кого могу.
УПТийцы к вам ходили вроде,
но все они не прижились,
за исключением Володи —
что ж, такова мужская жизнь!

Она то в клетку, то в полосу,
то средь цветов, то меж акул...
Но тут пылит по Кособродску
триумвиратом Ту Дми Тул.
Про Дми мы пару слов сказали,
пора мне и про Ту сказать:
с особой сей мя повязали
так, что едва ли развязать.
К нам из окрестностей Кургана
явилась в этот мой рассказ
персона моего романа —
чуть Жанна Б., чуть Тлола Ракс.
А в это время недалече
расшатывал в общаге стул
и почему-то был замечен
Олег вот этот — Ройзентул.
Историкам мы били морды
(нам без гипербол — никуда) —
филологи — народец гордый,
но впущен был Олег сюда.
И хлопец из степей казахских,
бочком влезая, стал своим...
Тут время перерыву в сказке —
его мы с тостом совместим.
А тост мой кроток и толков:
за нас — за ваших мужиков!

Раскрыть здесь вынужден секрет я
не нами сложенной игры:
не годы, а тысячелетья
минули с той, друзья, поры.
Давно мы с вами не салаги,
всяк — дока в избранных делах.
Живут другие в той общаге
и мы в других живем местах:
кто — в Липовке, а кто — в Сибири,
кто, мир изъездив вкривь и вкось,
не по одной сменил квартире,
уже в Свердловске — аки гость.
У всех повзростали дети,
а там, глянь, дети у детей...
Но пусть уже мы с вами — эти,
всё ж до сих пор мы с вами — те.

Жизнь побуждает торопиться,
хоть, слава Богу, живы все,
но всё же нашей жизни пицца
уж истончается совсем.
Все чаще мы — больниц клиенты
и поубавился апломб,
но есть еще ингредиенты,
что ожидают наших пломб.
Так будем жить, пока мы живы,
как жили встарь и как живем.
За нашей встречи миг счастливый
все с вдохновением и пьем!

Август 2001

Постскриптум

*203 группе, ставшей с годами 503,
посвящается*

Он был из тех, кто лез за словом
в готовый к этому карман.
Н. А. Лопатин

Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.
А. С. Пушкин

Пять лет назад в УрГУ пришли вы,
Собой пополнив наш филфак,
И полудетский взор счастливый
Сей засвидетельствовал факт.

И с той же радостью во взоре
В колхоз вы мчались в сентябре,
Где были первые мозоли
И сны прекрасны на заре.

Событий было там немало:
Вот, скажем, помню, как-то раз
С одной из вас делил одеяло
Один заботливый из нас.

Но жизнь колхозом не кончалась,
И кто не пал на том лугу
Ходил — и даже не качалась —
Потом на лекции в УрГУ.

И посвящались вы в античность,
В былины тайны и латынь
И *превращались* тактично
Из «просто так» в филологинь.

А после двух начальных сессий
пора настала выбирать,
но как не прогадаешь, если
судьба одна, а кафедр — пять!

Такие молодцы, как Бетчер
Или, положим, Руkenглаз,
Решили правильно: советчик —
Вот званье, что достойно нас.

Другие классиками стали,
А третьих уломала Рут...
Но вижу я, что вы устали —
Есть тост:
 за избранный маршрут!

Я как держащий речь оратор
Имею, что добавить здесь:
В одной из групп я был куратор
С поры той давней и до днесь.

Наставник вряд ли был холосый,
Но — вам судить, какой он был,
Коль палок не совал в колеса,
Но и со смазкой не спешил.

Ворчать на будущее — глупо,
Но грустью все же я объят:
Когда еще такую группой
Одарит снова деканат!

И чтобы грусть не смела выбить
Моих душевных сил запас,
Я полагаю: надо выпить
Нам за «советчиков». За вас!

Но продолжалась жизнь студентов,
И, ваш оценивая труд,
Звучали или комплименты,
Иль — реже — скромненькие «уд».

Но никогда одной оценкой
Студент филфраковский не жил,
А ежели студент — студентка,
То зря декан всех сторожил:

Оне упархивали с лекций,
Едва означится листва,
И от сиянья их коленцев
Кружилась чья-то голова.

(Нет, не могу себя сдержать я —
и мы тот видели канкан!
Так поднимите ваши платья,
Как поднимаю я — стакан!)

О, сколько пламенных романов!
Их главы перечесть бы вновь...
Но поперек учебных планов
Не становилась все ж любовь.

Период сессионный краток,
Но, не увязшие в долгах,
Вы начинали лето с практик,
Субстратный выявляя фактик,
Или в музеях на югах.

Так расширялся жизни опыт
И уточнялась мудрость книг...
Диплом — он не получен — добыт!
И всяк, с добычей кто, — велик.

Конечно, были и промашки
В учебном деле и в ином,
Но — близится конец бумажки
И есть вина перед вином.

Сюсюкающие ямбы,
Срифмованные кое-как,
Мог долго источать здесь я бы,
Да к рюмке тянется рука.

Тора нам осушить бокалы
За филологию, что вас
Пять лет отважно окрыляла —
Пусть окрыляет и сейчас!

Р. С. Я очень рад аплодисментам,
Но был бы счастлив я с лихвой,
Когда бы вновь дивертисментом
Ваш курс вспарил передо мной!

Декабрь 1980—1985

Ода Празднику жизни,
имевшему место 26 июня 1980 года

Вам о стихах пять лет судача,
Скажу стихами нынче сам:
Да осенит вас всех удача!
И по годам пусть — не часам

Вы будьте счастливы. А если
В дождь угодите иль в пургу —
Поможет не вино, не песни,
А память о родном УрГУ.

Две тыщи дней в евойных стенах:
Фольклор, античка и латынь,
В колхозе теплый запах сена
И с деканатом неладь.

Ну, и конечно, он — куратор:
Эжен Степанович младой.
Он, может быть, и не оратор,
Но с ростом этим, с бородой

Он покорит кого угодно
(И покоряет между дел!) —
Вы с ним мудрели ежегодно
И он — по мере сил — мудрел.

Учили разные предметы,
Писали что-то в курсовых —
И мудрости ложились меты
На чудны лица дев младых.

Дойдя до финишного курса,
Вы вдруг уперлись в стену лбом:
Вошли ведь только в жизни вкус, а...
А тут пиши, велят, диплом.

Ну, кто-то сразу ручку в руки
И стал писать почти без клякс,
А в это время их подруги
Заторопились чтой-то в ЗАГС.

Судьбу свою решаешь сам уж,
Но если б ректором мне быть,
Я б запретил студенткам замуж
На пятом курсе выходить.

Любви указу нет, понятно:
Прижмет, глядишь — уже с венцом.
Ну, а почто в дипломе пятна?
(Не те, конечно, что винцом,

а пятнышки в раскрыты темы?!)
Почто у сносок нет страниц?
Вот почему, любезны девы,
Вы потупляли взоры ниц.

Но все теперь — уже история,
Годов стремителен канкан —
И под душевные восторги
Вручил дипломы вам декан.

Закончена большая вахта.
Грешно бокалы здесь не взять,
Тем боле, что забавы с Вакхом
Изменой мужу не грозят.

Теперь уже вы не студентки,
И жаждет потому душа
(Да жаль, мешают вроде стенки...)
Конкретно с каждой — брудершафт!

Но, свой стишок итожа строже,
Я всем велю: бокалы сдвинь
За то, чтоб жизнь была хорошей
У каждой из филологинь!

Александру Константиновичу Матвееву

Академическое

Поверить в это невозможно,
Хоть против цифр и не попрешь,
Но цифры написать не сложно —
Ведь их не пишешь, а живешь.
Когда в актив почти столетье
Вписала щедрая судьба,
Уже мерещится бессмертье
Не завернуло ль к нам сюда?
Достойна Ваша жизнь романа,
Но я пока на прозу скуп,
И путь А.К. итожить рано,
Чему свидетельством — сей клуб.
Здесь Ваши брали все уроки,
Пускай не всем то было впрок,
Но не грешны ведь педагоги,
Коль кто не выучил урок.
Находят люди в разном счастье —
Вернее, ищут, чтоб найти.
А Вы — счастливый ономастик
И с Вами — многим по пути.
Адам давал всему названья —
Потомки опыт сей учили
И нарекли, явив старанье,
Озера, горы и ручьи.
Жизнь безымянной не бывает —
Не названного в мире нет.
Но Александр Матвеев знает:
Есть в каждом имени секрет.
Сколь по Руси пришлось протопать
(Раз даже я в тот след ступал...),
Чтоб каждый встретившийся топос
Секрет Вам личный рассказал.
А, ведь, известно, разговорчив
Не каждый и промежду нас —
Но, исключительно настойчив,
Свой класс сей обнаружил ас.

Как много все же есть на свете
Вещей, не внятных мудрецам.
Матвеев, озабочен этим,
Откроет нам любой сезам.
Мне Березович рассказала
(Под псевдонимом Маша Рут),
Что нет в отечестве вокзала,
Чтоб не бывал Матвеев тут.
А Глинских — я подслушал — Гоша
Поведал Танечке Чайко,
Что поваром был шеф хорошим,
Живя от дома далеко.
И, книжку вынянчив за книжкой,
Творя свой ономастикон,
Как Ленин, по лесу с ружьишком
Бродил профессор всяк сезон.
...Листва в лесах тех облетела,
Хоть поросль новая взошла.
А мавр, свое исполнив дело,
Вникает в прочие дела.
Забот всегда мильон у Мавра —
И он идет в свой кабинет.
А лавры? — Что ж, не лишни лавры,
Чтоб ароматил щи клиент.

Сентябрь 2006

Еще об инициалах

А. К. М.

Команда славного филфака
в моем речительном числе
сердечно славит ныне МАКа,
ярчайшего на сей земле.

Но мак в России под запретом —
ведет прополку наркконтроль,
И, памятуя об этом,
переиначим Вашу роль.

Осуществляя рокировку,
мы лишних избежим проблем:
примерим, стало быть, обновку —
и МАК пусть станет АКМ!

В столице знают, на селе ли —
в том убеждает нас кино:
коль с АКМом население —
непобеждаемо оно!

Так длись и впредь непобедимость,
и обращаюсь я ко всем:
сейчас принять необходимо
за совершенство АКМ!

2001

Ивану Алексеевичу Дергачеву

Офицер связи

Щедрый стол созвал нас снова
с кафедр, пасек и полей:
у Ивана Дергачева
правим ныне юбилей!

В юбилеи льют ели,
в юбилеи водку пьют.
Ну, а ежели на деле,
почему сидим мы тут?

Потому что, юн и старый,
не забыли мы о том,
что кто вышел в юбиляры —
наделен зело умом.

Наделенный, им делиться
с нами он не устает.
Потому-то и дивится,
потому-то и гордится
Дергачевым наш народ.

Строгость выправки, походки,
точность речи и строки —
коль носили б мы пилотки,
брали б Вам под козырьки!

На войне — расскажешь разве? —
закалялся Дергачев,
чтоб стать офицером связи
меж словесностью веков.

Свой в музеях и архивах
и в редакциях Вы свой —
превращаются «стихи Вам»
в длинный список послужной.

Но — о всем сказать охота:
школа, Мамин-Сибиряк...
И последнюю работу
наконец дождался ВАК!

За страницей страница —
на филфаковский алтарь.
Пусть же юность Ваша длится,
не косясь на календарь.

Между нами, молодыми,
есть о чем поговорить.
Так зелье кабашно вздымем,
чтоб всегда младыми быть!

11 сентября 1981

Елене Петровне Калечиц

На трубеже расставния с УрГУ

Рога трубят. Такой вот казус.
Но этот казус — тоже жизнь:
она в иную входит фазу:
и то — не повод вовсе вниз
нам очи всем теперь уставить,
а повод всем бокал поднять,

Елен Петровну чтоб восславить,
за дни, что прожиты на «ять!»

Я знаю Вас не четверть века,
а даже более того.
И близ такого человека,
признаюсь, как-то жить легко.
(А есть ведь те, с какими близко
весьма накладно маять дни,
но что нам эти все редиски —
пускай без рифм живут они).
А в рифму лишь Елен Петровну
я вставить в этот час хочу.
Багаж судьбы — такой огромный,
а Вам, однако, по плечу.
Рога — трубят (но это лучше,
чем ежели они растут).
Достанет сил и этот случай
Вам пережить — все верят тут.
Про РКИ я речь не стану
(не мы ведь ездим на МАТПРЯЛ) —
я просто рад тому, что к стану
студентов Ваших примыкал.
И пусть не мыкал я порою
в морфологических делах,
но Вы — теперь уже не скрою —
спускали мне на тормозах,
поскольку знали: жизнь научит
почище всех профессоров.
И пусть другие паству жуют,
а та — себя и русский мучит
и лишний балл потом канючит —
Ваш метод более здоров!
Здоровье нам Вы сохраняли —
теперь здоровья Вам дай Бог!
В конце мы века не живали:
на выдох жизнь пошла и вдох
всем нужен. Все и завздыхали...
Вы как известный грамматист
не раз народу толковали,
что переход любой тернист:
из века — в век, из части речи —
в другую этой речи часть.

И стаж пусть долог, все ж не вечен:
пора вкусить свободы власть.
Блажен, кто лямку службы этой
оставил, дав тянуть другим,
и прецедент создал поэту
пропеть Елен Петровне гимн.
А там, где петь, не грех и выпить.
Елен Петровна! Чтоб и впредь
из всех возможных в жизни выгод
Вы знали радость — не болеть!
Да, не болеть делами кафедр
и организмом не болеть
и пребывать в душевном кайфе,
как и вчера и ныне, впредь!
Рога — трубят... Хоть знают боги,
что этот миг для всех непрост,
но мы вздымаем дружно роги:
наш за Елен Петровну тост!

7 июля 1994

Марии Эдуардовне Рут

Звездные вирши

В день защиты

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чують, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

А. Фет

1.

Я был ученый секретарь,
Но не секретами я ведал,
А тайнами и, как писали встарь,
За мной бумаги мчались следом.

И вот, российский бюрократ,
Я получаю заявление:
Мол, все в округе говорят,
Что создала я сочиненье.

Точней сказать, ученый труд
И этот труд — ученый очень...
— Да как фамилия-то?
— Рут.
— А-а, где-то слышал. Слышал, точно.

В деревне бабушка глухой
Случайно встретилась однажды:
Как Плюшкин видом и с клюкой,
А я с похмелья мучим жаждой
В ту пору был, така беда.
— Мы никого не знаем тут, —
Воркует, с квасом ковш подав, —
Ково мы знам, кроме Рута.
Надысь та девка тут была,
А вокруг ее студентов грозди
И все меж баб допрос вела,
Пытала старых нас про звезды:
Мол, как зовут вон ту звезду
(А дело к ночи шло, не к свету)...
Но, я, милоч, ужо пойду.
А встретишь Рут — ну, девуку эту —
Ведь, чай, ты в городе живешь,
Вы все, поди-ко, там знакомы,
Так передай ей: нова вошь
По небу прыгает над домом.
— То спутник, верно, — говорю,
Довольно губы вытирая.
— Дак я про то же, но, смотрю,
Та, белобрыса, то не знает.
Коль знала бы, тогда зачем
Нам в небо пальцем было тыкать,
Ой, городские, вы — совсем...
Как будто всех вас шили лыком...

...Тот давний случай вспомнил я,
Беря к защите документы.
Совет — ученый, и, друзья,
там — очень разные клиенты:

один — представьте, про навоз,
другой — про то, как рыбок кличут,
а третья, взор подняв до звезд, —
про имена небесных спичек.

У каждого своя тут блажь —
Не зря советом правит Блажес
И в том находит свой кураж
И, может, вдохновенье даже.

Да и Матвеев в доктора,
Знай, выпекает кандидатов.
Такая выпала пора.
О чем печалиться, ребята!

Полно ученых молодых.
Чтобы осмыслить это диво,
Нам лучше б подошла латынь —
Жаль, не кончал факультатива.

Но в русском — каждый здесь мастак,
А если речь приправить жестом!..
Я понимаю дело так:
Изнанка блажи есть блаженство.
И поднимает тело Вакх,
Коль слово — цель, а рюмка — средство.

Ну, пусть не рюмка, а стакан.
На небе звезды, и над Кремлем,
И на бутылке коньяка.
За звезд —

Подъемлем и приемлем!

2.

Но надобно вернуться нам,
Как говорят, к своим героям.
Ономастичный тарарам
На небесах Господь устроил —
Конечно, с помощью в делах
Потомков Евы и Адама.
Как эта звездная зола
Поименована была? —
О, это есть науки драма.

А Маша любит драм давно,
Их перышком упорно пишет
И в небо смотрит, как в кино,
Садясь к экрану прочих ближе.

Нет увлекательней кина,
Чем эта круговерть ночная:
Открылась бездна, звезд полна,
И Маша всех их лично знает.

Вот там — *Кичига*, *Ложка* — там,
А там — грабель воткнуты *Зубья*...
Умна, умна не по годам,
А умным дураки — не судьи.

Хотя судить, признаюсь, здесь
Потребность многим ведь знакома,
Вот у меня вопросик есть:
Где грань *ОМОН*а и *оно*ма?

Таких вопросов прямо тьма,
Но портить ими встречу нашу...
Зачем и здесь сходить с ума:
Ведь речь-то мы ведем про Машу.

Я не астролог, не нахал,
Но и студентом, встарь когда-то,
Что этот день придет, я знал,
Я, как и вы, не знал лишь даты.

Учиться много лет назад
Нам вместе довелось обоим.
Вот кто в УрГУ пришел не зря:
Филолог!

Я ж, скорей, омоним.

Пусть номинации субъект,
Предстану я ее объектом:
Все суета среди сует,
Но есть стихи. Они об этом.

Точней, об этой — Маше Рут.
Среди людей есть человеки:
Один из них — меж нами тут.
Раскроем же пошире веки.

И звездами наличных глаз,
Где блеск не градусов, а счастья,
Посмотрим на одну из нас:
Такие особи — не часты.

Но реже что — дороже то.
И дальше что — то сердцу ближе...
Пусть жизнь — мгновений решето,
Но вот он, чуден миг, — так дли же!

Не остановишь пусть его,
Но в памяти зато оставишь.
За это славно существо
Мы здесь давно поднять все вправе!

Ноябрь 1994

Вирши для МЭРии

Раннее утро 30-го марта.
Год, как мне помнится, 47-й.
Волей инстинкта, природы и форта
Маша явилась в сей мир — как домой.

Это, конечно, большая удача —
нет, не для Маши совсем, а для нас:
ведь, предположим, могло быть иначе —
стал не Урал бы своим, а Кавказ!

Маша бы звезды считала чеченцам
или абхазский блюла небосвод,
ей Эсамбаев дарил бы коленца,
стал бы Гамзатов ей личный рапсод.

И на субботу не к Первоуральску —
мчалась бы Маша в Терскол иль Домбай.
Впрочем, про Машеньку сладкую сказку
мог бы к себе прописать и Алтай.

Мыла бы Маша ножки в Катунь
и на фатере шукшинской жила,
звали в округе ее бы колдуньей:
«Девка бы порчу нам не завела...»

Кто на земле увлечен небесами —
тех он смущает, кто в землю глядит.
Это мы знаем по опыту сами —
все, кто с Марией здесь дружно сидит.

Да, еще раз повторю, повезло нам:
Рут объявилась, однако же, тут,
и по уральским поселкам и селам
сколько филологов Машеньку чтут!

Чтут и читают, читают и внемяют
умным идеям и внятным словам
и, хоть охотнее смотрятся в землю,
все ж поднимают глаза к небесам.

Жить только бытом, работой и прессой,
дней этих нудных лопатить навоз —
нет, не согласна Мария-профессор
и в небосвод устремляет свой нос.

Не потому, что профессор кичлива
(это случается, но — не у нас),
а потому, что, как в детстве, счастлива
впитывать звезды сетчаткою глаз.

Годы бегут, ну а Маша все та же —
в этом поклясться я смело могу:
так же смеется и ручками машет,
будто вчера поступила в УрГУ!

В ужас приходит порой Березович:
«Доктор, а впору к ней доктора звать!»
Впрочем, филфака студент — образцовый:
с ней похочет — и хочет пахать!

Маша студенту тому — как Давыдов
(тот, что в Гремячем Логу шуровал):
может щелбан дать — для пущего виду,
может в объятиях сжать, как штурвал.

Эта профессор любит студентов,
любят студенты профессора Рут...
Крутится жизни нехитрая лента —
столько счастливых и разных минут!

Кажется, слов произнес я немало —
так на другой перейдемте объем:
к небу поднимем давайте бокалы —
все за филолога Машеньку пьем!

Март 1997

Людмиле Анатольевне Субботиной

Скрозь корбы и павмы

Я, как известно, не саамец
И не из вепсов, хоть и рыж:
Мы — люди здешние и сами
Меж белозерских мерзли крыш.

Топонимов там прямо лыва:
Мурда, чирва, курья, вельга...
А бы их всех собрать могли вы?!
Вы — не могли, а Люсь — могла!

Она взяла рюкзак иль ящик
(Авоську здесь не пустишь в ход)
И как филолог настоящий
Пошла уверенно в народ.

Народ в округе Белозерья —
Ну, сущий интернационал.
Тут само время выпить зелья,
Сиречь поднять к губам бокал
(За что? За интернационал!)

...Ну, вот сухие губы наши
Чутко теперь увлажнены.
И я продолжу. Жизнь отважна
Топонимистки и жены.

Когда опушку за опушкою
Излазишь корбы и чирьи,
Устанешь Люсей быть Витушкиной —
Субботина! — сие звучит.

А ежели супруг к тому же
Уже и сам при степенях...
Тут надо, чувствую, за мужа
Поднять нам дружно стопаря!

Прибалто-финские словечки,
Куда ни ткни, найдешь везде:
Они по миру как овечки —
В словарной не живут узде.

Но есть средь нас топонимисты,
Что могут слово укрощать,
Они душою оптимисты
И жизнь способны украшать.

Они бредут по белу свету —
Что им Кулича иль Гуредь!
«На вас топонимов уж нету...» —
Ворчит средь куесы медведь.

И впрямь в болотистой той дали
Мянд не осталось и тайбол,
Которых бы не сосчитали.
А говорят, что — слабый пол.

И белозерские старушки,
Каким давно пора дремать,
Заготавливали впрок частушки,
Чтоб Люсеньку порадовать.

Прежде курьями заливы
Называли в озере.
А теперь их вазелином
Девки занавозили.

По мянде легко шагать,
А по корбе — тяжело.
Мурда может засосать
Умную бедняжку

В лахту буклей помести
Сколько пожелаешь.
Будешь говорю плести —
Испереживаешь...

Сутки лазил по болоту
И домой вернулся дед —
Достает из брюк чего-то:
Чай, саамский раритет.

Строчки не спеша бежали
И сложились в умный том-с.
Вес ученой той скрижали
Удостоверил город Томск.

Можно нынче петь частушки,
Потому что кончен труд —
За защиту эту кружку
Пьем и пусть опять нальют.

Написал мне Глинских Гоша,
Оппонент суровейший:
Час защитный был хорошим —
ВАКу неча ворошить...

Мне пора кончать, не спорю,
Потому как речь длинна.
Подытоживать говорю
Рюмка с водкою должна.

Редко пью я (все креплюся),
Но — наполнено у всех:
Пьем, товарищи, за Люсю —
За достигнутый успех!

Июнь 1985

Людмиле Григорьевне Гусевой

★ ★ ★

Жизнь шествует проспектом юбилеев:
Набоков, Пушкин, Эйдинова тож —
Да это же не хватит нам елея,
Хоть каждый юбиляр зело пригож.

Возьмем Людмилу Гусеву, к примеру —
Всегда с нея возможно брать пример.
При этом хоть не сделаешь карьеру,
Зато не угодишь с кайлом в карьер.

Вот кто тебя (к примеру) приголубит,
Когда ты шагом меришь коридор.
Вот кто, как баянистка в клубе,
Всегда к себе приковывает взор.

А также слух. И прочие все чувства,
Их из твоей востребуя души.
Где Гусева — там свет: ну как от люстры,
Где Люся Гусева — там люди хороши.

Не зря мы и собрались здесь сегодня
(вот не пришел бы я — хорош был гусь!)
поэтому я и посуду поднял
за то, что Русь таких рождает Люсь!

1999

Елене Львовне Березович

Секретные материалы

— Вот все говорят: тупонимисты,
тупонимисты. А посмотрите, какие
у них открытые, умные лица.
Из разговоров на завалинке

Уберите Березович с факультета —
И поймете моментально, он ли это.
*Если не А. К. Матвеев, то В. В. Блажес.
Если не В. В. Блажес, то Л. П. Быков*

Однажды одна небольшая страна
(не скажем, однако, здесь все же, какая)
с какого-то очень большого рожна
решила, что хватит ей жить пустяками.
Возникло намеренье в этой стране
(сегодня намеренья кличут проектом)
расшириться малость вдвойне иль втройне,
Россию к себе присобачив при этом.
Но это пространство — не Венгрия вам,
не Чехия вовсе и даже не Польша:
такое не просто прибрать ведь к рукам

(со стороны все ведь кажется больше!)
И главный соседней страны президент
решил, сберегая страну от экспансий,
что должен в России найтись резидент,
который — ну, скажем, во время вакансий —
побродит чуток по родимой земле,
на карточку слово-другое запишет,
разложит бумаги потом на столе,
на перышко малость с волнением подышит
и диссер не толстый такой настрочит
страниц на четыреста или чуть больше,
попутно услышит совета вердикт
и нам экземпляр один вышлет по почте.
А в этой стране переводчики есть
И сноски прочесть могут запросто с лупой:
Сей том прочитаем за часиков шесть
И станет ясна нам российская глупость
И мудрость, конечно, и много еще
Мы сможем узнать из того фолианта...
Но кто б резидента такого нашел,
Чтоб был он в России с умом и талантом?
И главный страны той секретный шпион
Воскликнул, как в Киеве князь у свекрови:
— Я знаю такого!

Был шеф удивлен:

— И как же такого зовут?

— Березович!

В Свердловске она обитает в УрГУ
И днюет на кафедре там и ночует.
И также, я в этом поклясться могу,
Она регулярно по весям кочует.
И все на заметку объекты берет
И их имена перепишет в тетрадку
И смотрит внимательно каждому в рот
И склонна при этом, представьте, к порядку.
— Да это ж находка! — вскричал президент, —
но как усадить эту деву за диссер?
Она же попросит полтонны конфет,
За труд этот прежде чем будет садиться?
— Да нету у ней этой подлой черты...
— Нет этой, а есть, значит, точно, другая.
Какие у ней, предположим, мечты?
— Мечта, если Блажес ее не ругает.
— А Блажес, известно, кого не журит?

— Возможно, не всем, но шпиону известно.
— Ну, вот и порядок. Пусть Львовна творит
и светит ей это заветное место.
С того разговора прошла пара лет
И вот фолиант багровеет пред нами.
Раскрыть я обязан его был секрет.
А дальше что делать — уж думайте сами.
Я все же послал бы сей том в ту страну,
Они все страницы его прочитают
И сделают вывод: Россия?! Да ну!..
И пусть о другом приращеньи мечтают.
А я со своей (все ж пиит...) стороны
Скажу ныне тост, ибо плещется что-то:
Есть люди еще у великой страны.
За топонимиста пьем! За патриота!

Февраль 1999

Наталье Александровне Купиной

Неопалимое

Ни театра, ни кина
Ныне мне не надо:
Ведь подаст мне Купина
Рюмку лимонада.

А с чего подать должна
В день шестого мая
Мне Наталья Купина —
Все здесь понимают.

Ныне Этуш и Лакшин,
Фрейд, Белявский, Жанна*
Славят — пусть не малыши —
Domini свой аппо.

И естественно она —
Есть на то заслуги! —
Наша, наша Купина
Выглядит в том круге.

* Д' Арк.

Чей аналитичный плуг
Глубоко буровит?
У кого такой супруг —
Николай Петрович?

Кто риторики гарант —
Оглянись, в округе?
И к кому сам Губерман
Напросился в други?

У кого научный вес
Тела много боле?
Чьим усердьем наш ликбез
Славен в высшей школе?

Кто муштрует наш совет
с тактом гениальным?
Это вовсе не секрет:
Купина Наталья.

К речи рифменной прибрег
Я затем упрямо
И затем сюда прибрег
После пары прямо,

Чтобы это произнести
И принять из чаши
И потом довольным сесть
Около Наташи.

Тамаре Вячеславовне Матвеевой

Некалендарное

На календарь наставлю фары,
Но, как бы ни был ярок свет,
Нет дня рожденья у Тамары:
Тамара — есть, а дня вот — нет.

Конечно, это очевидно лучше,
Чем если б было все наоборот,
Но все ж сей небанальный случай
Смущает малость наш народ.

Но здесь не время для рефлексий,
Поскольку, что там ни гутарь,
Вы редкий получили вексель:
Жить без загляда в календарь!

Пусть дни бегут и всяк в охотку,
И блеск азарта жив в глазах.
...А счет годам дадим на откуп
Отделу кадров — там, на небесах.

Очередное 29 февраля

Ирине Трофимовне Вепревой

* * *

В конце двадцатого столетья
в неимоверно жаркий день
намерен Ирочку воспеть я,
тень наведя на сей плетень.

Я не платан с его листвою
и не Платон с его умом,
но все ж и я чего-то стою,
когда сей посещаю дом.

Но речь не обо мне — о Ире.
Ведь у кого сейчас банкет?
Я струны натянул на лире,
чтоб в честь тебя пропеть куплет.

А то и несколько куплетов —
ты жизнью заслужила их.
И, в новое вступая лето,
услышь мое «Ich liebe dich!»

Пусть на меня не смотрит Саша,
как вепрь (иль бык?) на красный флаг.
Ты стала старше? Стала краше
да и умнее! Это — факт.

Всегда ты в курсе всякой моды,
толк знаешь в части женских прав.
Тебе завидуют народы
всех мене развитых держав.

А что ты делаешь на кухне!
Семье твоей не отощать.
И кафедра без Иры рухнет
или по швам начнет трещать.

И всем известно: ты для дочки
и для сыночка — рукодел.
...Я мог и дальше б ладить строчки,
но жаждет стол не слов, а дел.

Не утолить такую жажду
в эпоху перестройки — грех.
Прошу присутствующих граждан
поднять и вздыбить рюмки вверх.

И, взором трезвым всех окинув,
и дам и жаждущих мужей,
я предлагаю: за Ирину!
Вторую жизни половину
ея — чтоб первой не хужей!

27 июня 1989

Акцентные вирши
на возвращение Ириши
из Китая

В Северный зал
Больше бумаг
Не ношу.
К Южной горе
Вновь я в лачугу
Пришел.

Мэн Хаожань (689—740)

Весь вечер я ныне намерен
Класть косточки мимо тарелки —
И не потому, что неверен
Мой глаз стал от этой безделки,

И не потому, что полмира
Объездил и был я в Китае,
А все потому, что здесь Ира
И нас она не покидает.

Конечно, в Пекине есть плюсы,
Конечно, есть минусы здесь.
Конечно, тут больше обузы,
Конечно, там меньше ты в весе.

Конечно, тут ближе к закату,
Конечно, там солнце так светит!
Конечно, там больше зарплата,
Конечно, тут Саша и дети.

Конечно, там палочки с рисом,
Никто никого не ругает.
Конечно, тут кафедра с НИРСом
И кафедра рядом другая.

Конечно, тут холод собачий
И эти, ну как их, студенты...
Но в жизни, как в тексте, иначе
Мы можем расставить акценты.

Пускай там китайские плюсы
И минусы здесь, на Урале,
Пускай там поменьше обузы,
А здесь пусть работой завалят.

Пускай тут поменьше зарплата
И вся, ну как есть, в деревянных —
Зато здесь такие закаты
И в мире нет таких пьяных!

Пускай там пьют водку из риса —
Зато мы из риса жрем кашу,
Пускай ты там «важная птица»,
Зато мы имеем здесь Сашу.

Ты разве б такого супруга
Средь их миллиарда сыскала?!
За мужа, отца и за друга
Давайте содвинем бокалы!

Тем боле, что к личному стажу
Еще один год ты добавил.
Так выпьем за Вепрева Сашу!
И после — вновь к нашей забаве.

...Пиит свое чтение продолжит,
Дорвавшись до публики ныне,
Пускай много чаще тут дождик
И много желтее там дыни,

Зато здесь — родимая хата,
Над коей надежная крыша,
Зато здесь — возросшая Ната
И ставший мужчиною Гриша.

И если б в Китае чуть доле
Тебя продержала наука,
Вернулась ты б в званьи и доле
Бабуси для внучки иль внука!

Вот видишь, какие акценты!
Везде — искушенья фортуны!
В Китае есть счастья моменты,
В России — забот есть лакуны.

В Китае повсюду китайцы,
Повсюду у нас — еще нету,
И лето — там тянется, тянется,
В России — какое ж тут лето!

У них там китайская стенка,
У нас стенка малость короче,
Зато у нас Люся Бабенко
Отсела в порядке рабочем.

Там — тихо все и аккуратно,
У нас — за реформой реформа,
И, чтоб мы стремились куда-то,
Надбавки сулят для прокорма.

У них там Линь Бяо иль кто там,
У нас землячок Ельцин Боря,
У них платят всем по работе,
У нас еще нет, но вот вскоре...

У них там — на велосипедах,
У нас — если нету трамвая...
Зато здесь был август. Победа!
А с нею и радость такая!

Ну, что ни возьмешь — не похоже
У них и у нас. Вот такие!
У них там — китайские рожи,
У нас — даже лица другие.
Где хуже, где лучше? Но все же
Иное важней: ты в России!

Очки нацепив для близиру,
Вздымаю я русскую водку
И тост предлагаю: за Иру —
Российскую патриотку!

Август 1992

Ольге Алексеевне Михайловой

* * *

Сидим мы не нахалами,
а праздника здесь для:
ведь Ольга А.Михайлова
сего родилась дня.

Ну, может, и не точные
те сведения у нас,
но Вы же нас настойчиво
сзывали в этот час.

Скажу я, что нисколько
та цифра не верна,
лишь бросишь взгляд на Олечку,
что, как всегда, юна.

Но юность не препятствует
быть мудрой и вообще
пред вузовскою паствою
быть мерою вещей.

Какого рода кайфа Вы
оставили покой,
чтоб у руля встать кафедры
и кафедры — какой!

Но, видом вроде хрупкая:
чуть дунешь — пополам,
видать, умеет зубками
пощелкивать, мадам.

Жизнь ныне крайне зыбкая,
но, как войдешь сюда,
то Олечки улыбка вам —
как родника вода.

Но вижу, как махали нам,
что речь пора кончать:
за Олечку Михайлову
прошу, друзья, поднять!

Однажды

Осипя, .
или В сборах на раут
по приглашению кафедры риторики

Соседи съехались в возках,
В кибитках, бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога:
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмокание девиц,
Шум, хохот, давка у порога.
Поклоны, шарканье гостей...
(«Евгений Онегин», глава пятая)

Эй, Осип! Отложи-ка книжку,
Протри на барина глаза
И поищи мою манишку.
Нет, без манишки т а м нельзя.

И из цилиндра пыль всю выбей.
Не можешь? Почему? Там кот...
Вот если б предложил я выпить,
Ты б отвечал наоборот.

Ну, хоть почисти мне ботфорты.
Ах, ваксы нет... Вся жизнь с тобой
Мне, право, на разрыв аорты:
Фортуна мне теперь — спиной

Покажется, а я бы в перед
Ее охотно вперил взор.
Ведь предо мной захлопнут двери.
Я сей не вынесу позор.

Ведь как-никак я зван — на раут!
Не к городничему на штоф.
Я что-то сам могу сварганить,
Но все же мне слуга — на что?!

Ведь все-таки тебе я — барин,
Обязан быть ты под рукой.
Пусть я не Пушкин, не Казарин,
Пусть я не Гоголь — я другой!

А впрочем, Осип, бог с тобою
(Нет, бог со мной, с тобою — черт).
Все так же небо голубое,
Мороз безжалостно сечет.

Опять на съезде депутатов
Все подражают дружно мне.
Опять в России бедновато...
Но есть же радости в стране!

Причем такие, что не купишь
Ни на валюту, ни рубли.
Хоть мне и кажет Осип кукиш,
Ямщик, на кафедру рули!

Нет, на работу мне не надо —
Нужна соседняя мне дверь:
Та, где словесные рулады
Есть мастерицы длить теперь.

Где что ни член — так ладный ритор
(Нет, ритор — мастер говорить.
Тебе, друг Осип, извините,
Нельзя на видео ходить).

А там, где буду я, взгляни-ка:
Филологический бомонд!
Захочешь дать кому по лицу —
Ищи совсем другой народ.

У нас найти другой не трудно,
Но хочется красиво чтоб,
Пусть лишь на час, но чтобы — чудно,
Чтоб трудности не лезли в лоб.

Ну, как в том фильме — про богатых,
Из-за которых всяк рыдал
В особняках, общагах, хатах,
В деревнях, селах, городах.

Но все ж я не Луис Альберто,
Пора и речи знать финал.
Хотелось выглядеть мне фертом,
Да ты, друг Осип, подкачал.

Ну, что ж, каким я был намерен,
Таким сегодня буду тут
И не испорчу той обедни,
Какую раутом зовут.

Пусть я не взял вторую обувь
(Об этом, Осип, речь потом),
А здесь — за речью смотрят в оба,
И смотрят как, и смотрит — кто!

Какие с нами рядом люди!
Таких во сне ты не видал!
Нет, кто здесь был, тот не забудет,
Что мед беседы здесь алкал.

А кто алкаш здесь главный — это
Не Вы ль, Наталья Купина?!
Простите термин сей поэту
Или меня пошлите на

Ту территорию родную,
Где мы без раутов живем
И с Осипом напропалую
Сухую корочку жуем.

Но знают все: великодушны
И терпеливы к людям Вы,
И Вы поймете, что не Пушкин
И не Касимов я, увь.

И потому, что ни исторгнет
Мой невоспитаннейший рот,
Простите. Всем мои восторги.
Прощаюсь я.
Ведь Осип ждет.

1993

Ода филологическому флирту

...Но, как истинный Адам
(Только зная все заранее),
Я тоскую по плодам
Сладким — с дерева познания.
Н. Гумилев

А чтой-то каждый ходит фертом
Сегодня там, где был филфак,
И занят каждый ныне флиртом —
Ведь здесь всегда все жили так!

Зачем устраивать сей опыт,
Когда все опытный весьма
И в большинстве не мизантропы
И не сошли еще с ума,

Хотя в стране прекрасной этой
С ума сойти легко, увь:
Вот почему здесь и поэты
Не идут никак из головы.

Да, мы идем не из расчета —
Нас интуиция ведет,
И средь всегдашнего болота
Поэт тропу всегда найдет.

И, попадая в зону флирта,
В оазис дней очередной...
(Тут хороша бы рифма «спирта»,
Да чтоб сравнить его с рекой...)

Но мы себя травить не будем,
Хоть Вахх уместен там, где флирт:
Ведь коль с воображеньем люди,
Им эль заменит и кефир.

А можно даже без кефира, —
Но вот без флирта — Пушкин прав:
Безмолвствует поэт лира,
Безумствует поэт нрав.

И жаждет флирта он, как Ленин —
Не с Крупской, а с Инесс Арманд:
Душа томится от волнений,
Ей предвкушается роман!

Ну, не роман — хотя б рассказик,
Сюжетов для которых — тьма:
Эрот, бездельник и проказник,
Их сочинил, гляди, тома.

И вот, блуждая по филфаку,
Листаешь местный фолиант
И думаешь, какой, однако,
Тут выжить надобен талант.

Поскольку флиртом тут пропитан —
Ну, словно табаком — зенит.
...Быть некрасиво — знаменитым,
А кто, взгляни, здесь знаменит?

Зато взгляни: здесь что ни особь,
То, черт возьми... Нет, не бери!
Нельзя брать ничего без спроса.
Ведь мы еще не дикари.

Был посещаем нами раут,
Риторику все чтят и чтут —
Вообще словесности дарами
Весь местный избалован люд.

Здесь все девицы — баловницы,
Здесь всяк профессор — баловник.
И должен человек резвиться,
Будь он младенец иль старик.

Пока душа готова к флирту,
О пенсионе думать грех:
Я пиво пью и пьешь кефир ты,
А флирт объединяет всех!

Он нам от старости прививка,
От дряблости сердечных мышц,
Чтоб жизни нудная привычка
Не превратила птичку в мышь.

Порхай, душа, грехи, безумствуй:
Пока порхается — ты есть.
Среди коррупций и презумпций
Ты — радости благая весть.

И потому не мнится блажью,
Что местных всех филологинь
Знать обязал всесильный Блажес
Науку флирта — как латынь!

И в курсе том не будет лекций —
Одни практические сплошь.
И — госэкзамен! Вот где сердце
На сладкую проверят — дрожь.

А кто в комиссии, создатель?!
Казарин, Гудов, Паверман,
Зашихин, Пресняков, Липатов,
Зырянов, Маркин — словом, клан

Сердцевнимателей известных:
Ведь на филфаке служит тот,
Кто ценит прелести прелестниц,
Аж им заглядывая в рот,

Когда они, ну там, глаголят:
Метафора, субстрат, сюжет... —
И в этой безупречной роли
Студенткам нашим равных нет.

О, как они нас ловко ловят,
Хоть кажется, что ловим — мы!
Что ж, флирт — он держится на слове,
Что греет и среди зимы.

Что светит и во тьме и даже
Бессмертье кой-кому сулит,
Вот почему так авантажен
Филологический синклит.

Мы все причастны с вами к слову:
Ему — за совесть, не за страх —
Служить пожизненно готовы,
Не грезя об иных дарах.

Ведь женщина — она обманет,
Беря пример в том с мужиков,
А слово — в жизни иль романе —
Основа прочих всех основ.

И посему утихомирьте
Себя, емеля из емель.
Есть упоение во флирте.
Так будем пить сей сладкий хмель!

Декабрь 1994

На День филолога

Крив был Гнедич поэт, что пропел «Илиаду» по-русски.
Я же, как видите, в оба вас вижу, причем без очков.
Да и с Жуковским Васильем Андреичем, что перевел «Одиссею»,
не состою я, признаюсь, и в самом далеком родстве.

Что из того! тут историк с философом стали бы хныкать,
ну, а филолог, из личной души все что есть извлека,
смело пускается в путь Одиссеем двадцатого века,
веря в улыбку Фортуны, а также надеясь на свой деканат.

Нам ли бояться Харибды январской и Сциллы июньской —
даже не будем свой слух замыкать и веревками тело вязать.
Все, что на свете с любым происходит однажды,
Зевсу угодно и, стало быть, как я ни брыкайся, произойдет.

Знаю, Зоилы язвительны рано сегодня проснулись —
чуют презренной душой, что им может кой-что перепасть.
Вспомнят, к примеру, войну, что вели с лягушатами мыши, —
Что из того! Нам ли щекотки бояться, коль сами веселья хотим!

Время, конечно, не очень к божественной речи располагает.
Эрос истомчивый неборимо весною влечет,

также зовут нас дипломы к себе с курсовыми.
Но хроматических звуков да и науки дороже
дважды в году не бывающий час.

Миг вожаемый настал себя в деле проверить.
Все, что мы скажем и что мы услышим сегодня, пускай
будет достойно аудиторий родного филфака,
ну, а пониже коль выйдет — великодушье найдется у всех.

1 апреля 1974

Галине Дмитриевне Тутыжиной

* * *

Мой стаж знакомства с юбиляршей
Не буду цифрой выражать.
Одни с годами люди — старше,
Других — годам не испугать!

И пусть они совсем не дети
И дети есть у их детей,
Но как-то так живут на свете,
Что вечно молоды, ей-ей.

Видать, секреты им известны
Не поддаваться бегу лет.
Мне быть вблизи сей дамы лестно,
Хоть и не прост такой балет.

Всему причиной, может, гены
Или миланский кислород,
Но лет уж тридцать неизменно
Ей тридцать лет дает народ.

В окрестностях порой судачат,
Что тайна молодости в том,
Что есть у нашей Гали дача,
Ее возвращенная трудом.

Конечно, сад стройнит любого
(что знает каждый садовод):
заботиться о нем толково —
полезней, чем плясать фокстрот.

Теперь фитнесом фокс зовется,
Но глядки лучше, чем фитнес:
К земле сто раз кто в день нагнется —
Изящней станет всех принцесс.

К тому же лифта нету в хате,
Которой скоро сорок лет,
И на этаж вбежать на пятый —
Полезней для фигуры нет.

И дети с внуками вокруг мамы
Такой привычно ждут уют,
Что пару лишних килограммов
Никак добавить не дают.

И надобно учесть при этом
При всех условиях к тому ж,
Что эффективнее диет всех,
Когда такой в наличии муж.

Де-факто, словом, и де-юре
Для вечной юности причин
Хватает. Ну, и плюс натура,
Что редкостна и средь мужчин.

Вот почему в застолье нашем
Банкетный просит всех поэт
Поднять стакан, бокал иль чашу
За женщину во цвете лет!

Сентябрь 2006

Наталье Аркадьевне Боровиковой

Пьедестальное

Опять банкетный пономарь
чуток займет внимание ваше.
Я тут взглянул на календарь:
да ныне ж юбилей Наташи!

И хоть все врут календари,
не зря мы тут сегодня с вами:
приятно вздыбить стопари,
воздав, что должно, этой даме.

Казалось, только лишь вчера
в УрГУ Наташей больше стало,
а глянь — и грянула пора
себя примерить к пьедесталу.

Уж если правда все, о чем
нам сообщают комплименты.
то надо, Дима, кирпичом
уже класть цоколь монумента.

А впрочем, с памятником жить
не сладко — слаще с человеком,
который может стол накрыть
и двух наследников родить
и перед этим в ЗАГС сходить
с тобой, стирать, утюжить, шить —
так можно и еще полвека!

А Ната ведь не только мать
твоих детей — твоя супруга
по-русски учит лопотать
гостей с Востока или Юга.

Нелегко этот моцион —
я знаю, хоть и не учу я:
среди них был даже один шпион
(но ты его в момент учуял!).

А дни, однако же, бегут
в недели складываясь, годы —
и вот сидим уже мы тут
и слушает Наташа оды.

Азды не умеют врать,
а коль забыл что — извини ты:
ведь так приятно созерцать
боровиковские ланиты!

Такие дщери в старину
вполне могли сидеть на троне
(не в пику это Путину —
мы здесь политику не тронем).

Анфаса выверен овал,
румянец неподвластен слову —
Боровиковский рисовал
тогда таких Боровиковых!

Других достойных зрю людей —
моложе кто и кто постарше:
скажи, кто зван на юбилей —
и я скажу, кто юбилярша.

Среди коллег, друзей, подруг
ну, может, я один — каналья...
Какой блистательнейший круг
играет здесь тебя, Наталья!

Пора итожить литмонтаж,
и я зову компанью нашу
за эксклюзивность средь Наташ
поднять и выпить эту чашу!

29 ноября 2003

Татьяне Николаевне Сивковой

Таня в эти лета
Юбилейный триптих
с пушкинскими эпиграфами

— И полно, Таня, в эти лета...

*Часть первая.
Ужельная*

Ужель та самая Татьяна...

Прошу, друзья, мне предоставить слово:
среди обыкновенных жизни дней
Татьяна Николаевна Сивкова
справляет вместе с нами юбилей!
Какие — если задумаемся — даты
уже давно преследуют всех нас:
ну разве Таня думала когда-то,
что грянет этот юбилейный час?
И мы, коль честно, не подозревали,
чем обернется этот экземпляр:
росла меж нас девчонка на Урале
и выросла и стала юбиляр.
Не лезет это ни в одни ворота
и не вмещается по-трезвому в мозги:
быть может, в ЗАГСе наплутали что-то —
так исправлять свои нули беги!
Но с бюрократами в России не поспоришь —
не зря у нас и Путин — кадровик!
А коль подумать, цифры те — не горе,
покуда бродит молодость в крови.
И всякий, кто на Таню ныне взглянет
(тем паче есть на что тут посмотреть),
со мною согласится: пьем за Таню —
чтоб было впредь на что нам зреть!

*Часть вторая.
Муарно-мемуарная*

Татьяна то вздохнет, то охнет...

Признаюсь, но припомнить дня такого,
хоть память напрягаю, не могу,
когда вот эта Танечка Сивкова
взрумянилась под сводами УрГУ.
Была она с фамилией другою:
Сивкова — это поздний псевдоним,
но и тогда уже была такою,
какою ныне стих мой вдохновим.
Училась с расстановкой, чувством, толком,
как правило, не днем — по вечерам,
а днем была Танюша комсомолкой —
про комсомол не надо баять вам.
Здесь все когда-то были в комсомоле —
там не давали просто так значок,
и щедро Таня в местной высшей школе
своей души плескала кипятком.
Негоже супротив своей натуры,
кто б ни была ты, понапрасну лезть.
В УрГУ де-факто Таня и де-юре —
и потому мы все сегодня здесь.
Студентка не матмеха, а филфака,
ты в сотню книг вчиталась не одну,
что не мешало с Ванею, однако,
вам поднимать семью и целину.
Читает жизнь науку экономий
куда надежней, чем любой доцент,
когда дипломы появились в доме —
был этот тоже памятен момент.
С рожденья не умела бить баклуши,
но жизнь брала все круче в оборот,
а дочка стала как расти Надюша —
так бутерброд забудешь сунуть в рот.
Но это ветер гнет до долу иву,
а человека — Таню — не согнуть.
За эту твердость нужно коллективу
на дно бокала заново взглянуть!

*Часть третья.
Экспансивная*

Татьяна (русская душою...)

Коль лира вам моя не надоела,
которая на многих нотах врет,
еще коснусь я одного пробела,
о коем здешний ведает народ.
В УрГУ вернувшись как преподаватель,
Татьяна Николаевна смогла
на РКИ, а также в женской хате
вести, причем уверенно, дела.
С таким психологическим ресурсом
и банком методических идей
смогла влюбить в себя всех женщин курсов,
не говоря про импортных людей.
Они твои выискивали пломбы,
внимая чутко каждому словцу,
а ты уверенно, но без апломба
вела их к цели, как пастух овцу.
И с временем, уж если честно
(а мы порою, как известно, врём),
в российских коридорах тесно
Танюше нашей стало с каждым днем.
А ежели такой накоплен опыт
и перестройка лезет в кошелек,
то как тут не нагрнуть до Европы:
Белград ведь от Урала не далек.
И подтвердят бывлые югославы
(поскольку ныне югославов — нет),
что Таня потрудилась там на славу:
наш педагог — не пегий резидент!
Но предрекал закат Европы Шпенглер,
как показала всем история, не зря:
давно там сняты те, что были, пенки,
и новых пенек требует ноздря.
Земля кругла, и коль по ней полазить,
то, новый хоть не сыщется Клондайк,
но можно где-то на просторах Азий
сыскать приличней нашего бардак.
Да, солнце там чуток сильнее греет,
да, население на одно лицо,

но может русский человек в Корее
жить и пахать, как Таня, — молодцом!
На сутки там хватает горсти риса,
но все ж Сеул — поболее, чем аул,
и если б жить там не имело смысла,
тебя б туда никто не возвернул.
Грозят пускай ракетой из Пхеньяна,
чучхе опасней пусть, чем птичий грипп,
но знает дело хорошо Татьяна —
и каждый Ким гутарит как Архип!
Мы рождены, чтоб быллью сделать сказку, —
и юбилярша в том убеждена:
и вот уже почти как Станиславский
там ставит нашу классику она!
И чтоб воспеть, какая тут отвага
нужна на протяженьи стольких лет,
мне рисовая надобна бумага,
а у меня — и обороток нет...
Но мы пенять себе сейчас не станем
и, рюмки поднимая на просвет,
всем нашим Тане скажем станом:
Танюша, здравствуй — много, много лет!

29 июля 2009

Ольге Наконечной

★ ★ ★

Живя на свете срок довольно длинный,
лежал бы в валенках сейчас на печке я,
да вспомнилось, что ладит именины
здесь Оля Наконечная.

Вступили мы в эпоху юбилеев,
а чем ноябрьская пора отмечена?
К кому идем с цветами и елеем?
К Вам, Оля Наконечная.

Изящной первокурсницею юною
запомнил Вас давно, конечно, я —
и всё такая же по сути, думаю,
Вы Оля Наконечная!

Судьба филолога едва ль подарок,
она у каждого из нас увечная,
но вот умеете гнать в шею старость
Вы, Оля Наконечная!

Летят стремительно и дни, и годы —
вся жизнь ведь штука скоротечная.
Но кто с улыбкой прёт сквозь все невзгоды?
Да Оля Наконечная!

Нас агитировать за Вас не надо —
в душе у всех влечение к Вам сердечное:
и вот сижу, гляжу — на сердце радость:
есть Оля Наконечная!

Такая, точно, в доску разобьется,
своих гостей напитками накачивая —
и зваться уже придется,
знать, Оля Наконьячная!

Но много говорят одни нахалы —
и, коль в посуде зрю не жидкость млечную,
давайте все опустошим бокалы:
за Олю Наконечную!

Ноябрь 2008

Елене Антоновне Шпаковской

Тургеневка

*Сообразите дату!..
Г. А. Бялый*

Иван Сергеич, у Елены
Шпаковской ныне юбилей.
Ну, Вы упали б на колены
В такой-то вечер перед ней.
Но мы-то не аристократы —
Кровей совсем, увы, иных,
Хотя присутствовать здесь рады
И даже вот изладить стих
В честь юбилярствующей можем

И все застолье просветим,
 Что, хоть поверить в это сложно,
 Но ход времен необратим
 И все года — у Вас в активе,
 Не будем их преуменьшать,
 Но скажем: в нашем коллективе
 У вас особенная статья.
 Не ради датского момента,
 А ради истины скажу:
 Вот образец интеллигента
 По сути и по тиражу.
 Ученых — тьма на факультете,
 Профессоров там, докторов,
 А вы интеллигента встретьте —
 Едва ль, хоть несколько часов
 Вы в коридоре простои-
 До той поры, всего скорей,
 Когда Шпаковская (простите)
 Придет вас звать на юбилей.
 Елен Антоновна — оттуда,
 Из забытых тех времен,
 Когда Лаврецкий жил и Рудин
 Был гегельянством покорен.
 Век позапрошлый канул в Лету,
 Тысячелетье вместе с ним:
 Интеллигентов вроде нету
 Давно, но — с Вами мы сидим.
 Так дай, Господь, сидеть и дале
 Вот так, хоть в пятилетку раз.
 Другие делят пусть медали,
 Посты, регалии, Кавказ —
 Но не для Вас забавы эти:
 Живя с улыбкой, но всерьез,
 Куда б ни дул в России ветер,
 Вы не упустите свой нос,
 Чтоб он метался по порогам,
 Напоминая про себя,
 О чем писал, как помню, Гоголь,
 Но... заболтался что-то я.
 Пора сей монолог итожить —
 И точку тост поставит в нем:
 Какой бы ни был Вами прожит
 По счету день —
 С грядущим днем!

Октябрь 2001

Валентину Владимировичу Блажесу

* * *

Чей славный облик сложен
из одного куска?
Декан филфака Блажес,
без вас меж нас — тоска.

Такая жажда цели,
ума и чувств узда,
и не тщедушен в теле —
кто Вас заслал сюда?

Студент стал аспирантом,
доцент — профессор стал
и волей и талантом
взошел на пьедестал.

Мчит быстро жизни лента,
но главное, что — вверх!
В Указе Президента
Ваш отразился век.

Вы — не Грачев, но все же
лег орден Вам на грудь.
Стал взгляд отныне строже
у Блажеса чуть-чуть.

Подобных, с орденами,
давно филфак не зрел —
народ таких лаптями
пожаловать умел.

Но грянул крах царизму —
теперь иная власть.
Мы Блажеса харизму
вкушаем ныне всласть.

Что ж, насладимся этим —
пора и впрямь вкусить:
в тысячелетии третьем
деканом Вале — быть!

29 февраля 1996

На проводы из деканата

В университетском пестром пейзаже
Всем так привычен изящный стан:
Валентин Владимирович Блажес —
Второе тысячелетье филфака декан.

И не представить подобное даже,
Но вот, поди ж ты. Сомнений нет:
Валентин Владимирович Блажес
Оставляет сей кабинет.

А нам казалось: профессор всажен
В кресло деканское, как монолит,
Валентин Владимирович Блажес
Олицетворял ведь филфака вид.

Прибалт, забыв Приамурья пажить
Средь уральских сказов, гор и болот,
Валентин Владимирович Блажес
Вписался в гуманитарный бомонд.

Авторитет был немалый нажит,
Хоть Вы не звали в край миражей,
Валентин Владимирович Блажес,
В скит удаляетесь Вы неужель?

Но балаболкам окрестным вмажем,
Что Шеварднадзе здесь ни при чем —
Валентин Владимирович Блажес
Решительно делает ход конем.

Три пятилетки — с такой поклажей
Не всякий справится ученый вол...,
Валентин Владимирович Блажес,
На кого оставляете Вы этот стол?

Но кто б ни пришел, отважный, скажет
Вам благодарный Ученый совет:
Валентин Владимирович Блажес.
Излучайте и дальше тепло и свет!

Ноябрь 2003

Алексею Васильевичу Подчиненову

Алексия,
или Ложка к ужину

Алексия — утрата способности
распознавать печатные знаки.
Словарь иностранных слов

Легкое дыхание...
Легкое поведение...
Леха Подчиненов...

Л. Г. Бабенко. К истории русских синтагм

С умом мужик и на уме,
Таких филфак еще не видел,
Он, вроде, не сидел в тюрьме,
Но знает, что такое Ивдель.

Не по рассказам тетя и дядя —
Своим отметил там сроком.
Захочешь что с такого взять —
Свой укуси сначала локоть.

Прошел все вдоль и поперек,
На каждой побывал заставе —
Едва ли сыщешь уголок,
Где Леха след свой не оставил.

А след тот, знают все, каков —
Он оттого и ходит фертом:
Прочел и — счел. И был таков,
Как Павлик Чичиков — с конвертом.

Соавтор — мой, редактор у
Ф. Достоевского, Мешкова...
Коллегам многим Леха — друг —
Он нюхом чувствует другого.

Не рвется к славе он ничуть
И всяких степеней не хочет —
Он предпочел окольный путь
(Окольный на Руси — короче).

Вот так живет, не дует в ус,
Не носит полосатой блузы.
Избрав единую из муз
И не забыв иные узы.

И — видом вовсе не брюнет
(шатенский вариант блондина) —
Он ходит (с дочкой) на балет,
Поет в семье у них Галина.

Я тексты для нее писал
И тем с соавтором мы квиты...
А если что не так сказал —
Так ради рифмы... Извините.

Но я, покуда не утих,
Обязан поддержать радушие:
Итак, итожим тостом стих:
За сорок пять твои —
 грядущих!

Декабрь 1997

СТИШОК

30-летию кафедры, проводящей
теоретический семинар «Русский глагол»

Эпиграф 1:

Ступай, он рек, вали
и жги глаголом
сердца людей, простых
Марусь и Вась...

Борис Рыжий

Эпиграф 2:

За окошком солнца мало,
Скоро будут рощи голы.
Тридцать лет, глянь, набежало
Этой кафедре глаголов.

*Из частушки, записанной
в коридоре филфака
в сентябре 2004 года*

Эпиграф 3:

За тридцать мне.
Мне страшно по ночам...

Е. Евтушенко

Простите бедность словаря
(Особенно насчет глаголов),
Но на трибуну вышел я,
Чтоб откровенно и толково
Поведать вам о том, как мы
Вас тридцать лет в соседях терпим,
Как ваши скромные??? щедрые умы
За термином рожают термин,
Чтоб русскую родную речь
Загнать в канавы??? каноны парадигмы
И мысль научную повлечь
В ту высь, что вы и породили.
Припомним: тридцать лет назад
И началась, что длится, эра:
Исходный идентификат
Дала всем Кузнецова Эра.
А в это время... Ритма пенкой
Стишок я с умыслом покрыл,
Чтобы возникла в нем Бабенко

И чтоб секрет я здесь раскрыл.
В те годы этот самый доктор
У нас был скромный лаборант!
А ныне, глянь, словарный дока...
Вот так, друзья, растёт талант!
А в чем секрет? Конечно, в почве,
А почва — кафедры родной.
За почву ту принять бы срочно —
И примите. Жаль, не со мной.

Года бежали, как опара,
И наш язык стал так могуч,
Что после некого кошмара
Два солнца вышло из-за туч.
Чтоб языка постичь оттенки,
Нужна нам служба не одна.
Читатель рифму ждет: Бабенко —
Но будет ли она точна?
Пожалуй, будет. И не зря.
Иначе б мы тут не сидели:
Нужна ученому ноздря —
Без нюха все мы лишь Емели.
Концептуальной верой жив,
Творит здесь были и легенды
Ваш театральный??? кафедральный коллектив —
При этом выдержан и гендер...
Пусть нету общих стен у нас
И разный номер телефона,
О вас могу я длить рассказ
До непрогляди законной.
По коридору если мчишь
(Не от декана иль сортира) —
Всегда открытая, глядишь,
Научная у вас квартира.
Кто первым дверь свою стальной —
Глаголы чтоб не сперли??? сбёгли, сделал?
Где словари стоят стеной?
Куда не вхож, пардон, Валера?
(Не Гудов — Рабинович тут
в виду имеется, поверьте...)
О, как здесь любят умный труд —
Порой хочу сказать: умерьте
Свой пламенный энтузиазм,

А то лексем на жизнь не хватит.
Но продолжаю свой я сказ,
Хоть на меня уж бочку катят.
Продлю я в рифму водевиль,
Являясь местной Евтушенкой.
Читатель рифму ждет: Бабенко —
А рифма будет здесь: Джалиль!
Вот кто по внешности как барин —
А он у вас муж не один:
Вы ждете рифму здесь: Казарин —
У вас такой есть господин!
Вот кто за все берется рьяно,
Талант не ведает чей мер!
С него Воронина Татьяна,
А также Плотникова Анна
Кой в чем берут уже пример.
А как забыть о той везухе:
Умен, общителен и мил,
У вас завлабом служит Мухин —
Единственнейший Михаил!
И в дверь порой стучится нашу,
Неся улыбку впереди,
Вот эта Дудорова Маша:
Увижу — и свербит в груди!
Вам 30 лет (не так ли, Маша?) —
Тут в руку просится стакан,
Ведь день текущий вам не страшен,
Течет поскольку не в туман.
И за такую перспективу,
Когда по Томску мне гулять,
Необходимо коллективу
И вашим всем друзьям принять!

Сентябрь 2004

Людмиле Григорьевне Бабенко

Филфак и Людмила

Быль

Проснулся я сегодня утром
и бросил взгляд на календарь —
и током вдарило как будто:
из всех, в году что были, суток
июля первый день — кошмар!

За исходящие отныне
обязаны мы все платить,
а заграничные все вина
от хенесси, считай, до джина
родною водкой заменить,

поскольку кончились акцизы.
Но что-то мне твердит в мозгу,
что дня текущего капризы
таят иные нам сюрпризы.
Какие — вспомнить не могу.

Родилась в этот день Диана
и Санд родилась — та, что Жорж,
Лучко — звезда того экрана,
и Мухина — творец стакана
граненого — родилась тож.

Памела Андерсон, чьи перси
могучи, как не знаю что,
тож именинница... Из версий,
почто волнуюсь я, хоть тресни,
не складывается лото.

Но тут я слышу через стенку
входящий телефонный звень —
сбиваю о косяк коленку:
— Ты не забыл, что у Бабенко
сегодня юбилейный день?

Забыть про этот день рожденья
мозг только стариковский мог —
Так вот почто душа в волненьях!
И в предвкушеньи наслажденья
пришли мы в этот теремок.

Какие здесь, однако, люди —
в каких нарядах и словах! —
явились, чтоб Бабенко Люде
преподнести себя на блюде
и молвить восхищенно: Ах!

А тут для восхищенья повод
не нужно даже и искать —
здесь для восторгов все готово,
и даже ейный спутник Вова
все конспектирует в тетрадь.

А мы: Татьяна, Вера, Маша,
Валера, Игорь, ну и я —
мы здесь, конечно, ныне вмажем,
но прежде чем принять, мы скажем,
Людмила, правду про тебя.

Согласно объективной ксиве
(народ знать истину должен!)
росла ты в нашем коллективе,
а после, нрав явив ретивый,
пошла к лингвистам на поклон.

Тебя пригрела Кузнецова —
и оказалась в том права:
и девкой ты была толковой,
профессор стала образцовый,
а все — слова, слова, слова.

А коль точней сказать — глаголы,
ты вертишь их и так, и сяк,
и знают все и долы:
тобой руководимой школы
энтузиазм, нет, не иссяк.

Твоя натура словно пицца —
многосоставна и остра:
давно б пора угомониться,

но столь в тебе кипит амбиций,
что сварить суп из топора.

Пусть многое уже вкусила,
но все хлопчешь у плиты,
поскольку поварская сила
твой берedit покой, Людмила,
как уголь средь летней темноты.

Всему и автор, и соавтор —
есть развернуться где уму! —
при этом бьешься ты за правду
и где сражаться будешь завтра —
не знамо ныне никому.

Но, неизвестностью влекома,
к всему питаешь интерес,
ты, может, с Воландом знакома —
пардон, но эту идиому
мне подсказал тот самый бес.

Про возраст навсегда забудет
кто ищет счастья в борьбе —
и здесь собравшиеся люди
и впредь побед желают Люде
и новых радостей в судьбе!

1 июля 2006

Юрию Викторовичу Казарину

На первое 50-летие

По виду не барин, советский наш парень
И русский при этом поэт —
Свердловска Гагарин, наш Юрий Казарин,
Полсотни отмерил ты лет.

Господь не лукав, но бывает коварен —
Не многим он дарит секрет,
Но, Богом отмечен, в поэтах Казарин
Полсотни, как минимум, лет.

Пусть в чем-то я тоже, кажись, не бездарен,
Но я — лишь банкетный поэт,
И я удивлен: неужели, Казарин,
Полсотни уж прожито лет?!

Сегодня споют тебе множество арий:
Коль приторно — мчи в туалет,
Но это бывает — поверь мне, Казарин, —
В полсотни единожды лет.

Доселе шикуюшь в индийском загаре,
Башкой среди звезд и комет —
Пусть ждут впереди тебя, Юра Казарин,
Полсотни — как минимум — лет.

Хотя этот мир и жесток и коварен —
Другого под солнышком нет,
Но если на свете есть Юрий Казарин —
И свет есть на множество лет.

Июнь 2005

Еще раз ему же

Как ныне собирает всех Юрочка наш —
Ну тот, чья фамилья Казарин —
Вот в этот шалаш (иль угодно — блиндаж):
Сбегайтесь — по случаю вдарим.

А случай какой — тот вопрос у людей
Из пятки буравит ботинок.
А случай достойный, друзья: юбилей —
Полсотни годов быют в затылок.

Затылок не часто, признаем, такой
На свете встречается ныне:
Размер шестьдесят, вероятно, восьмой —
Ну, как подобает мужчине.

Я помню: лет тридцать примерно назад
Возник на филфаке вдруг хлопец:
Высокий, лохматый, глаза как гроза,
С душою совсем не холопией.

Девчонки пред ним — до сих пор в штабелях
Ну как на всю зиму — поленья),
И, коль идеала Господь иль Аллах
Искал, зрите: в поле он зренья.

А хоть из мужчин идеал, но стране
Известно ведь, что и поэт он —
И, значит, есть повод принять нам втройне,
Втройне закушая при этом.

На норму тройную сейчас покушась,
Я, знайте, совсем не агрессор;
Ведь третья у Юрия есть ипостась:
Мужик и поэт, он — профессор.

На кафедре служишь немало ты лет,
Став Людъ Бабенко десницей.
Казарин — мужчина, профессор, поэт —
Плюсуйте еще единицу.

По виду хотя ты совсем не нахал,
Не Кердан, не Бриль, не Зашихин —
Писателей местных начальником стал —
А это — ой то еще лихо!

Как Шива, Казарин, друзья, многорук,
А был многолик он вдобавок:
Когда на экране возник этот друг —
С утра бабы падали с лавок!

А помню, в «Урале» ты пост занимал
И было то кресло высоким —
И много, признаем, утратил журнал,
Когда упорхнул этот сокол.

Еще вот о чем умолчать я не мог,
Хотя балагурю изрядно:
Казарин в Свердловске большой педагог —
Кует он словесности кадры.

Ты учишь, как надо писать и нельзя,
И кнут доставая, и пряник...
Я мог бы и дальше поэмить, друзья,
Другие чтоб высветить грани.

Однако гуманность моя и талант
Толкают речугу на коду:
Казарин, держи высоко свой штандарт
На радость себе и народу!
И каждый за Юру принять снова рад,
Имея в бокалах не воду.

Июнь 2005

Юбилейная вопрошалка

Что делать в разбойное время поэтам,
Поэтам, чья лира нежна?..
И. С.

Кто, спросим, юбиляр сегодня наш?
Уверен, на вопрос ответ получим.
Кого завод заводов Уралмаш
филфаку уступил на всякий случай?

Кто с юных лет настолько был красив,
что сразу в нем была видна порода?
Кто в банке не завел аккредитив
и тем похож на большинство народа?

Чей зыбкий стих сердца людские жжет?
Кто Майиной строкой увековечен?
Кого в соавторы Бабенко ждет?
Кто Путина гораздо человечней?

Кто муж, профессор, доктор и отец?
С кем Ветровой всегда улыбка рядом?
Кто дамских погубил не считано сердец,
чему они, однако, были рады?

Кто не лежал все годы на боку
и не гоним, листу подобен, ветром?
Кто посвятил стиху и языку
жизнь, явно преуспев и в том, и в этом?

Кто книжек выпустил изрядное число?
Кто в предисловьях столь исторг восторгов?
С кем так, друзья, Уралу повезло,
как не везло Европе и Востоку?

Кто возглавлял писательский Союз,
где дарований столько, сколь амбиций,
и там тащил таких вопросов груз,
с которым очень просто надсадиться?

Кто запустил пиитов марафон,
какой и сам остановить не может?
Кто «Чашей круговою» награжден,
а раньше премией Бажовской тоже?

О ком уже печатают труды
с его портретом — аж на всю обложку?
Кто выпил водки, сколько я воды,
ну а теперь не пьет и понемножку?

Кто рыбку ловит в Каменском пруду
и у кого клюет — другим на зависть?..
Все поняли, о ком я речь веду,
поскольку здесь сейчас его друзья ведь.

Он не моряк, зато какой *пловец*,
он демократ, хотя по виду барин —
Тора сказать: всем ясно, наконец,
что это — **Юрий — юбиляр!** — Казарин!

Июнь 2010

Олегу Васильевичу Зыранову

Мемуар про меморандум, или Трансцендентальный анекдот

Вот до чего достигло просвещение...
Баратынский

Начну издалека, поскольку
Уж много лет один кошмар
В сознании танцует польку,
А с кем — расскажет мемуар.
Я — помню. Чудное мгновенье
Перед глазами до сих пор.
Явив задор, азарт и рвенья

И простодушно ясный взор,
Мне говорит студент Зырянов —
Так деликатно говорит:
«Быть может, выступаю зря я,
Но совесть речь вести велит.
Зачем вы, Леонид Петрович,
Уж сколько перед нами дней,
А в вашем, извините, слове
Нет философских ахинея?
Верней, идей. Вы все твердите,
Кто где учился, с кем дружил...
Возможно, вы из эрудитов,
Но наш и свой зачем вы пыл
Расходуйте безрассудно?
Пусть интересен ваш концерт,
Уже ль вам выговорить трудно:
Монада, интертекст, концепт?
У нас филфак — не богадельня,
Простите мне сей разговор,
Но Гуссерль вовсе не бездельник,
И Хайдеггер и Кьеркегор.
Уж сколько лет твердят по миру
Фамилии эти, а у вас
Мелькнет цитатка для близиру
И — снова про другое сказ.
А мы ведь в университете,
Не абитура, не блатняк...»
Тут кто-то вдруг в моем куплете
Шепнул: — Олег, зачем ты так?!
Но кто стоит горой за правду
Вершин уральских посреди,
Уже подобен астронавту,
Когда планета там — гляди.
Там, впереди, возможно, розы
И развязавшийся шнурок —
Но в ту минуту П. Морозов
Мне не припомниться не мог.
Я, виду не подав, ответил,
Свое достоинство храня,
Но понял: предо мной не дети,
А по профессии родня.
Олег пока меня моложе,
Лицо без видимых морщин,

Но — срок придет и, все возможно,
Из этих молодых мужчин,
По крайней мере, из Олега,
Коль буду вхож я в универ,
Получится моя коллега —
Укор мне в чем-то и пример.

Чутье меня не обмануло,
Нас всех оно не подвело:
Совсем немного лет минуло —
И вот сидим мы за столом.
Пусть не понять мне бедным слухом
И косным не постичь умом
Сей том, но это ж пьянка духа,
Сам Гиршман написал о том.
И я скажу, причем не спяну,
Пусть выпил, но очки надел:
Да это ж вылитый Тынянов —
Наш защитившийся пострел.
Волна кудряшек на макушке
И профиль — мастер высекал.
Ну, а в Тынянове сам Пушкин,
Бывало время, проступал.
И после вывода такого,
Друзья, уже сомнений нет,
Кто на обложке нарисован,
Да это ж автора портрет!
Трясаясь в прокуренной общаге
(Прошли лицеев времена),
В филологической отваге
Олег поднял науку на
Недосыгаемую горку,
Как это видно из глубин.
Отныне на доцента корку
Намазать можно маргарин.
И, коль припомнить меморандум,
Прожита жизнь была не зря.

За это и взыскует радость,
Чтобы в бокал вошла ноздря.

2005

На аттестацию УрГУ и факультета в 2006 году

Б. В. Кондакову

Всегда по осени в Свердловске
У нас погода не ахти.
Известно, впрочем: жизнь в полоску —
Не каждый день должно фартить.

Но так уж вышло ныне, братцы.
(И быть иначе не могло):
Настало время аттестаций —
Как говорится, припекло.

Когда б тепло повсюду было,
Удобней принимать гостей:
Начальство б вас на пляж сводило
Для согревания костей.

А скажем, в зимнюю погоду
Другой бы выбрали маршрут:
Мы б предложили вам охоту.
А что теперь предложишь тут?!

Созвали нас в серьезном зале
В намеченный столицей час
И комиссаров показали
И оным показали нас.

Пришлось нам выложить бумаги
И дать по пунктам всем отчет —
Ведь, преисполненный отваги,
На все готов в УрГУ народ.

Не без тревоги ждали встречу,
Но грудь не издавала стон:
На зеркало пенять тем неча,
Кто статью точно Аполлон.

Пусть были въедливыми взоры
И осторожными — слова,
Но подтвердили ревизоры
Нам перспективные права.

А после встречи коллективу
Пора бокалам зазвенеть:
За универа перспективу!
Пусть здравствует УрГУ и впредь!

Ревизия необходима —
На то и Гоголь намекал.
Спасибо Вам, Борис Вадимыч!
И здесь кончается вокал
И в руку просится бокал.

Юрию Анатольевичу Мешкову

Юрьев день

С утра в Тюмени ныне жарко,
на небе нету облаков.
Весь город стал огромным парком,
где много баб и мужиков.

Но хоть с утра полна народу
столица области Тюмень,
сегодня эту мы породу
всю отодвинем резко в тень.

Одной-единственной натуре
поток наш восхищенных слов:
зовут натуру эту — Юрий,
ее фамилия — Мешков.

Сначала кажется кошмаром
сам факт, что юбиляр он вновь:
ведь рядом с этим юбиляром
любая молодеет кровь.

Конечно, стал он чуть белее,
на взгляд, бросаемый с небес,
Конечно, выглядит мудрее
и лоб, гляди, морщин не без.

Но врут, уверен я, анкеты
и лет и зим счет бестолков,
и прав на пенсионность нету
у Вас, энциклопед Мешков.

И к правде разговор веду я,
отбросив вузовскую спесь:
был этот юбилей придуман,
чтоб с вами встретились мы здесь.

Сей гражданин, в трудах неистов,
известен пол-России всей
немереным гостеприимством:
есть ли Мешкова кто щедрей?

На всей земле российской нашей,
где и Мороз есть, и Фролов,
сей представитель Ното гашен
как особь точно образцов.

Вот чьей душе столь в теле тесно
(хоть тело вроде не моё),
что рвется в мир она, как песня,
и мы все слушаем ее.

За уникальную натуру
и поднимаю рюмку я:
за Анатолича! За Юру!
За человека Юрия!

Июнь 2004

Дубль два

Как хорошо в Тюмени лето!
Меридиан, видать, таков.
И в эти дни, учтем при этом,
здесь именинствует Мешков.

Хотя родились Вы де-юре
вдали от зауральских мест,
зато вписался точно Юрий
в тюменский умственный контекст.

Пусть я со скоростью улитки
сюда примчался из УрГУ,
без этой сдержанной улыбки
Тюмень представить не могу.

Вы, близ Мешкова кто сидите,
филологический вигвам,
вы нашу щедрость оцените,
дар ниспославших этот вам.

Меня порою зависть гложет
(видать, под действием вина),
что здесь сверкает этот ежик,
а не моя блистает хна.

Но все под солнцем этим летним
свою имеет благодать.
Мораль в финальном есть куплете:
пора за Юрия поддать!

18 июня 2007

Анатолию Прокопьевичу Чудинову

Шестьдесят строк юбиляру — впрок

Кто мне скажет, какая причина
собрала столько славных людей?
Анатолий Прокопич Чудинов
отмечает здесь свой юбилей!

Да, случается в жизни година —
и к шестерке плюсуется ноль:
Анатолий Прокопич Чудинов,
Вам идет юбиллярная роль.

Образцовый. взгляните, мужчина:
и не тощ, и румян, и усат.
Анатолий Прокопич Чудинов —
украшение здешних палат.

Не брюнет, не шатен, не блондин он,
а проректор, профессор и пр.
Анатолий Прокопьевич Чудинов —
главный в слойке ингредиент!

Инноваций ждут от господина,
всяких мудрых инициатив —
Анатолий Прокопьевич Чудинов
всем показывает когнитив!

Нет в Педе иных муэдзинов,
пусть есть Гридина и Лейдерман, —
Анатолий Прокопьевич Чудинов
здесь центральный коммуникан!

Пусть «Россия» — ну та, что «едина»,
имитирует КПСС,
Анатолий Прокопьевич Чудинов
в свой прилежно приходит ликбез.

Бытовые проблемы отринув,
словно Карлсон, мужчина в соку,
Анатолий Прокопьевич Чудинов
учит русскому тут языку.

Рты и глазки студентки разинув,
всю готовы впитать эту статью:
Анатолий Прокопьевич Чудинов
позволяет себя обожать.

Диссертанты, забывши перины,
исчеркали морщинами лбы:
Анатолий Прокопьевич Чудинов
их вершитель научной судьбы.

Вы глядите вприщур на долины,
аспиранты Сизифами где:
Анатолий Прокопьевич Чудинов
как орел этой грешной орде.

Да и в книжных, гляжу, магазинах,
где ученых желтеют труды,
Анатолий Прокопьевич Чудинов —
антрацит средь словесной руды.

Побывав и в иных палестинах,
кто не бросит Отечество, нет:
Анатолий Трокопъич Чудинов
безбород, но, однако, уж дед!

Может перечень быть очень длинным,
но пора и умолкнуть попу:
Анатолий Трокопъич Чудинов —
Вы архангелом в УрГПУ!

Если в рюмках есть водка и вина,
это нужно поднять и принять:
Анатолий Трокопъич Чудинов,
продолжайте и впредь процветать!

12 февраля 2010

Науму Лазаревичу Лейдерману

Неюбилейный размышлизм

Чему, чему свидетели мы были?..
Пушкин

Ныне встали очень рано
пролетарии всех стран,
чтоб ополоснуть стаканы:
юбилейт Лейдерман.

Этим фактом озабочен
здешний мыслящий народ:
юбилей? А это точно?
Неужели круглый — год?

Год, признаем, круглый вроде
по свидетельству анкет —
только больше ведь природе
доверяю я, поэт.

И, взглянув на Лейдермана,
так, товарищи, скажу:
юбилейть дяде рано —
повода не нахожу.

А вот доводы иные
изложить я вам готов:
много ль дожило в России
до столь лет из мужиков?

А Наум — мужик по виду
и по сути он мужик:
отродясь не ест повидлу
и в свершениях велик.

Сколько слов он умных знает,
сколько книжек написал —
столь усидчивый прозаик
никогда б ни накатал!

А ведь в книжках тех — не мысли,
а концепции — и тьма!
Их в свой мозг попробуй втисни —
прямо горе от ума!

И скажу, пускай нахально,
ощущая этот ум:
очень имечко буквально
понимаете, Наум!

А при том натурой — лидер,
всё кипит вокруг него:
я совсем недавно видел
Лейдермана торжество.

Был намедни я в столице,
«Русский мир» собрали там.
Незнакомые все лица,
не знаком другим я сам.

Вдруг гляжу: почти как Путин,
хоть крупней и не на раз,
Лейдерман судачит тут —
и народ внимать горазд.

Что ни слово — то по делу,
что ни фраза — афоризм!
Форум слушал очумело.
Вот такой постреализм!

Я и сам не скуп на слово,
там спиною грел плетень —
красноречия такого
не слыхала эта сень!

А в воззрениях не узкий.
наш Наум, обретши пыл,
по-украински, по-русски,
по-одесски говорил.

Потрясенные моментом,
тут от власти травести
гостю встречу с президентом
порешили провести.

Результат пока неведом
нам свидания того,
но судачат, что Медведев
конспектировал его!

А уж ежели уроки
наш Наум давал в Кремле,
ясно, след какой глубокий
в местной от него земле.

Можем мы сегодня очень
здесь почувствовать тот след —
вот гордиться правомочен
кем окрест лежащий пед!

А поскольку люд отсюда
всюду есть, куда ни кинь,
лейдермановское чудо
здешняя впитала синь!

А ведь есть и сын у папы —
тот, что выбрал псевдоним
и умчал на дальний Запад, —
часть отца умчалась с ним!

Юбиляр уже обычно
сделал все, что в жизни мог, —
а натуре этой зычной
рано подводить итог.

Подводить итоги рано —
закусивши удила,
утопические планы
надо воплощать в дела.

Всё в реальность, без сомненья,
воплотится в беге дней.
...Ждем, однако, приглашенья
на грядущий юбилей!

23 января 2010

Александру Сергеевичу Янушкевичу

Сибирский цивильник

Все необъятное в единый вздох теснится...
В. Жуковский

Вот и прожили мы больше половины,
прочитали фолианты все, что можно,
дегустировали те, что нас дразнили, вина,
осознали, что правдиво в мире и что ложно.

А давно ли все на свете начиналось
в гордке, затерянном в окрестностях Сибири:
человек родился — эка, в общем, малость,
но событие это стало очень важным в мире.

В Томск приехав, золотой блестя медалью,
мальчик на филфак был в миг зачислен,
погрузился здесь отчаянно в скрижали
и потом на север области был выслан.

Года два учил беспомощных боксарцев,
сколько «н» писать в словечке «деревянный»,
но потом вновь в альма-матер постучался,
аспирантом за науку взявшись рьяно.

«Вечера на хуторе...» прочел неоднократно,
сидя у себя на кухне маломерной.
Будучи литературоведом-демократом,
диссер сочинил, покамест первый.

Но, чтоб не казалась жизнь малиной
и чтоб под ногами не скрипели доски,
он, на подвиг вдохновляемый Фаиной,
стал читать стишки, что сочинил Жуковский.

Был поэт Василий плодovitый,
долго жил, дружил с друзьями и царями —
Янушкевич, обретая знаменитость,
вдохновлял себя научными страстями.

Не смежал свои годами Саша веки,
пальцы на деснице намозолил авторучкой,
пылью прошлого дышал в библиотеке,
впрочем, оною делясь с «могучей кучкой».

Тунеядство не ведет к лауреатству,
хоть без лени не бывать и романтизму.
Умножая филологии богатство,
наш герой свою упрочивал харизму.

Что же мы имеем в результате?
Янушкевича весь город юбилеит:
выложили к этой славной дате
всюду плиткой тротуары и аллеи.

Янушкевич — он хотя и бородатый
и очки на нос надел, друзья, не даром,
но до круглой докатившись лихо даты,
чувствует себя совсем не юбиляром.

Угостили нас Сибирские Афины
Ренессансом мыслей и блинами,
климатом отменным... Впрочем, длинно
говорит кто если — говорит банально.

Я банальностей сегодня не чужаюсь,
вдохновляемый напитками изрядно,
но, однако, говорливый, закругляюсь,
и к бокалу приближаюсь, что отрадно.

Кто земное испытал сполна блаженство,
испытует оное пусть дале —
и за это приглашаю щедрым жестом
дно достать своим рубильником в бокале!

Октябрь 2004, Томск

Чужой среди своих
Р. С. к конференции
«Лингвистические проблемы толерантности»

1.

На жизнь он смотрел как на праздник,
Не важно, что праздник — чужой.
А. З.

И год прошел, и вновь в УрГУ вы,
языковеды всей страны —
в хорошей форме, не угрюмы,
красноречивы и умны.
Обыкновенные таланты
явили статью свою и прыть,
ведь все лингвисты толерантны,
что не пытаетесь и скрыть.
Да и зачем такое прятать,
пусть не по-нашему зовут,
но толерантным быть приятно —
со мной все согласятся тут.
Ниверситетские чертоги
впустили вас на этот раз,
чтоб мудрости конфликтологий
здесь постигали и не час,
а день, и два, и дольше даже
(ведь больше дров, чем дальше в лес),
и я, лингвист с детсадским стажем,
охотно в ваши сани влез.
Что далеко они покатают,
то ныне видит и слепой,
тем паче, что Карнеги платят
за этот съезд очередной.
Меня поймет Лос-Анжелеса
сюда примчавшаяся дочь:
и русские — не из железа
и различают день и ночь.
Нехорошо считать чужое
автоматически своим —
таким агрессорам «Ужо им!»
мы беспощадно прокричим.
Но коль валюту нам протянет

чистосердечно США,
взгляд отворачивать не станет
великорусская душа.
Сознанию грех быть биполярным,
хоть голова у всех кругла,
и на Бен Ладена коварность
мы, закусивши удила,
со всем могуществом вербальным,
прибыв сюда из разных мест,
ответим жестом эпохальным:
сей форум — наш ответный жест!
Нам всем счастливый жребий выпал,
и это поднимает ввысь:
подыдем же! Ну как не выпить
за то, что вновь мы собрались!

2.

Все сказанное и написанное рядовым
носителем языка заслуживает внимания,
уважения и беспристрастного учета со
стороны лингвиста.

Н. Д. Голев

Мне аплодировать не надо —
стихам таким напрасно льстить:
прошу считать сие докладом
и в «Матерьялы...» поместить.
Дискурс банкетный толерантен,
как Крысин или Федосюк —
на них держа равненье, встаньте
(назвать других — мне недосуг).
Сказавши *недосуг*, уверен:
меня все правильно поймут
и не покажут, где здесь двери,
расслышав непотребство тут.
Язык! Как много в этом слове
вместилось нам известных слов!
И к нашей необъятной мове
обречены мы на любовь.
Здесь столь сокровищ, что все банки
пред ней являют нищету,
мы — слуги речи и служанки
и службу продолжаем ту.

Есть в языке стереотипы,
но есть и толерантность в нем:
со скрипкой здесь в соседстве скрипы,
с бревном соседствует бином.
Орган есть в словаре и орган,
и органы вместились в речь,
а там недалеко до оргий —
как тем богатством пренебречь!

Язык родной наш толерантней
любой ЮНЕСКО и ООН;
и хамоватый, и галантный —
нас всех объединяет он!
И нашим служит он, и вашим,
и либералам, и попам,
и потому так, верю, важен
сей лингвистический виват!
Где речь — там жизнь, где жизнь — там речи.
Будь ты ребенок или старик,
но, коль живешь, на нем лепечешь,
так пусть, как жизнь, он будет вечен,
небезупречный наш язык!
Считайте тостом этот крик!

Октябрь 2001

ПерМистика

Февраль! Поднять бокал и выпить!..
Б. Пастернак. Из несохранившихся
пермских черновиков

1.

В последний день зимы Юрятин
встречал словесности друзей.
Мне местный интерьер приятен
(без лести лью как гость елей).
Люблю я пермскую натуру
и а-ба-шевский интерьер.
Чтя русскую литературу,
наш форум с места взял в карьер.

Платочком помахав, Марина
гостям вручила микрофон,
и вальс-бостон начался длинный,
зал не вгоняя, к счастью, в сон.
Изящным был докладчик первый,
хотя и «Знаменем» махал.
Второй, свои пытая нервы,
романы толстые читал.
А третий произнес стишата,
что актуальна вертикаль,
Две Маши в следующих докладах
смотреть заставили не в даль,
а что цырюльницы читают,
когда докладчиц не стригут;
и речь, как в стиль теперь вникают,
уместной оказалась тут.
Доклады пусть не все сказали,
но у природы свой закон —
и пить чай мы побежали:
у чая тож есть свой резон.
Потом Абашева (диктатор!)
разогнала всех по столам.
Коллеги, я не виноватый,
что не внимал я многим вам.
Вигвам вот этих конференций
(кто не бывал здесь — тот чудак)
ложится прямо мне на сердце,
как... Не сказать мне прямо как.
Сплетались мы здесь не хвостами —
сплотило нас дыханье слов —
и тех, что с вами мы сказали,
и тех, нас в кои занесло.
В Перми художником быть тяжко:
что ни судьба — то боль и рок,
но как-то так живут, бедняжки,
что всяк взлетает в нужный срок.
Кто с Камы — тот имеет весу,
пусть и не понятый в Перми.
Вот мы судачили о пьесах
за персональными дверьми.
Рекли какие монологи!
И что ни речь — то эвфемизм...
А что же выпеклось в итоге:
как страшен наш капитализм!

Но заболтался я. Нахала
прошу понять и извинить.
Тора давно поднять бокалы:
чтоб нам и дальше так же жить!

2.

О, как нам повезло, приятель,
поскольку в первый день весны
приветил нас н.п.Юратин,
где явью развернулись сны.
На зов Абашевых России
филологическая рать
сюда примчалась. Это — сила,
с которою не совладать.
И, тем не мене, совладали:
доклады все почти прочли,
и местные почтили дали,
маршрутом Лариным прошли.
(Татьяна ни при чем — здесь Лара
жила с тех пор, как три сестры
снялись отсюда в дни пожара,
умчав в столицу для игры).
Близ Разгуляевых развалин
и Камы воздухом дыша,
мы с изумленьем вспоминали,
где и какая в нас душа.
Среди сегодняшнего бреда,
где души убивают влет,
где Пастернак — лишь имя бренда, —
вдруг понял всяк, что мы — народ.
Мы все — народ, покуда с нами
стихи, романы, наш язык.
Литература — наше знамя,
и тот, кто с древком, тот велик.
Под вечер внятно и толково
(хотя французил микрофон)
нам гостя — леди Иванова
предстала как поэта клон.
С филологической отвагой
порхала в этих мысль стенах
и показалось, что «Живаго»
не Пастернак сложил — она!

Здесь было чудно и уместно,
не все покрыл еще бетон.
Пускай короткой вышла песня —
но тем и помнится потом.
Сюда собрал нас славный выбор,
и, завершая эту речь,
я вымолвлю Терми «Спасибо!»
в надежде новых с нею встреч!

Февраль — март 2007

Выпускникам филфака 2009 года

Ничто так не красит девушку,
как красный диплом.
Народное

Почто, как принц, одетый Гудов,
почто вы все раздеты так?!
Да ныне совершилось чудо —
и вы закончили филфак!

Была нелегкою учеба:
за годы горы книг прочли,
и мудрости черты на лобик
незабываемо легли.

Чтоб получить образование,
чернила лили вы и пот.
Благими были упования —
и упования сбылись вот.

Вы столько ждали лет момента —
приятно вспомнить тут о том,
сжимая корки документы,
что называется — диплом.

Но если мастер я вокала,
то слово делом подтвердим:
утопим нос, друзья, в бокалах:
за наш филфак — неповторим!

Июнь 2009

Переходя на прием

Р. С. к вступительным экзаменам

Последнее лето двадцатого века:

Кто — к туркам за море,

кто — в сад-огород.

На солнышко тянет у нас человека —

И весь отдыхает в России народ.

Но правила нету без исключения,

И вместо того, чтоб на солнце лежать,

Иное, коллеги, у нас наслажденье:

Тебе, абитура, ежедневно внимать.

Да ладно бы днем, но ведь часто до ночи

Каракули застили нам кругозор —

Ведь сколь ни тверди этим хлопцам:

Короче! —

И сколь ни точи на увечных топор —

Они все равно что хотят, то и пишут,

Да если бы знали еще, что — хотят!

А то, будто классики, пишут, как дышат.

Слепыми в ведро бы их всех, как котят!

Да где же бадью-то такую отыщешь,

Чтоб экую прорву сумела вместить.

Работ мы прочли, коль суммировать, —

тыщи,

Но лишь единицы смогли нам вмастить.

А мы, уж признаемся, были щедрее:

Глаза приходилось порой закрывать

На перлы, которым логично, скорее,

Была единица — мы ж ставили «пять».

Лукава профессия — экзаменатор:

Ты акушер и, попутно, палач,

И — каковой жизнь востребует фактор, —

Будет восторг у клиента иль плач.

Бог нам послал в этот год клиентуру —

Будто замыслил УрГУ как ковчег:

С умной особой соседствует дура,

С грамотным русским — безграмотный грек.

Грек, всем понятно, для рифмы помянут —
Греция эта простерлась окрест:
Пишут такое, что уши повянут
Тотчас от самых «изысканных» мест.

И не забыть — ну хотя б «Херосиму» —
Пишут, не ведая, что же творят.
Да и на устном сидеть не под силу,
Если все слушать, что там говорят.

К счастью, мы слушать умеем вполуха
Равно тому, как вполглаза читать.
...Но позади эта вся заваруха —
Самое время за это поднять.

Словно на стрелке мы здесь уркаганы,
К счастью, что было — того не вернуть.
И, от стола отрывая стаканы,
Мы отряхнем все, что можно стряхнуть.

Хватит ворочать безумия глыбы —
Время подумать о солнце и нам.
Всем, кто работал в приемной, —
спасибо!

Всем — добрый август!
За август — до дна!

Июль 2000

Выпускникам 2010 года

Друзья, взгляните за оконце!
Сколь замечателен пейзаж:
мороза нет — есть только солнце!
Зачем вы предпочли не пляж?

Зачем собрались в этом зале
(ведь для чего-то собрались? —
Об этом речи здесь звучали
и мой про это вокализ.

Когда придет другое лето,
то вы иначе, чем теперь,
питомцы университета,
толкнете ту, внизу что, дверь.

Во-первых, вы уже с дипломом
(а он важней, чем аттестат),
уже вы можете с апломбом
на бездипломных зреть ребят.

Они ж — зеленые редиски,
им не к лицу еще гордынь,
еще сдавать им то английский,
то зарубежку, то латынь.

А вы уже, что надо, сдали
(теперь — посуду лишь сдавать!),
родные вас зауважали
и можете качать права.

К диплому был маршрут и долог,
и не сказать, чтоб легким был,
но всяк из вас теперь филолог:
вы превратили сказку в быль!

А во-вторых (раз есть во-первых,
должно быть в тексте «во-вторых»),
потреплет малость ваши нервы
мой реализму верный стих.

В УрГУ вы больше не придете.
Когда придете вы в УрГУ,
другую вывеску найдете:
какую — я сказать могу.

Но называть ее не стану —
еще гордиться нечем ей,
а вы, как и достойно людям,
столь утр, и вечеров, и дней

прожили в университете,
какому звание — УрГУ!
И вам гордиться можно этим —
с чем вас поздравить я могу!

В УрГУ И ОКРЕСТ

*Паригорию Евстафьевичу Суетину,
ректору УрГУ*

Докладная записка

Паригорий Евстафьич Суетин,
говорят, будто Вам — шестьдесят.
Так позвольте листочек поэтин
примостить в юбилейностей ряд.

Нам эпоха диктует известно,
и докладов, и тостов слова.
Мы, филологи, Вас, если честно,
и не знали, признаться, сперва.

Вы в УТПИ долгий срок отбывали,
где вдыхали разреженный газ,
а потом мы внезапно узнали,
что Вы ректором стали у нас.

Потрясенность подобным сюрпризом
за одиннадцать лет пропадет,
и уже не фортуны капризом,
а подарком сочтет Вас народ.

Жаль, подарка на всех не хватает,
но понятен нам сей перекося:
близ поверхностей тел возникает
столь естественный Вам перекося.

Лирик с физиком — вечная пара:
нас связует взаимный контраст.
И мы знаем: подбросит нам жару,
но в обиду нас физик не даст.

Впрочем, что я про физика... Ректор
Вы для нас, как и, впрочем, для всех.
А начальника славить — корректно ль?
Но ведь — вежа. И вежа из веж.

Пусть печалится Виктор Астафьев,
пусть Айтматов под «Плахой» стоит —
дорогой Паригорий Евстафийч,
сохраняйте свой курс и свой вид!

И пусть дальний потомок заметит,
что расцвет наблюдался в УрГУ,
когда ректором был там Суетин.
Я под сим подписаться могу.

Февраль 1987

На 70-летие Владимира Евгеньевича Третьякова

За окошком свету мало,
здесь зато весь высший свет.
Что же нас сюда созвало
на расширенный совет?

Вон сидит в костюме некто —
всех заметнее людей:
это наш покуда ректор —
он справляет юбилей.

Юбиляром быть почетно:
гость с утра течет рекой,
но наш ректор отчего-то
весь задумчивый такой.

Та задумчивость понятна:
срок пришел сдавать дела.
Это, в общем-то, приятно —
сбросить власти удила.

Только лоб забота морщит:
нет наследника на трон.
Уходить пора, но, может,
сможет вдруг остаться он?

Без УрГУ себя не мысля,
тульский в прошлом карапуз
на плечах, как коромысло,
много лет тащил наш вуз.

Пусть немало расплескалось,
но ведь вытекло не все,
да и время не ласкало,
не клонило в сладкий сон.

Не похожа жизнь на пряник,
и у ректора она
нелинейных колебаний
упоительно полна.

Без пристрастия и гнева
среди мадам и мужиков
у британцев — королева,
а в УрГУ здесь — Третьяков!

Столько лет в заботах ректор,
окружен всегда людьми:
пусть мы видели Вас редко,
но зато Вас видел мир.

А когда Вы с нами были,
речью брали всех в полон —
в тень пред Вами отступили
Горби сам и Цицерон.

Упираясь в почву прочно,
мыслями — меж облаков,
замечательно устойчив
в нашем вузе Третьяков.

Чьи глаза не потускнели,
чей не выдохся азарт,
позади все неужели?! —
Нет, не кончился Ваш фарт!

Пусть стрекочет жизни лента
до скончания веков.
Пьет УрГУ — за президента:
президентствуй, Третьяков!

Декабрь 2006

Дмитрию Витальевичу Бутрову

48 строчек

(ибо тут нельзя короче)

Когда мужчине 48,
то он не юноша уже,
но первая в причёске просесть
не доминирует в душе.

Когда мужчине 48,
его историка диплом —
на жизнь его взгляд повод бросить,
не замыкаясь на былом.

Когда мужчине 48,
он может многое уметь
и счастлив взоры купоросить
окрестных мужиков и ледь.

Когда мужчине 48,
идейно он весьма подрос:
уже КПСС он бросил
и не совсем «единоросс».

Когда мужчине 48
и был уже он депутат,
он мыслями порой в Давосе,
но Родина велит: — Назад!

Когда мужчине 48,
себе он разрешит грехи,
легко какие разум сносит:
к примеру, сочинять стихи.

Когда мужчине 48,
ему (стал нюх его неплох)
среди трех не заблудиться сосен —
уж разве лишь среди четырех.

Когда мужчине 48,
какой бы кризис ни крепчал,
никто не слышал (всех мы спросим),
что «Караул!» мужик кричал.

Когда мужчине 48
и ректор он, но не УПИ,
люди университетский просят:
— Начальничек, не погуби!

Когда мужчине 48
и возглавляет он УрГУ
и в каждом дока он вопросе,
что больше я сказать могу?!

Когда Бугрову 48,
пусть зазвенит бокалов медь:
мы в Вашу честь тост произносим,
желая здравствовать и впредь!

Март 2010

Владимиру Алексеевичу Бабинцеву

Новый центурион

Раз, два, три, четыре, пять. Шесть?!.
*Русская народная считалка
прожитых десятилетий*

Наши переживания — его
визитная карточка.
*А. Глюксман. Достоевский
на Манхеттене (перевод мой)*

Джентльмены и мадамы,
все внимание — ко мне!
Жил когда-то Нострадамус
во французской стороне.
Был мужик в уме и теле,
в довершение ко всему
приставать любил к мамзелям,
льнули и они к нему.
В общем, ясно, что не зяблик
этот был ситуайен,
но его моральный облик
не для этих уш и стен.
Мы б его не вспоминали
в сей благословенный час,
но — оставил он скрижали,
любопытные для нас.
Много в них муры и дури —
сей французский аксакал
предсказаниями центурий
часто небо протыкал.
Но в грядущем, тем не мене,
кое-что он разглядел:
тех разгадка откровений —
притягательный удел.
Он для местного народа
лет пятьсот назад творил —
тут проблема перевода
требует немалых сил.

Может быть, не всем известно
(вы ж не все прочли тома):
есть одно в том тексте место,
актуальное весьма.
В очень вольном переводе
избежал я темных мест:
отношение к Володе
обнаруживает текст.
Убедитесь в этом вскоре,
но, мужчины и мадам,
пересохло что-то в горле —
надо выпить мне. А вам?

Центурия XIII

(перевод озвучивается впервые)

Приходится мне говорить искусно,
чтобы меня не понял кто-то в лоб:
Тысячелетие от рожденья Иисуса
второе собираться будет в гроб.

Тогда в стране, какой название — буквы,
масштабы коей словом не объять,
впервые мальчик белобрысый пукнет,
который так и не научится орать.

Спокойствием всех ближних поражая,
он будет соответственно расти,
от семени маршрут до урожая
сам постарается с достоинством пройти.

Немногословен, скуповат на жесты,
скорее зайчик, нежели олень,
он хоть с фамилией родится женской,
но вырастет, бесспорно, джентльмен.

Надежен, обязателен и стоек
(у стоек тож устойчивый всегда),
с годами станет, видимо, историк,
но отличится и в других трудах.

Штаны просиживать не будет в хате
и, хоть обличем интеллигент,
изведает шершавость на лопате
и черный осчастливит континент.

И даже среди родных канализаций
себе отыщет истинный озон:
величие былых цивилизаций
раскроет соотечественникам он.

Его печатать повсеместно станут,
он будет в мире признан, как толмач,
и — результат: блаженство рядом с Таней
на берегу среди престижных дач.

Как истинный художник, независим
и в шестьдесят даст фору молодым,
есть мало шансов, что он будет лысым —
гораздо больше, чтобы быть седым.

Сквозь тьму хронологического гнейса
я вижу, как среди своих друзей
под кустиком (откуда?!) «Эдельвеса»
справляет этот муж свой юбилей.

Явив годами обретенную сноровку,
там некто рыжий мой читает стих,
и все кричат: — За Вовку пьем, за Вовку! —
и Вовка тот блаженствует меж них...

Вот так пророчил на французском старом
в шестнадцатом столетии еврей,
известный как Михайло Нострадамус,
уверенный в поэзии своей.
Жаль, что центурия дошла фрагментом —
подтерся остальным, видать, вандал,
но будем рады нынешним моментом,
что, частью пусть, прогноз попал в аннал.
Аннал негоже сравнивать с анальным,
хотя историки суют свой нос в навоз,
но я не о былом твержу, а о реальном
и потому спешу унять невроз.
Поскольку взяли все на изготовку,
то — верно предсказал сей пономарь —
звучит сегодня тост. Какой? За Вовку! —
и каждый осушает свой стопарь!

Сентябрь 2006

Борису Николаевичу Лозовскому

Белым по белому

В тот день, когда Багдад глядел на небо
(и, как назло, безоблачно оно),
печален тот, кто здесь сегодня не был:
ему Лозовского поздравить не дано.

О. этот Данко с головой Лужкова!
О, Николая сын Борис Второй!
Перед тобой мое немеет слово,
единственный на весь журфак герой!

Таковыми наш УрГУ горазд гордиться,
да что УрГУ — гордится весь Урал!
Ты вовремя, дружок, сумел родиться,
твоим родителям за подвиг сей: Ура!

Но роль какую б ни играли гены —
ты участь сам преобразил в судьбу
(в отличьи от Бурбулиса от Гены:
тот где сейчас массирует губу?)

Ты ж сотворил из дней своих поэму —
ее, понятно, здесь не перечечь.
Я дальше лишь одну затрону тему
(прошу, что продолженью быть, учечь).

Лозовский — это вам не Карлсон:
ведь у того пропеллер виден сзади,
а у Б. Н., его как ни крутите,
пропеллера под нижним бюстом нет.
Он ликом кругл — почти как солнце,
и, как земля без солнца бы зачахла,
так без Бориса бы зачах журфак.
Да, он умен и мудр. А главное — свободен
и потому в поступках так широк.
Воистину вот русская натура!
Ее бы сузить кой-кому хотелось —
но он прокрустам этим — к носу дулю!

И продолжает жить в свою охотку.
(Я водку не сказал, хотя он ценит
напиток, что мозги нам чистит:
ах, что за сочетание спирта с чистой
водою ключевой в пропорции, какую
России подарил тобольский химик.
Речь не о Бальчугове здесь — напитком этим
нас осчастливил мастер чемоданов,
небезызвестный зять поэта Блока,
творец таблицы разных элементов,
а проще говоря, Д. Менделеев.
Но нас не химик здесь волнует, пусть великий —
у нас сегодня собственный Гераклум,
и если мной помянут дар «Алконы»,
так только потому, что Боря лично
стремится ежедневно в курсе быть,
какой продукт «Алкона» предлагает.
Естественно, для этого ему
приходится в процессе дегустаций
внимать и влаге тех сосудов, кои
привозят на Урал из прочих мест:
ведь познается все в сравнении, как учит
наука диалектика, которой
блистательно владеет юбиляр).
Всего лишь пятьдесят тебе сегодня!
А по твоей улыбке — много меньше,
но, правда, больше, коль посмотришь сверху
на этот мощный череп, под которым
пульсирует сплетенье стольких мыслей!
«Куда послать сегодня мне Олешко?
И не пора ли намекнуть американцам,
что парочку должны подкинуть грантов,
а то ковра нет в кабинете у декана,
а я ведь многих вызываю на ковер.
А в воскресенье не забыть про баню,
не то профессор Зверев изворчится:
давно просил ему намылить шею —
раз просит — отчего же не помочь!
А тут еще с каникулов студенты
на днях вернутся — надобно их встретить,
а то ведь сдуру могут на филфаке
среди их прелестниц быстро раствориться —
не зря Зашихин говорит, что на филфаке...
А впрочем, Женя знает много слов...»

Такие мысли в черепе Бориса
вершат привычный свой круговорот.
Но, кажется, я малость утомился
и мне пора смочить немного рот
пред тем, как я его закрою,
открыв потом на разных поросят:
по пятьдесят нальем, друзья, за Борю
и примем — за грядущих пятьдесят!

5 февраля 1998

Проводы

(напутственно-патриотическое)

Уезжает в Америку Боря,
чешут темечки люди УрГУ,
но сей дембель не повод для горя:
«Что — я в отпуск уйти не могу?!»

Это право дано и декану —
два семестра, поди, позади:
юбилеи, студенты, стаканы —
лямка стерлась на мощной груди.

Отпускаем товарища в отпуск
в буржуазный наведаться рай.
Будешь пить с бусурманами водку —
ихней содовой — не запивай!

Ты ведь хоть и Лозовский, но — русский,
а у русских — особая статья:
мы же пьем первых три без закуски,
а с закуской сколь — не сосчитать.

Пусть завидуют *ихние* парни,
наблюдая такую игру.
Но запомни: нет в мире коварней
агентуры из их ЦРУ!

И поэтому там, на банкетах
(ибо каждый у нас — патриот)
не болтай о российских секретах —
открывай лишь для выпивки рот.

Можешь, впрочем, обмолвиться спичем,
про погоду сказать и про дам,
ну а прочее, если приспичит —
так и сразу отрежь: — Не продам!

Ты не зря тезкой стал президенту,
и, коль станут к измене клонить,
вмиг матерому их резиденту
в морду дай или дай прикурить!

Уезжая в Америку в отпуск,
оставляя на родине нас,
ты оставь свою, Боренька, фотку,
чтобы нам лицезреть твой анфас.

Это фото мы вделаем в рамку
и на стенку повесим, чтоб всяк,
кто к тебе был допущен по рангу,
без тебя здесь душой не обмяк.

Ибо взор твой — пусть даже на фото —
излучает такой магнетизм,
что любого потянет в работу
безо всяких приказов и клизм.

Ты вернешься (а ты ведь вернешься?!) —
и узнаешь родимый журфак
и с Зашихиным чаю напьёшься
и Олешко услышит: — Ништяк!

К Марь Ивановне сбегашь тут же,
из штанов вынешь импортный цент,
скажешь, рюмку сжимая: — Живут же! —
и английский проступит акцент.

Но, чтоб снова в Россию вернуться
и обнять всех и с каждым принять,
надо в миг от забот отмахнуться
и махнуть — нам куда не понять.

Много жизни занятных историй,
много в ней и надсад, и услад...
Уезжает в Америку Боря.
В добрый путь — и туда, и назад!

Июнь 1996

Шестидесятистрочие

На земле людей — нас море,
но, как в Африке пингвин,
вот такой Лозовский Боря —
на планете лишь один!

Не навязчив в разговоре,
обаятельный блондин
был когда-то этот Боря.
А теперь — глянь! — господин!

С юной наглостью во взоре
дожил до почти седин —
только где они у Бори?! —
Ты такой — как я — один!

При естественном отборе
вымирает балерин,
но такими вот, как Боря,
и мужает стан мужчин.

На колхозном косогоре
и средь импортных витрин —
органичен всюду Боря,
как в аптеке аспирин.

В Штатах был и на Босфоре —
много видел Палестин,
но российский сердцем Боря
оставался гражданин!

Дверь всегда чья на запоре,
но любого без резин
в кабинет пускает Боря,
будь Пьеро иль Арлекин.

Редко зрят тебя в миноре,
ведь любой осилит сплин
дуайен деканов Боря,
журналистов муэдзин!

Саксофоном может «до — ре —
ми — фа — соль» и прочий блин
из начальников лишь Боря
(Клинтон скис средь паутин).

Наш гарант с тоской во взоре —
как подержанный павлин,
выдал грант недавно Боре
в поддержание штанин.

Издаются в коленкоре,
кто-то ценит ледерин,
а в бумажном только Боря —
свой на все у тя аршин!

Славной фауной во флоре,
позабыв тьму писанин,
летом стать умеет Боря
средь челябинских осин.

Ты, возможно, выпил море —
тем и спасся от ангин,
и хотя в годах ты, Боря,
но румян, как мандарин!

Рамок вне, вне категорий,
штучным средь людских пучин
был и остается Боря,
Николая славный сын!

От упреков в переборе
тост спасет меня один:
здравствуй ты и дале, Боря!
До грядущих годовщин!

5 февраля 2008

Леониду Петровичу Звереву

Человек человеку

Человек человеку — волк.
Закон североамериканских джунглей

Человек человеку — друг, товарищ и брат.
Моральный кодекс строителя коммунизма

Человек человеку — бревно.
Алексей Ремизов

Человек человеку — Леонид Петрович.
Университетское (в Екатеринбурге)

Когда листаешь календарь,
то чувствуешь, как жизнь текуча,
и годы не упрячешь в ларь,
как говорится, в ларь, на случай.

Но люди есть среди людей,
которые себя не прячут:
в них чувств избыток и идей -
таким с рубля не надо сдачу.

Аршином их поди измерь —
таких, как Леонид Петрович!
В честь Вас называли водку «Зверь» -
чтоб всем за Ваше пить здоровье!

Давно седая голова
(наука не дается даром),
но цифр прикидка не права:
Вам не к лицу быть юбиляром!

У юбиляра жизнь — в прошлом:
склад помыслов, надежд, свершений...
А Вы за нынешним столом
моложе всех — и даже Жени!

Всегда во взоре алкоголь,
всегда трезвы в речах и ликом, —
скажу: завидна Ваша роль —
я, Леонид Петрович Быков.

Так пусть и дале дни летят —
карьер их — не во вред карьере.
В честь Вас бокалы пусть звенят:
будь, Леонид Петрович Зверев!

17 февраля 1995

Борису Владимировичу Емельянову

Пафосное

Не из гусар, не из уланов,
но деловит, молодецват —
Борис Владимыч Емельянов,
ужель Вам ныне шестьдесят?

Пришли большие к Вам успехи,
но был не торным их маршрут.
Нелегко путь: за вехой — вехи.
Какие? — все мы знаем тут.

Теперь пиши о чем угодно,
хотел и прежде — да не мог:
ведь любомудрие — свободно,
но — не печатальный станок!

Но философии причастный,
оптимистичным был Ваш ум.
Быть может, в жизни нету счастья,
но как приятен мыслей шум!

Пусть в полушарьях светлых Ваших
он продолжается и впредь!
Толмач мыслителю так важен
он без него — в лесу медведь!

А Вы медведя из берлоги
так ласково — и под узду,
а раз философы — не боги,
то поразмыслят — и пойдут.

У Вас и ныне столько планов —
еще годков на шестьдесят.
Борис Владимыч Емельянов,
но Вас же не вернешь в детсад!

Нам жребий каждому отмерен,
но дух готов Ваш да и плоть
еще на многое, уверен.
И да поможет Вам Господь!

Июнь 1995

Одной сорокалетней кафедре

Сергею Васильевичу Гольцину и К^о

Вам сорок лет. Не мало и не много.
Сорокалетье — славная пора:
и позади виднеется дорога,
и впереди — грядущего игра.

И позади — завкафедрой Васильич,
и ныне тож Васильич у руля:
Васильичи всегда в России в силе —
людьми такими дорожит земля.

Вас не забудет в будущем потомство,
не забывают, впрочем, и сейчас,
и Ваше в культуртрегерстве господство
и радует, и восхищает нас.

Ваш труд облагораживать умеет
провинциальный местный люд.
...Но я свой пафос все-таки умерю,
хотя не зря Вас воспевали тут.

Вам сорок лет — не юбилей, конечно,
но — праздник не зазря прожитых дней,
и я на Вас гляжу сегодня нежно:
искусствовед всяк — вышел из людей.

Профессия, понятно, раритетна —
не каждого зовут *искусствовед*,
и Закс вас убедил авторитетно:
творите это ж вы искусство ведь!

«Ну как тут нам не возгордиться, —
промолвил гордо Голынец, —
пусть Эрмитаж и Лувр — в столицах,
Урал в искусстве — тоже молодец!»

Об этом Пимены и возвестили:
«Без нас искусству ну никак нельзя».
За кафедру, что — в славе, в силе,
ну как не выпить нам, друзья!

Март 2003

Сергею Васильевичу Голыncy

Апрельское

Так мозг устроен, что весною,
когда кончается апрель,
вдруг совершается со мною
такой вот фортель (иль фортель?).

Я пятерней чешу затылок,
в УрГУ стрелою, как гонец,
лечу, весь в пене, как обмылок:
там юбилярит Голынец!

Ужели время к юбилею
и столько прожито ужель?!
Ведь образ Ваш такой лелею,
какой сияет, словно гжель.

Еще Вы не были соседом
и на четвертый к Вам этаж
маршрут порою был мне ведом...
Но, взяв судьбу на абордаж,

приобретя высокий титул,
Вы стали добрый наш сосед...
И, словно на экране титры,
бежали годы. Много лет.

Конечно, цифры все — условность,
но что-то все же в цифрах есть.
Вообще-то юбилей — не новость,
и все ж о славной цифре весть

меня, признаюсь, взволновала,
хоть я не щедр на сентимент.
Речь не о том, что много, мало ль
прожил и сделал наш сосед.

Речь — об ином. Как быстро время.
Как бег его неумолим.
Вот почему чешу я темя,
примчав на этот вот Олимп.

И что же здесь, кого я вижу?
Сияющий, как под венец,
меня к себе зовет поближе
Сергей Васильич Голынец.

Оптимистичная натура
сосудом допинга меж нас,
и вроде нимба шевелюра
так благородит сей анфас.

Конечно, будь я Брусиловский
или Волович, наконец,
я подошел бы философски
к тому, чье имя Голынец.

Увы, всего пиит банкетный,
и в мыслях и в словах я прост.
Но — хватит рассуждать об этом —
за именинника мой тост!

30 апреля 2009

Галине Владимировне Голынец

Случай

На избрание в член-коры Академии художеств

Шел я ныне близ столовой,
чую, варят холодец:
— Для кого? — бросаю слово.
— Кушать будет Голынец.

— А почто такая фора? —
мой вопрос — ну как укор.
— А мы варим для член-кора:
Голынец теперь член-кор.

— Коль есть дверь, — кажу я норов, —
то зачем же лезть в окно:
Голынец-то был в член-корах
не припомню как давно!

— Нет, не правы вы, мужчина,
тут поправочка нужна:
счас в член-корах и Галина,
Голынца тово жена.

Лобик свой тогда наморщил
я и прочь засеменял.
До чего ж стал ныне мощным
коллектив одной семьи!

Но итожу разговоры —
не поднять нельзя стакан,
где к бывлой опять член-корость:
за такой двучленный клан!

Декабрь 2009

На смерть ЕТС (единой тарифной сетки)

Эпитафия

Расстаются с листочками ветки,
осень бродит по нашим дворам.
У тарифной, товарищи, сетки,
неизбежен могильный вигвам.

ЕТС нам годами служила,
мы уже приспособились к ней,
И хотя с ней немало тужили,
дотянули до нынешних дней.

А зачем дотянули — не ясно,
хоть Рогожин и вымолвил речь:
скоро будет, сказал, все прекрасно,
из УрГУ не захочется бечь.

Пусть в иных платят вузах и больше,
Но прекрасный у нас контингент
и от Владивостока до Польши
лучше нас ППСовцев* нет.

И пока наше зданье — не хоспис
и зовется покуда ликбез,
вы поставьте, товарищи, роспись,
что согласны на смерть ЕТС.

Осень 2008

Льву Абрамовичу Заксу

Закцизное

Мне с утра понадобилась вакса,
чтобы стать приличней и бассей:
ведь прием на кафедре у Закса —
Лев Абрамыч правит юбилей.

* ППС (бухгалтерское) — профессорско-преподавательский состав.

Пусть у нас природа ныне плакса,
снег уже сошел со всех полей:
знать, природа чувствует, что у Закса
день рождения. Больше — юбилей!

Жизнь у нас в отечестве не сказка,
но иные страны пожалей:
лишь в России, зная Закса,
прибежишь к нему на юбилей!

Не обрызжет Лёву, знаю, клякса,
не пристанет никакой репей —
эта репутация у Закса
помогает встретить юбилей.

Ценят всё теперь в рублях и баксах,
но не хватит баксов и рублей,
чтоб купить расположение Закса —
нет в округе критика честней.

Шлет порою нас Господь по факсу —
так оно доходчивей, скорей.
Только это не относится всё к Заксу —
Леве шлет Господь один елей.

Мне сейчас какой исполнить аксель,
чтобы был и «Фауста» сильней,
воспевая совершенства в Заксе,
донесенные до наших дней?

В детстве, жаль, не брал уроков сакса —
я не Клинтон, не Лозовский, ей,
а не то б во славу Левы Закса
что-нибудь сыграл на юбилей.

Жизнь порою требует релакса —
и в кругу своих коллег, друзей
(нас хватает издавна у Закса...)
происходит этот юбилей.

У банкетного поэта вечно такса:
прочитать стишата — и налей.
Так за Льва Абрамовича Закса
призываю выпить всех гостей!

Апрель 2009

Александру Александровичу Старикову

Архиважное

Во глубине кунгурских руд
после большой Победы вскоре
Сан Саныч появился тут
с искрою божией во взоре.

Пора настала — и малец,
почувствовав свою натуру,
сказал себе: — Будь молодец
и покоряй архитектуру.

С тех пор минуло много лет,
Влюбился в Старикова город,
поскольку этот, прежде шкет,
всем показал талант и норов.

Любимец самых разных Муз
и вуза несравненный ректор,
таща, какой бы ни был, груз,
всегда свой точно держит вектор.

Совет, комиссия, доклад,
командировка, пленум, форум,
студенты, рукопись в «Сократ»... —
Сан Саныч даст любому фору!

Такой энтузиазм и дар
любому делу помогает,
коль в сердце комсомольский жар
и в шестьдесят вовсю пылает.

И понимаешь в юбилей,
под Вашим стоя пьедесталом:
побольше бы таких людей!
Но коль Вы есть — уже немало!

2008

Январская валентинка

В. Живаевой

Шел к финишу XX век,
волнуя людям душу.
Шел по дороге человек,
похожий на Валюшу.

Он шел путем тридцатый год —
не мало и не много,
собой радуя народ,
что той же брел дорогой.

Особу радость докторам
Валюша доставляла:
ученый люд мчал по утрам
у сердца с формуляром

в Белинку, к знаниям, сюда —
к прекрасной Валентине,
и я б сказал: ну как беда,
коль зал — на карантине.

И пусть всего лишь в месяц раз
сюда нас не впускали —
о, как страдали в этот час
кто ждали встречи с Валец!

Но открывался снова зал,
скрипели стульев спинки...
Читатель здешний Валю звал
былинкою Белинки.

Прожив на свете тридцать лет —
и все на радость людям,
нам Валя дарит свой привет.
О, молодость, ты — чудо!

Полна загадок и трезва,
в том взоре мы — пропали...
Мои беспомощны слова
перед явлением Вали.

Но верю: далее живя,
как и досель, активно,
ты, биографию творя,
пребудешь в форме дивной.

Ведь кто родился в год Козы,
причем в обличьи Евы,
тот из колоды туз козы-
рный снял рукою левой.

И всем, кто не сторонний здесь,
ты ублажаешь душу —
и, коль в бокалах что-то есть,
то выпьем: за Валюшу!

Январь 1997

Як-45

Е. Якубовской

Мы в честь кого сегодня тут?
Кто вырвал нас из буден плена?
Скажите, как ее зовут?
Ее зовут Елена.

Родитель поступил на «гут!»,
что выстругал не из полена
ту, чьи глаза к себе зовут, —
ее зовут Елена.

Чей взор опасен, как мазут
вблизи ацетилена
и от кого пожара ждут?
Ее зовут Елена.

Господь порой как баламут
(уж если откровенно),
но страсть кому вдохнул он в грудь?
Ее зовут Елена.

Когда повсюду лгун и плут
и петросянит сцена,
кто не забыл про абсолют?
Ее зовут Елена.

Кто тащит столько дел хомут —
аж на помаде пена?
Осилит кто Сизифов труд?
Ее зовут Елена.

Чьи ножки, как часы, идут,
когда зовет арена?
Кого в УрГУ читают, чтут?
Ее зовут Елена.

«Москвич» и «Волга» ей не йдут —
а вот близ «Ситроена»
кто был бы нужный атрибут?
Ее зовут Елена.

Другие пусть лета сочтут,
а мы пред нею на колена.
Пред кем мы упадаем тут?
Ее зовут Елена.

Пускай года и впредь бегут —
изящна, как антенна,
кто остается вне минут?
Ее зовут Елена.

И если полн в руке сосуд,
то все, кто в этих стенах,
кому «Виват!» произнесут?
Ее зовут Елена.

25 октября 2006

Банкирное

*Юрию Владимировичу Яценко,
директору издательства
«Банк культурной информации»*

Утро начинается с рассвета,
дважды два едва ли будет пять —
вы, наверно, знаете об этом,
но порой не грех напоминать.

Даже если был бы я доцентом
(а доцентом, помнится, я был),
что тут день рождения Яценко,
и тогда бы, точно, не забыл.
Дата эта в БКИшном стане
всех ввергает в трепетный кураж
и блаженствуем мы вместе с Таней:
подрастает, глянь-ка, Юрий наш!
Ты расти — на благо всей культуры
и, конечно, сердцем не старей.
Впрочем, это трудно: ведь у Юры
столько замечательных друзей.
Кое-кто при этом, правда, пишет,
и, в приемной видя эту рать,
Юра не проходит мимо нищих,
но ведь всю Россию не издать...
Без апломба, суеты и спеси,
но всегда с улыбкой и душой,
радуя собой Урала веси,
Юра здесь — и это хорошо.
Дли и впредь работу и досуги,
а недуги всякие — гони.
Так поднимем же за Юру, други:
чтоб и впредь ты радовал нам дни!

18 августа

Международное

Р. С. к одному симпозиуму

Х. Гоццило

Мы маем африкански жарким
тянули знания хомут.
Витала рифма в зоопарке —
не понимал я, почему.

Доклады были — как подарки
науке, ВАКу, лично всем,
но рифма, рифма в зоопарке
витала среди всех проблем.

Обмен идеями шел яркий
с коллегами из США,
и я забыл о *зоопарке* —
и вдруг — как ледяной ушат:

как электрод в электросварке,
Хелена вспыхнула в момент,
и прозвучало: — В *зоопарке*
я не останусь этим, нет!

И дверью хлопнула. При Марке!
(И прочий был приличный люд...)
Уж если э т о — «в *зоопарке*»,
каков же там у н и х уют?!

Я не поеду в Питсбург в гости —
мне, право, как-то недосуг,
а то обглоданные кости
вернутся от таких подруг.

Мы жили в радостной запарке,
симпозиум благодаря.
Витала рифма в *зоопарке*,
а рифмы не витают зря.

Скудны в России зоопарки:
кто в них бывал — поверит мне.
Зато какие экземпляры
в иной встречаются стране!

Май 1995

Музею Мамина-Сибиряка

Меня произность пригласили —
и будет таким этот тост:
Урал — это сердце России,
а сердце Урала — Свердловск.

Вам логика строчек понятна? —
спрошу я пришедших друзей.
Конечно, понятна. И даже приятно:
ведь сердце Свердловска — музей!

Тот самый, что здесь, на Соборной,
где Мамин, пусть редко, бывал,
зато регулярно в котором
ученейший люд заседал.

К груди прижимая нарциссы,
проворный во всем мужичок —
сам лично Димитрий Наркисыч
жил, кажется, наискосок.

Не будем касаться натуры —
здесь нас не волнует амур,
по части же литературы
в музее — полнейший ажур!

«Где место работы у Мити?
Евойный где письменный стол?»
«А деньги, где взял, извините,
на кои сей дом приобрел?..»

Страны любопытство понятно —
народ интересный у нас,
но если на солнце есть пятна,
они ж не бросаются в глаз.

Не прихоть совсем ротозея
и не чиновничья спесь
законное место музея
назначили именно здесь!

Четыре у входа ступени
(пусть Мамин на них не ступал...),
а там — с колокольчиком сени,
а там — экспозиции зал.

На стенках — в витринах картинки
не в тлен нас ввергают, а в плен —
уже экскурсантом тропинки
протоптаны вдоль этих стен.

Дом этот, все знают, уютен,
в нем даже в морозы тепло:
тому объяснение — люди,
на души музею везло.

Везло, и везение ныне
такой коллектив единит.
Уверенно, но без гордыни
работает местный синклит.

Не зря говорится в народе —
я лично такое слышал:
музей словно хрен в огороде —
разросся на целый квартал!

(При слове *квартал* — мы не дети —
мне вспомнился вдруг Амстердам,
где в красном таком же вот свете
я видел в витринах мадам...

И здесь кое-кто соблазняли
нас талией и остальным —
в невинном, казалось бы, зале
раскручен был я на калым!)

Поскольку у вас день рожденья
и если налито у всех,
зову я поднять население
за этот музейный успех!

Май 2009

Еще маминское

Уральцы мы, и, значит, Мамин
нам, здесь живущим, праотец.
И джентльмены все и дамы,
подобно множеству овец,
собравшись ныне в этом зале,
признались в кровном том родстве —
о том докладчики сказали
на скромном нашем торжестве.
Но что бы нам сказал писатель,
который Мамин-Сибиряк?
Он бы изрек: — А может, хватит
меня тут поднимать, как флаг:
не Пушкин я, не Достоевский,

не Лев Толстой и не Бажов
и на английский и немецкий
моих не переводят слов.
А сколько слов перевели вы,
мне созида я pedestal!
Народ зело стал говорливый,
но не такой я все ж нахал,
чтоб краевым глядеть героем
и терзать довольно ус,
и буржуазным вашим строем
я, будьте в курсе, не горжусь.
Я жить хотел миллионом жизней,
как патриот и демократ —
а здесь меня все, как на тризне,
обмазать медом норовят.
Я умоляю вас; прозрейте
и, как тверезый ум велит,
стаканчик в честь меня налейте —
то больше душу веселит!
...Хороший все ж писатель Мамин,
и, раз ему сто пятьдесят,
по сто пейсят нам гены с вами
сегодня тут принять велят!

2002

Музеем Ф. М. Решетникова

Где правда жизни, там поэзия.

Аксиома

Речений требует обедня.
Ну что же, расскажу стишок.
В такой же день родился Федя,
простой уральский паренек.

Случилось это в позапрошлом
столетие — помню, как вчера.
Уральский край казался пошлым —
провинциальная дыра.

Таков Рифейских гор феномен
или, быть может, феномен:
в краю, где было столько домен,
брала всех поселковость в плен.

Коллежский кто ассессор редко
между людьми встречался тут,
зато махрой все пахли, редькой
и каждый был в натуре плут.

Тут были в редкость тротуары,
тут всяк столоначальник пьян,
тут только глаз сияли фары,
тут не слыхали фортепьян.

И в этом крае оный хлопец
в уме и росте прибавлял
и из себя нутро холопые
по чайной ложке выдавлял.

А грамоту когда освоил,
себя художником взомнил —
их на Урале было двое:
еще Наркисович строчил.

Тогда писательство почетной
считалось службою у нас,
и хоть писал он тяготно,
зато всю правду без прикрас.

Пусть притеснял его Некрасов,
но все ж, изрядно пошерстив,
полсотни доставал из кассы,
поддерживая литактив.

Он бурлаков воспел и прочих
всех тех, кто в лямке жизнь тянул,
он мог писать чуть-чуть короче,
но я читал — и не уснул.

Среди российского навоза
всяк грамотей — почти как Дант,
и та бесхитростная проза
блестит — ну ровно диамант.

За это земляки-потомки
воздали Федору с лихвой
и аж музейные постройки
ему ссудили меж собой.

И тут, музейных средь реликвий,
всяк разумеет: Федя тот
достоит нынешних религий,
хотя и видом — обормот.

Но вид, мы ведаем, обманчив,
и здесь не Рим, чтоб профиль зреть,
и тот провинциальный мальчик
сумел строкой оспорить смерть.

Когда листва сияет медью
победно по России всей,
я поднимаю тост: за Федю
и за музей его друзей!

Сентябрь 2001

Спустя пять лет

Уважаемый Федор Мыхалыч!
В этот славный и солнечный день
здесь сегодня совсем не нахалы
тень бросают на Феди плетень

Этот тын позапрошлого века
был сколочен и накрепко врыт:
нет, пожалуй, окрест человека,
кто бы был ну как вы знаменит.

Знают вас в африканских пампасах,
средь индийских коров и слонов —
не как шулера и ловеласа,
а как мастера всяческих слов.

Вы из слов составляли тех книги —
и о них полагается знать.
Их читать — в общем, словно вериги
добровольно и долго таскать.

Вы не дока по части сюжета
и, признаться, не лучший стилист,
но — давно позабыли об этом
и профан, и специалист.

Их читать не желательно на ночь,
ваших книг — если все ж их читать,
но при имени *Федор Михалыч*
всякий мозг начинает дрожать.

И сравнить вас в отечестве не с кем:
скажем, тезка уральский... Но он,
тот Решетников, и Достоевский —
это словно как моська и слон.

Но поскольку мы ныне в Свердловске,
патриотские чувства сильны:
все же выпьем за Федьку, за тезку —
моськи пусть не слоны, а нужны!

2006

Музею Степана Щипачева (Богданович)

Снова все идет ладом,
снова время ни при чем нам —
так заманивает Дом
Щипачева.

Столько прелести кругом —
чувства не находят слова,
а всему причиной — Дом
Щипачева.

Не вместишь реальность в том,
но, напишешь копь толково,
то своим признает Дом
Щипачева.

В тех стихах, что создаем,
есть зерно, а есть полова,
ну, а мельницею — Дом
Щипачева.

Жизнь берет нас на излом,
но когда душе хреново,
вспомни: есть на свете Дом
Щипачева.

Заманиху если пьем,
значит, в сердце горячо нам —
так пора поднять за Дом
Щипачева!

6 августа 2006

К вопросу о Пермском чуде Реплика на международном форуме «Пермь — культурная столица Европы»

Лошади едят овес. Кама впадает в Каспий.
Кунгур — первый город Европы.
Тривиальное

Ставить этот вопрос не просили,
но девиз мой: не знаешь — узнай.
Пермский край — середина России,
но чего же тогда это *край*?!

Вопрошает мой жизненный опыт,
а он знанью любому — венец:
Пермский край — это финиш Европы
или Азии русской конец?

Уточнять, тем не мене, не будем,
хоть и знаем, стоит где Кунгур, —
поведем сказ о Пермском мы чуде:
здесь культурный обещан ажур!

Будет ездить народ не в Парижи,
не в Афины, не в Рим, не в Милан —
Пермь, друзья, россиянину ближе,
а Кунгур — если вглубь — как Монблан!

Пермь, конечно, она за Уралом
(из Пекина когда поглядим),
и Мильграм здесь содеял немало
вместе с теми, кто думает с ним.

И любой согласится здесь Ваня:
есть театры, музеи в Перми,
стадион есть — все дело за баней!
А без бани все лопнет, пойми.

Коль конкретно назначены даты,
то нельзя отказаться теперь,
ведь Европа воюет и Штаты,
чьей столицей окажется Пермь.

Если смысл ныне в мире потерян,
пермякам шанс его отыскать,
и пускай в это кто-то не верит,
но без веры в России — тоска.

Пермский вирус ужасно заразен —
зачихавших растет коллектив,
но амбиции если в экстазе,
неизбежен тогда креатив!

Коль с культурой в единстве начальство,
это край обещает поднять.
За культурное это нахальство
предлагаю по полной принять!

27 февраля 2010

Аргумент

Герценке

Библиотека не аптека,
и, тем не менее, она
для организма человека
категорически нужна.
Помимо дырочки для клизмы —
уж так устроен индивид —
есть мозг в нормальном организме,
распознающий алфавит.
И буквы те у человека
питают то, что есть душа.
Вот почему библиотека
категорически нужна.

ЗАЩИТНЫЕ ГРАФФИТИ

Когда скучаю на защите,
я графоманю. Не взыщите.

Одическая элегия

Вся власть — Совету!
Позунг от 25 октября 2005 г.

Сокровища, заложенные в чувства,
Я берегу для творческих минут...
В. Брюсов

Посередине сей недели
я вынужден наморщить лоб.
Совет наш славный неужели
уж двадцать лет мытарит, чтоб

в трущобы, города и степи
текли довольные отсель,
искомую обретши степень,
и тьмы, и тьмы? А где отсев?!

Хотя взыскательны мы, будто
любой из нас — налоговый,
но, нетто сопоставив с брутто,
гуманность нашу я постиг.

Сильней одухтворяет память
бег времени, чем рельсов бег:
и я участвовал в сей драме,
хоть я, скорей всего, не грек.

Когда-то был и я Литовской.
Сидели мы тогда, где герб
в затылок метить мог нам лоском
иль лаком, словно ветви верб.

Но герб тогда еще на стенке,
насколько помню, не висел.
Сначала мы науки пенки
снимали. Сняли. Но не все.

Процесс. однако, затянулся.
Менялся строй, менялась власть.
Но наш Совет не сбился с курса,
вкушая от науки сласть.

От сласти пользы — преизбыток,
но стоматологи твердят,
что тот, кто к шоколаду прыток,
вкушает вместе с медом яд.

Но мы — привиты. Нам привычно
упорно грызть гранит наук,
при этом выглядеть прилично,
хоть и Платон здесь многим друг.

Вереща сорокой радостной,
всех зову к сорокаградусной:
чтоб и через сорок лет
этот славный жил Совет!

Октябрь 2005

Банкетный свертхтекст

О. В. Пушкаревой

*(КД «Модальность странного: взгляд сквозь
призму авторского сознания А. С. Пушкина»)*

Люблю банкеты я, но странною любовью,
поскольку лично знаете вы ведь,
что требуется следовать условию:
перед банкетом на защите посидеть.

Конечно, это странность, коей Пушкин
не мог предвидеть, хоть и был пророк...
Ах, если б сразу нам наполнить кружки,
ах, если бы сразу пирога кусок!
Но не позволит нам эпикурейства
суровый Блажес. Прежде всех пиров
и прежде долгожданного блаженства
кто диссертант — к защите будь готов.
Тебя вопросами зело измучат,
что станешь, как зеленое сукно,
а сами будут с выраженьем скучным
в момент ответа изучать окно.
Достанут из гербария поэта
очередной засушенный «Цветок»,
допытываясь въедливо при этом,
какую странность автор скрыть в нем мог.
Иль станут дегустировать лексемы
на слог, на вкус, на цвет и на объем,
зачем-то выбивая из поэмы
ответ «Что в имени тебе моем?»
Какой-то в этом привкус феодальный
и мнятся инквизиции костры —
здесь оператор внес бы я модальный,
но не внесу покуда до поры.
Не надо негативных коннотаций,
ведь я сегодня здесь не оппонент:
мне смысла с Олей нет перепираться,
но все ж один бы уточнил момент.
Бывают очень странные сближенья,
когда блюдут четырнадцатый пункт,
и полон я, друзья, недоумения —
его хочу сейчас развеять тут.
Поэт поет стихи, как птичка песни,
а грешным нам те песни осмыслять.
не странно ли волшебное с чудесным,
сведя вначале, после разделять?
Ах, если б Пушкин вдруг воскреснул,
взять интервью могли б мы у него!..
Защита позади — и то чудесно!
И разве это *позади* не волшебство?
Поскольку в наших рюмочках налито
и я поскольку занял этот пост —
давайте *остранним* защиту

той процедурой, где не странен тост.
Свое я тостом завершаю слово —
в нем странность сохраняется одна:
где Пушкин — там и Пушкарева.
Не странно ли?

За странность ту — до дна!

28 января 1998

Игра судьбы

*Е. Е. Приказчиковой
(ДД «Культурные мифы и утопии
в мемуаристике русского Просвещения»)*

Кипит отвагой девы грудь...

А. Глебов, 1840

На Кавказе тучи ходят хмуро,
русский мир коррупцией объят,
лишь кавалерист-девица Дуров
для мужчин пример собой являют.
Он творит собой пространство мифа,
машет, словно сабелькой, пером,
шире плеч его окружность лифа —
не Вольтер он, даже не Дидро.
Каждый пишет, как, каналья, дышит,
всяк культурологию творит —
счастья в тексте Дуров тот не ищет —
не от счастья Дуров в текст бежит.
Как чеченец, в жажде автономий
с телом вечно конфликтует дух —
жизнь полна все время антиномий:
Боливар снести не может двух.
Ну, а как снести трех оппонентов —
каждый диссертацию прочел
и сумел в букетах комплиментов
спрятать жала чуть не улья пчел.
Столько эрудиции и тщанья —
вот пример сотрудникам УГРО:
столь узреть при свете Просвещения —
а тогда не знали ГОЭЛРО!

Далеки от благодати картины,
кои оппоненты принесли:
если б жили в дни Екатерины —
точно бы на цифры перешли!
Слово к слову, словно буква к букве, —
множатся страницы и тома:
пусть не моде щас жабо и букли,
но реально горе от ума.
Было органично в ту эпоху
много и писать и говорить:
словоизвержение — это похоть:
кто речистый, то и фаворит.
Церемоний разных век и жестов —
я вернул бы кой-кого туда,
где, преобразуя бабскость в женскость,
материал копился для труда.
Для труда, для коего Елена
не жалела времени и роц —
каждый, кто его чёл упоенно,
сразу стал на пару фунтов тощ.
Вновь, прошу, на книгу ту взгляните —
на обложке это чей портрет:
Катерины, бабы знаменитой,
иль Елены П. во цвете лет?!
Трудно с царь-девицею тягаться —
столько слов и прочего у ней!
И могу (не Дуров я...) признаться:
мой словарь (и прочее...) скудней.
Потому, итожа эту оду,
я, не экстенсивный человек,
здесь перехожу, друзья, на коду:
выпьем, братцы, за галантный век!

21 апреля 2010

Повесть о нетрезвеннике

Народное нечто

О. Н. Фокиной

(ДД «Эволюция древнерусского четьего сборника
(«Повесть о бражнике») как народной книги...»)

Аз есмь бражник, пиюще всегда, рано и поздно...

Повесть о бражнике

Комичный жанр, конечно, низмен,
но на дворе — постмодернизм,
не молвить ли нам о комизме
в несолнечные эти дни?
Былое нас влечет и дразнит
своей похожестью на нас:
издревле на Руси всяк — бражник:
мы брагу любим, а не квас.
Мы все грешить зело горазды,
ведь жизнь земная — это грех:
мы любим карнавал и праздник,
угар пленительных утех.
Пусть жизнь скользает к катастрофе,
ждут апокалипсис, потоп,
но... говорит нам Мефистофель:

— Ребята, это же — потом.
Вы преждевременно дрожите,
себя вообразив в котлах:
осведомлен, мол, Вседержитель
о всех у каждого грехах.
Хотя живем в век информации,
но вряд ли знает все Господь:
здесь столько фракций, акций, наций —
грешит у всех душа и плоть.
И, джентльмены и мамзели,
подумайте, друзья: в аду
пять миллиардов неужели
вместятся на сковороду?
Какой должна быть (разум, вникни!)
гигантскую сковорода —
не выплавит «Норильский никель»
металла столько никогда!

Забудьте эти кривотолки,
что будто грешным будет ад —
а не меня, так хоть бы Ольгу,
послушайте ее доклад.

Умолк сей ритор преисподни,
передавая микрофон
прелестной даме, что сегодня
здесь убедительней, чем он.
Да, появилась пусть недавно
здесь этот славный человек,
но спаивает Николавна
с бывлым решительно наш век.
Прошу глагол осмыслить точно:
спаять не значит, что — *споить*, —
и оппонентов тройка очно
смогла нюансы оттенить.
Не зря они сюда примчали
из дальних на защиту мест:
не чтоб работу измочалить —
чтоб мысли оценить замес!
Всего четыре (!) текст странички —
и целый диссер возведен,
при этом диссер-то приличный —
о связи нравов и времен.
В России Веня Ерофеев
во всяком веке, знамо, есть —
и Ольга потому трофеи
и обрела сегодня здесь.
Всяк на Руси живущий — бражник
среди и женщин, и мужчин,
вот почему тут ныне праздник,
и предлагаю я почин
успех О. Фокиной отметить
с бокалом совмещеньем губ:
как славно жить на этом свете!
(Про тот — пока что не могу...)

30 июня 2009

Опыт банкетной поэзии

И. В. Козлову
(КД «Книга стихов Э. Глинки
«Опыты священной поэзии»)

Дождик что-то под сурдинку
напевает третий день,
размывая всюду глинку
среднерусских деревень.
Но, поскольку не в селе мы,
а почти среди столиц,
закожные проблемы,
как сомнительных девиц,
мы оставим здесь вне текста,
ну, а в текст Илью введем.
Хоть Илья — другого теста,
в наш порой заходит дом.
А при этом — видно, ночью —
вперив в русские псалмы
томны очи очень прочно,
удоволены чтоб мы,
постигал Илья молитвы,
кои сочинял масон.
Наточив острее бритву
(чтоб страдал поменьше он),
оппонентка тетя Света
(изначально — гуманист)
предъявила хлопцу смету,
в чем он чист, а чем — речист.
Хоть Илье урок риторик
был бы, кажется, к чему,
но в совете каждый Йорик
поклоняется уму.
Ну, а ум был нам предъявлен,
как и отзывов гора —
никого судить не вправе,
я осилил их с утра.
Очень кажется мне странным:
отчего их просто тьма?
Кто открыл такие краны?
Кто поет Илье псалма?

Детище отца Володи,
даже в галстук, в очках,
человек ты светский вроде —
а глаголишь как монах!
Оппонентов я послушал,
их эмоциям я внял —
до чего высоко души
возлетают близ меня!
Вот настроена чья арфа
на небесный звук. А я —
словно при дворянке Марфа,
Муза жметесь здесь моя.
Я про Глинку раньше слышал,
слушал «Жизнью за царя»,
но под этой ныне крышей
та, что развернулась, пря
просветила: Глинок — много
на суглинистой земле!
...Я прочел слова «Пролога»
и готов и дальше млеть,
но — сегодня искрометность
мне убавил что-то бес
и охота всем компота
среди нахмуренных небес.
Я бы вылезть мог из кожи,
но, хороших друг манер,
все, что подсказал мне Боже,
как масон-визионер
оглашать сейчас не буду.
Продолжаем дальше жить.
Предлагаю взять посуду:
за Илюшу — осушить!

3 июля 2008

Леди Поздина Челябинского уезда

*И. В. Поздиной
(КД «Повести Н. С. Лескова в аспекте
мифопоэтики и народной культуры»)*

Девка у лесу жнет, нагибается...
Фольклорное

Сколь сложен русский человек!
А уж женщина!..
С. И. Ермоленко

Пиша трагедии и оды,
я позабыл совсем лубок.
Казалось, вышел он из моды,
но вот сгодился он, лубок!

Жила в Челябинске Ирина
(Челябинск — это за углом),
при этом — чем ценна картина —
жила и с чувством и умом.
Она Лескова прочитала
и возгласила: это миф!
И к Тане Марковой помчала —
открылся кооператив!

Лесков весьма приятен с виду,
но зрят филологи в нутро —
и в том они дотошней МИДа,
не говоря уж об УГРО.
И что ж уразумел в итоге
тех дам челябинских дуэт?
Горшки не обжигают боги —
им до посуды дела нет.
Мы делаем горшки из глины:
копни лопатой — и ваяй!
Лесков в писаниях Ирины
предстал ну как Тяни-Толкай.
Писатель всяк душой отважен:
пусть без нагана и погон,
порой такую правду скажет,
о коей и не думал он.

Все знают, как коварны леди,
хоть вид обычно их хорош:
в непринужденнейшей беседе
достанут вдруг из юбок нож.
Не жалко мужа им и брата —
для них мы все — как матерьял:
кто в ванне погубил Марата
и кто по Ленину стрелял?!
Я помню, что читал про Катьку
(не ту, о коей плакал Блок,
а ту, которой женский фактор
супруга извести помог),
и вот о чем, читая, думал,
внимая логике строки:
за что мужик у Катки умер?!
Как беззащитны мужики!
Не сразу это смог понять я,
но мне Лесков помог понять:
коль баба распахнет объятия,
готовься на кладбище лежать!
Такая вот, дружок, раскладка,
тут, как ни бейся, ни крутись,
но коль с подружкой было сладко —
на яд в бокале не дивись.
Такие вот у женщин хобби,
категоричны их мозги,
и что придет в изящный лобик —
понять, мужчина, не моги!
Пусть дамам дьявол и любезен,
в уме не всякой отказать:
такие в женщине есть бездны,
что мне словами не сказать!
Мужик в душе самонадеян —
что ныне я, что встарь Лесков...
Но — взглянешь исподволь на деву —
и все, дружок, считай годов!

Про дам готов я бесконечно,
но коль уже готов вигвам,
я предлагаю тост сердечный:
за дам!

11 февраля 2009

Несогласное

*М. Л. Скобелевой
(КД «Комические жанры
в лирике М. Ю. Лермонтова»)*

Он, мятежный, просит бури,
Дышит гневом и тоской,
В нашей, блин, литературе
Он всего один такой.

И. Иртеньев

Когда коллапс на горизонте
да и в политике мороз,
сидим мы здесь, гуру и зомби,
не слишком ли, друзья, всерьез?
Я понимаю, неудобно,
но, тем не менее, скажу:
мой стих всегда с улыбкой доброй
в любом гуляет этажу.
Пусть автор виршам и не ровня,
но я, поверьте, не злодей,
и, коль послышится злословье, —
влиянье в том текущих дней.
Когда в подобной атмосфере
живешь уже который год,
иронию свою умерить
едва ль способен наш народ.
Так вот, свои лелея вирши,
как прирожденный графоман,
узнать пришел о смехе Миши
я, как библейский тот Фома.
Ужель Мишель умел смеяться:
на мир смотрел он свысока,
хоть было трудно то, признаться,
без вот такого каблука.
Но мне Мария объяснила:
«Совсем не клоун сей поэт.
В его стихи внедряясь без мыла,
я поняла: там горний свет.
И в свете том есть луч комизма,
чего б Бергсон ни говорил.
А вам, Турбин и Гинзбург, клизма —

всяк, знать не ведал, что творил.
Сложны стихов ингредиенты,
но весел, весел мой поэт,
признали что и оппоненты,
верша свой речевой балет».
Но я, будь членом здесь совета,
восторг бы все-таки сдержал,
поскольку я читал поэта
и не смеялся и не ржал.
М. Ю. — совсем не В. Вишневский,
не К. Прутков, не Губерман...
Мне здесь найти согласие не с кем:
среди белых — черный я баран.
Но нету в том ошибки жуткой:
нужны бараны всех пород.
Совет, вас всех с удачной шуткой!
Тьем за комичный сей экспромт!

25 июня 2009, УргТТУ

Блок ада

И. А. Берендеевой
(КД «Теория и практика жизнетворчества
А. Блока — на материале писем
к Л. Д. Менделеевой и А. Белому»)

Она сидела на полу
И груду писем разбирала...
Ф. Тютчев

Но верю — не пройдет бесследно
Все, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл.
А. Блок

Жил юный Блок — в кудрях Сашура,
эстет, романтик и поэт.
Он был женатым, но — де-юре,
а коль де-факто — вроде нет.

И говорил ему коллега,
Андреем Белым что звался:
— Ты, Сашка, знаю, не калека,
а с Любой — что за чудеса?

Тебе помочь? Могу — по дружбе,
и вообще помочь готов.
А коль ты сердцем занедужил,
так в этом польза для стихов!

Но Александр вскипел отчасти
и тут же взялся за перо:
— Пусть в этой жизни мало счастья,
я не какой-то вам Пьеро!

И Люба, нет, не Коломбина,
И ты, Борис, не Арлекин,
ты брюки носишь, ты — мужчина,
я отвергаю твой почин!

Ты ж символист, чего ж конкретно
ты на рожон нахально прешь?
— Тебе признаюсь по секрету,
и правду не прими за ложь,

есть у меня на то причина,
чтоб провоцировать тебя:
ведь диссер сочинит Ирина,
поэта Блока возлюбя.

А ей писать о чем-то ж надо!
Собой пожертвuem давай.
Пусть будет грызть порой досада,
но жизнь ведь черствый каравай.

Тут Блок, хоть гуманистом не был,
стал письма пачками строчить,
чтоб Ира, их решая ребус,
теряла зрение в ночи.

Какой бы вышел перлюстратор —
Тобольск бы им гордиться мог!
Но мы живем в век демократов —
цензура ныне есть порок!

Не зря старался в письмах Саша —
он стал Ирине лучший друг.
И не смогло ученство наше
взять эту даму на испуг.

Читать чужие письма — глупо,
еще глупее — не читать.
А то, что пострадала Люба, —
так мужа надо ж выбирать!

Вот выбирала же Ирина,
писать про что и про кого —
за этот выбор есть причина
продолжить наше торжество!

27 апреля 2010, ТюмГУ

Г. Иванов. Из ненаписанного

Н. А. Кузнецовой
(КД «Творчество Георгия Иванова...»)

Да, я живу. Но что мне в том...
Г. И.

Может, это прозвучит занудно,
но поэт не властен над строкой.
В этой жизни помереть нетрудно,
но ведь не умрешь, увы, в другой.
Потому-то и спешить не надо
личные манатки собирать —
лучше для защитного доклада
завести заветную тетрадь.
Пусть не много неоткрытых истин —
не впадай от лирики в цинизм,
тренируйся говорить экзистен-
(черт его побрал бы!) циализм.
Легче жить кому-нибудь с надеждой
(с буквы малой, равно и с большой),
но для этого быть надобно невеждой,
а когда ученый ты душой,
что бы ни твердил иной Емеля

и какой ни напускал бы вид,
точно знаешь: нет в конце тоннеля
лампочки, которая горит.
Но и это, повторю, не повод
скрещивать ладошки на груди —
среди миллионов Ивановых
одного Иванова найди.
Он тебя, уж точно, не обманет:
нет фальшивых средь парижских нот,
а попутно кандидатом станет,
та, которая его поймет.
Так что не окажутся в убытке
ни поэт, ни умница его,
и в какой-нибудь, random, Магнитке
скромное устроят торжество.
И, венчая сей стишок короткий
на исходе века, года, дня,
за нее там, верно, выпьют водки —
за нее и, значит, за меня.

1999, Магнитогорск

Победителю еще одного заплыва

*Ю. В. Казарину
(ДД «Поэтический текст как уникальная
функционально-эстетическая система»)*

Может быть, у него не одна поэтика,
а несколько, в различные периоды, или, вернее,
минуты поэтического сознания?
О. Мандельштам. Заметки о Шенье

Он вовсе по виду не дачник —
скорей, укротитель коней —
листает, и — часто — удачно,
задачник словесных корней.

И в степень возводит искусства
уральский бесхитростный быт,
и прелесть невнятного чувства
в стихах его душу свербит.

Но смог сей мужчин постараться,
напряг безморщинистый лоб —
и строгой строкой диссертаций
Совет убедил, чтобы оп-

поненты взыскательный лепет
созвучно сложили в вердикт,
что лестная доктора степень
поэту не повредит.

Умножит количество рупий,
а, доктором став, сей чудак,
надеюсь, пиджак себе купит,
а может — для Нобеля? — фрак.

12 октября 2001

При свете звезд

Стихи, сочиненные днем во время бессонницы

Л. Н. Тихомировой
(КД ««Ночная» поэзия в русской
романтической традиции»)

Ночь! — за что мне любить
твой таинственный шум.
Освежит ли он знойную бездну души?
Я. Полонский

Пусть на земле ничто не вечно,
я скорбь обязан превозмочь:
еще, товарищи, не вечер
и уж, тем более, не ночь.
Пусть об ином твердят пииты —
от этих проку нет котят:
они ж хотят быть знамениты,
они ж понравиться хотят.
Их так обманчивы натуры
и так изломана душа:
слагают всякие ноктюрны,
а сами к полднику спешат!
Не ведом стыд, забыта совесть,
и пусть приятен вид порой,

они упадочны в основе —
лишь ловко шевелят пером.
Их совратительны стишата,
смущают православный люд:
ведь наша солнечна душа-то! —
стихам зачем ты веришь, Люд?
Любой поэт в душе калека
и в ночь зовет напевом строк,
а там, где ночь, итог — аптека,
что подтвердил прискорбно Блок.
Ужель тебя увлек коллега
на эту скользкую тропу?
Но под воздействием Олега
ломаешь ты свою судьбу!
Забыла, что ль, как вещий Пушкин
категорически изрек
слова, что всем внедрились в ушки:
«ВАК ныне собирает зловещий Олег»?
Да, ночью все цветные — серы,
пожалуй, прав бедняга Юнг.
При солнце ж терпкий запах серы
опасен всем, кто сердцем юн.
Ужель безумье посетило
тебя, в чем убедились здесь?
Взгляни на дневное светило —
оно за тучами, но есть!
Жизнь удивительна, однако,
и продолжает удивлять:
ведь можно съесть в стихах собаку,
а Гришковцом при том не стать!
Но ритуалы и вериги,
уральцы, к черту мы пошлем:
проспекты здесь пошире Риги,
но лучше тут прогулки днём.
Устал я от манифестаций,
но нужен форуму ажур:
есть польза и от этих акций,
но в чем та польза — не скажу.
Не всем видны дневные звезды,
но воду в ступе что толочь! —
Еще не ночь. И рюмки в воздух:
за защитившуюся дочь!

10 марта 2010

Прогулки близ Екатеринбурга

*Ю. В. Ключковой
(КД «Образ Екатеринбурга/Свердловска
в русской литературе»)*

*Свердловск — упорный град, однако...
А. Твардовский. Где-то в черновиках*

Если вы не садили березки,
их на розги нет права ломать.
Если вы не бывали в Свердловске,
в нем теперь вам и не побывать.
Впрочем, даже когда на Исети
родились вы лет столько назад,
мемуар вам об этом не светит —
ведь задымлены ваши глаза.
И поэтому если вам дули
выставляет злодейка судьба,
вам нужна диссертация Юли —
та, что нас усадила сюда.
Много сказано тут о Е-бурге —
он в вине предстает и в венце:
здесь у нас и поэты, и урки —
и в одном очень часто лице.
В этом горном гнезде столько птичек:
кто поет, кто плюет, кто — в полет.
Каждый в городе нашем кирпичик
взял писательством тем в оборот.
Петербургского текста здесь мало —
здесь душевней, чем в шуме столиц:
ведь и классик не Папин здесь — Мамин
и герой его — евразец.
И поэтому умный наш улей,
хоть в июле нестройно жужжал,
но за званье искомое Юли
несомненно поднимет бокал!

4 июля 2006

Платоновское

Н. В. Матвеевой

(КД «Драматургия А. Платонова:
«Шарманка». «14 Красных Избушек», «Ноев ковчег»)

...благодаря терпезу и мученью...

А. П.

Щедры дни мая на события,
ведь красный — что ни день — окрас.
Не успеваю, грешен, пить я —
за что? Поведаю сейчас.
За день рождения Снигиревой
(живая, как-никак , душа),
за инновации Попова
(от каковых — мигрень в ушах),
за Первомай, за День Победы
и за советскую печать,
за то, что некий Д. Медведев
сменил того, кто звал мочать
(или мочить — теперь вот мокрый
наш новоявленный премьер),
за то, что кудланули бокра
бокренки, показав пример
(хотя чего пример — не знаю,
а ведь Платонова читал) —
ну, словом повод для банзая
я не один здесь сосчитал.
А тут еще — уж извините —
что поздно прибежал я в зал, —
возникла новая защита:
кто член совета — тот пропал.
Вновь процедурная шарманка
своим изводит нас нытьем,
лежит защитная болванка —
ну кто осилит этот том?
Пожалуй, только оппоненты.
Да, может, автор — хоть на раз:
Платонова ингредиенты
постичь не каждый ведь горазд.
Пусть это будет моветоном,
но всяк пиит всегда нахал:

он однорук, Андрей Платонов —
все левой ручкой написал.
Такой художник, он, каналья,
берет любого на измор —
феноменальная Наталья
совету с ходу: «Nevermore!
Я никогда не разумею
тех, кто Платонову не друг...»
Цитату продолжать не смею,
а то помнится что-то вдруг.
Среди платоновских мотивов
мотив отсутствует питья,
но все, что кончилось счастливо,
привычно подытожу я.
А подытожить дело просто,
в избушке сидючи родной:
пьем за Наташу! С этим тостом
согласен кто, тот пьет со мной!

14 мая 2008

Сакральный текст

Ю. С. Подлубновой
(КД «Метажанры в русской литературе:
коммунистическая агиография и сказка-аллегория»)

Эпохи кризиса примета:
коль филологии народ
проблемы самых разных «мета-»
берут в научный оборот.
Таков, видать, в России климат
(понятно, речь не о дожде),
что здесь, под звездами такими,
метапроблем полно везде.
Задачу уяснивши, Юля,
все мысли соберя в кулак,
явила коммунизму дулю —
тот среагировал — никак.
Зато мгновенно оппоненты,
что прочитали юлин труд,
счет повели своим процентам:

ужо мы поживимся тут.
Не зря профессора Скалона
сюда направила Тюмень
(тут рифма просится: дракона —
ее задержим мы в уме).
Да и в родных, друзья, пенатах
специалисты тож живут:
товарищ Владислав Липатов
недаром восседает тут.
Как у любых на свете мафий,
в науке — свой санпропускник:
героем стать агиографий
порою легче. Гору книг
прочесть обязан соискатель,
и плюс руководитель есть:
он бочку хоть не часто катит,
но хлеб не хочет даром есть.
Полна конфликтных ситуаций
жизнь современная не зря,
но Юле не впервой стараться —
у ней поставлена ноздря.
И позади уже волненья:
Совет не скушал — ВАК не съест.
И здесь конец стихотворенья:
за Юлю мой сакральный текст!

3 июня 2005

Роковое представление

*Е. Чебыкиной
(КД о рок-поэзии)*

Мне сегодня, друзья, не до смеха,
пусть смеется — кто встанет в конце:
из Твери к нам никто не приехал,
не слышал Елены концерт.
До чего же упрямы тверские —
не ступили на местный порог:
что тверским этим слезы людские —
нам, уральцам, пусть будет урок.
Почему тут судачу про Тверь я —

ведь Елене роднее Курган?
А хочу отыскать в себе зверя,
чтоб наставить на зверя наган.
На Курган пистолет не наставишь —
тут Васильев возникнет, пунцов,
ну, а Игоря если завалишь,
то заменит его Багрецов.
Мы живем среди всяческих мафий:
Питер ныне во власть угодил,
а у нас, на родимом филфаке,
заправлял всем открыто — Тагил.
И декан наш оттуль, и Зашихин,
и Данилов Тагилом крещен —
но иное, товарищи, лихо
наступает с недавних времен.
Просмотрели мы с вами, редиски,
да и я близорук, как турнепс:
а курганские круче тагильских
и не ведает жалости плебс.
Если что — они сразу стреляют,
где тагильские грели уют,
и собаки в Кургане не лают,
а на горло прыжок — и каюк!
Сколь решительно, столь и жестоко
ставят точки — и без запятых,
потому-то проблемами рока
занялась кое-кто среди них.
Мы-то думали: это — гитары,
два аккорда и зрительский драйв,
оказалось же это кошмаром,
а курганским подобное — в кайф.
Прагматичны курганцы до пяток,
коль начнем от макушек обмер, —
ах, почто я не ведал догадок,
даром в детстве, что ль, был пионер!
Видел: вроде нормальные лица:
не сенатор всяк, не бизнесмен —
а без жалости, как кровопийцы,
из уральских все выжали вен.
И в соседней, скажу вам, Челябине
(оппонент здесь оттудова есть)
не нашлось, понимаете, ябед,
чтоб всю правду нам раньше донести!

Да и местный — солидный Алеша
(оппонент, что кусает пирог,
не роняя при этом и крошек) —
жаль, и он то, что мог бы, не смог...
Видно, рок — неизбывная сила,
с ним сравнится лишь водки стакан:
что ж, прожили мы все под Тагилом,
а теперь наша крыша — Курган.
Рассупонились ныне на крыше,
знать, изрядною стала мощна:
диссертации им ныне пишут
то Чебыкина, то Мошнина.
(Ситуация, уж извините, —
из российского лезет нутра:
ведь сегодня там властвует Питер,
где свердловские были вчера).
Знать, мы дожили до беспредела —
вот нас власть до чего довела:
Купина ли тут не доглядела
или Маша в Европах была?
Что же делать? Я вижу вопросы
в ваших честных, усталых глазах —
и мои шевелятся волосы,
но отчаянно сдаться нельзя.
Надо — что? Да купить им билеты
от Свердловска на город Курган
и промолвить «гуд бай!» им при этом
и поднять на дорожку стакан!

2008

Эпилог к Сервантесу

Т. Г. Артамоновой
(КД «Рецепция сюжета о Дон-Кихоте
в русской литературе»)

Давненько не читал я что-то
(хотя читать привычно мне)
исследований «Дон-Кихота»
в уральской славной стороне.

Мне «Тихий Дон» давно известен,
Донбасс, Сезар дон де Базан,
про Дон-Жуана грешны песни
из дальних тоже слышал стран —
и чтоб я вспомнил Дон-Кихота
(коль вышел в памяти изъян),
и сочинила тут работу
одна из окружных Татьян.
Мы не испанцы и не немцы:
хоть был когда-то я доцент,
но в жизни не слышал *рецепций* —
мне ведом с детства лишь *рецепт*.
Согласно трудовому КЗОТу,
достоин знать зав.кафедры,
что прописали Дон-Кихоту
в России литераторы.
С утра проблемами такими
я озаботился весьма,
хотя узнать все мог у Химич,
но Вера молвила сама,
что не читала «Дон-Кихота»
лет сорок или пятьдесят,
хотя и вспомнила чего-то —
профессора всегда чудят.
Я отношусь к коллегам нежно,
но истина — друзей важней,
и нужен резонанс мне внешний:
он объективней, ей-же-ей.
Вот, скажем, есть в Москве Гудкова:
она взыскательна, как я,
и пишет редко, но толково —
не верить ей, кажись, нельзя.
И что же слышу я сегодня:
в работе подлинный ажур
и Танин труд науку поднял
аж до седьмого этажу!
А что нам пишут из Ижевска,
где умных тоже я встречал?
А пишут, что народ там, дескать,
трудоу таких век не читал!
Стою я прочно на берцовых,
но чуть, признаюсь, не упал,
когда тут оппонент Дворцова

сооружала пьедестал!..
Ну, не бывает суп без соли,
а коль бывает — повар, вон!
И, к счастью, Турышевой Оли
услышал я изящный стон.
И да простит меня застолье,
Сервантес, Химич пусть простят,
но понял я как раз от Оли,
чего наш стоит провиант.
В Испании давно уж евро,
у нас — по-прежнему рубли.
Такое, безусловно, скверно,
но ведь Ламанчъ от нас вдали.
Пушок на каждом виден рыльце
(особо, коль очки надел),
но... я, копыя пусть без, но рыцарь
и не топчу родной надел.
Редки мы ныне, Дон-Кихоты,
так пусть хоть в книгах нас найдут.
На этой очень тонкой ноте
пора мне закругляться тут.
Ведь был уверен по весне я,
что осень к нам едва придет —
и Таня станет Дульсинея
(когда не рухнет небосвод).
Поскольку небо не упало,
Совет высокочтимый наш
не меч поднимет, а бокалы:
за Дон-Кихотский сей шалаш!

1 ноября 2006

Пряничное

*Р. Ш. Абельской
(КД «Поэтика Булата Окуджавы»)*

Когда помутнели мозги у державы,
нам самое время, друзья,
припомнить нехитрый мотив Окуджавы,
поскольку отчаиваться нельзя.

Нас мало, хотя населения много,
но хватит народ воспевать:
в тупик завела поклоненья дорога
всю королевскую рать.

За строчки газетные вы извините
(под градус не скажешь чего),
но, раз тут застолье, а вовсе не митинг,
свое пусть берет естество.

Привычно на стиль перейду я банкетный,
хоть «зеброй» пометить нельзя переход,
народ здесь собрался по виду приличный,
достойный героя защиты народ.

Но кто же герой? Коль помыслим мы здраво
(а мыслить иначе нельзя и приняв),
то всяк за столом назовет Окуджаву
и, разумеется, будет в том прав.

И с тем согласятся Ю. И. Минералов
и лично Якунцева Таня сама,
да и в Совете согласных немало —
а в нашем Совете так много ума!

А ум где в избытке — там будьте на страже:
у каждого умного есть свой вопрос —
и тут не поддаваться стихии мандража
не каждый способен, хоть будь и колосс.

А был диссертант не колоссом, а Раей,
и голос порой замирал, затухал:
когда мы в подобные игры играли,
тут трудно не дать пару раз петуха.

Но честно романс был защитный исполнен
и был ритуал до конца соблюден,
а ежели кто-то и был недоволен,
отложим те споры до лучших времен.

То время в России однажды наступит
(любая не вечно стоит вертикаль):
страна перестанет толочь воду в ступе —
всё будет. Нас только не будет, а жаль.

Но от печали сместимся к веселью,
поскольку посуду сжимаем в горсти
и повод: что пел Барабанщик весенний —
позволило Рае кой-что обрести.

Средь рот кандидатов (а, может, дивизий)
имеем редчайший, друзья, прецедент:
ведь наш кандидат — не филолог, а физик,
но лирик, конечно, в душе претендент.

Так в жизни целительна все-таки радость,
пусть пряников вновь не хватает на всех,
Но я надоел — и кончаю тираду:
поднимем, коллеги, за этот успех!

10 декабря 2003

О знаках, временах и людях

О. В. Ильиной
(КД «Речевое воплощение стереотипных представлений
о богатых и бедных в современных газетах»)

Живут Сергеевы бедно. Их доход
лишь 1344 рубля. В час. На каждого...
Из газет

Люблю лингвистов. Простодушие
их удивительно всегда.
Их речи — наслажденье слушать,
в чем убедила нас среда.
На вид — как люди вы, однако
прошу иначе посмотреть:
для нас слова — всего лишь знаки,
для вас лексемы — жизнь и смерть.
Когда твердим мы про *богатых*,
для нас — Рублевка, Вексельберг,
ну а для вас *они* — цитаты:
собрав газеты все к себе,
лингвисты шастают по буквам,
чтоб сформулировать концепт
и эти, скажем нежно, мульки

и презентировать в конце.
Когда о *бедных* речь заходит,
для нас — доцент то, аспирант,
каких избыточно в народе:
пусть жрут в июне шоколад,
но в остальные ведь сезоны
в меню у этих — сухари!..
Ну, а лингвисты ищут оных,
носы внедряя в словари.
И снова множатся цитаты —
газет ведь много у страны.
И что выходит в результате:
духовно все у нас бедны!
Лингвисты — люд самокритичный,
не безнадежны тем совсем:
пусть вы бедны (хоть вид приличный!),
однако обобщать зачем?
Ведь есть литературоведы:
Зырянов, Блажес, даже я —
пусть вид у нас порой и бледный,
но все богатство бытия —
не словари и не газеты
даруют нам — мы ж не глухи:
ведь есть прозаики, поэты,
романы есть и есть стихи.
Лингвист над словарями чахнет —
блаженствует литературовед:
мы книг среди — там жизнью пахнет,
там не вокабул винегрет.
...Из этой что защиты видно —
я сформулирую итог:
лингвистом быть, конечно, стыдно,
хоть быть лингвистом — не порок!
Я никого здесь не неволю,
но раз в бокалах что-то есть,
то предлагаю тост: за Олю!
За вас, лингвисты, — всех, кто здесь!

24 июня 2006

Без церемоний

М. П. Смирновой

(КД «Фамильный состав таблоидных тексов»)

Марина Павловна Смирнова,
свое Вам Быков Леонид
Петрович адресует слово,
смущая виршами синклит.

В России чудных тьма фамилий —
и фамильярность здесь в крови:
китайцам хуже — Бяо или
Дзе-дун — такая се ля ви!
У нас же: Путин и Двапутин,
(был если раз, должно быть два) —
среди этих именных распутиц
любая вспухнет голова.
Пусть фамильярность понимаю
своеобразно я весьма —
я всем упрекам не внимаю:
все это — горе от ума.
Ведь знают все в России веси,
среди любых ковров и крыш,
что отношенья к желтой прессе
я не имею, ибо — рыж.
И, сознавая эту долю
(пусть я порой бываю хмур),
себе позволить не позволю
того, что позволяет Шнур.
Пусть шлет ежевечернее на хрен
страну гламурная Собчак,
в сортир зовет пусть крошка Цахес
мочить, не полнит кто общак,
пусть торс его и без наколки —
такую чтит он красоту...
Я не читаю «Комсомолки»
и на заборах букв не чту.
Я от таблоидов не таю —
иная прёсса мне нужна:
я на ночь Гридневу читаю,
мне ближе Рут и Купина!
Пускай кривляется Киркоров,

эстрады нашей Филиппок,
пусть Жириновский, власти клоун,
всех провоцирует на шок,
пусть надрывается, неистов,
Малахов на ТВ всегда,
пусть проповедует лесбийство
очередная поп-звезда,
пускай орет, аж пот по роже,
назначенный единокоросс —
мне тон Майдановой дорожке
и я до Вепревой дорос.
Хоть не подарок местный климат
и не растет здесь виноград, —
амикошонствовать с такими
всегда я был и буду рад.

Такие вот, М. Т. Смирнова,
здесь ныне пирожки пекут.
Всех приглашаю выпить снова:
за нас за всех, кто их жуют!

27 октября 2009

В порядке брендинга

*О. В. Климовой (КД «Лексика предметной области PR
в современном газетном тексте»)*

- Ваня, ты чем сейчас занимаешься?
 - Да мерчандайзингом.
 - А по-русски сказать можешь?
 - Пивные банки в витрине расставляю.
- Трамвайное*

Газету «Жизнь» я не читаю —
сей факт звучит как аргумент,
а «Областную» хоть листаю,
но прессы этой не клиент.
Коль знаешь качество товара,
понятно, как воспримешь бренд —
вот почему язык пиара
мне — словно марсианский бред.

Пусть извинят меня закуски
и пусть напитки извинят:
PR не говорит по-русски,
та лексика — словесный яд.
И подтвердил защитный раут:
словарь пиара — чистый блеф,
и на такой, пардон, бэкграунд
мне жалко даже тратить гнев.
Желтел тут в коридоре баннер:
мол, жаждет Климова так гриф,
что вместе с Дмитриевой Таней
явила некий креатив.
Защитный изучивши модуль
и не один издавши всхлип,
в согласии с научной модой
снискала Оля логотип,
который вузовский маркетинг
поставил во главу угла.
Но — скользко на ином паркете
всем закусившим удила!
Пусть крайне лестные легенды
слагал тут каждый оппонент,
но — был на оппонентов тендер
объявлен или все же нет?
Не надо ВАКовских ревизий,
коль очевидность такова,
недаром даже в пресс-релизе
одни заморские слова!
Так не судачил Заратустра:
нюсмейкер, копирайт, лимит...
В сравненьи с тем *глокая куздра*
почти по-пушкински звучит!
Конечно, степень многим дразнит,
промоушн всяческий суля,
но щедрый нужен тут фандрайзинг
да и франчайзинг опосля.
Пора б пресечь все эти квази:
от них лишь шум в башке — кошмар!
В России все решают связи,
а не какой-то там пиар!
Что есть пи-пи — народу ясно,
а вот пи-ар народу чужд,
и увлечение опасно
им даже для служебных нужд.

В любых занятиях есть убытки —
вот ныне что я смог понять...
За окончание этой пытки
прошу наличное поднять!

10 марта 2010

Про работу

С. Ю. Данилову
(КД «Речевой жанр проработки
в тоталитарной культуре»)

Фортуна любит тонкий подкуп —
из книг мы знаем и кина...
Начнем, однако, проработку —
могла сказать так Купина.
Могла, однако не сказала
(сверчок любой знай свой шесток...) —
и вроде все, как прежде, стало
и Блажес новый правит срок.
Бывает часто так в России:
шагнем вперед — потом назад,
Но я отчизне не мессия —
и без меня их длинен ряд.
Пора вернуться к диссертанту —
персону одного любя,
Совет, уподобясь десанту,
подальше отослал себя.
Не бегают мороз по коже
у тех, кого Тагил родил,
и на трибуну встал Сережа,
а наш совет — как крокодил,
не распахнул, ленивый, пасти,
лишь мутным взором чуть повел:
зачем кипеть напрасной страсти,
ведь диссертант — он не козел,
какого, коль он глуп, за ляжку
внезапно хватить из камыша...
Не тащат ныне в каталажку —
и проработка хороша.
Мы знали сталинские чистки,

зачистки ныне Путин ввел,
а мы, чтоб в урну бросит листик,
Серее терли чуть камзол.
Есть много слов, дабы на место
поставить каждого из нас
и все Отечество — от Бреста
и до Курил — в урочный час.
Но что-то тянет к обобщеньям,
а ФСБ уже не спит —
и наш Совет свое движенье
к финальной стадии вершит.
Майданова за данилизмы
могла бы сечь — не тот клиент,
Данилову не ставил клизмы
и бородатый оппонент.
И проработка в результате
достойный обрела финал —
тут мне, друзья, глаголить хватит —
давно пора глядеть в бокал.
Что там, на дне — давайте взглянем,
но мы не хлещем без причин:
за то, что в кандидатском стане
еще один теперь мужчин!

Есть предложение

*Е. В. Каблукову
(КД «Дискурс пленарных заседаний
Государственной Думы»)*

Когда я думаю о Думе,
то я, как многие, твержу:
зачем абсурдный этот юмор
в истории нашей нахожу?!
И нет, казалось бы, ответа —
в такой ведь Думе смысла нет,
но заседание Совета
дало сегодня мне ответ.
Есть смысл, увы, и в этой дури,
и смысл ее, друзья, таков:
должно было и быть сей Думе,

чтоб защитился Каблуков.
Превозмогая отвращенье
и, в общем, жертвуя собой,
внедрился в ту клоаку Женя
своей брюнетной головой.
Ее, конечно, депутаты
узрели сразу — и орать:
Евгений, лезешь, мол, куда ты,
и чью-то вспомнили тут мать.
Но Каблуков у нас не промах
и тот в лингвистике субъект —
он в Думе этой словно дома
и все фиксирует в конспект.
Потом конспектик на дискету —
Л. М. Майдановой на суд —
в том криминала, в общем, нету —
как в ковырянии в носу.
Нас от политики воротит
сильней, чем нафталина от,
давно я зарекался вроде
о ней — ни пасквилей, ни од.
Но жизнь в политику подвергает
с неумолимостью, всерьез,
и каждый из сидящих знает:
проветривать полезно нос.
Ведь в чем природа демократий?
Ты можешь делать всё, что хошь,
а схватит мент или Кондратий —
тут против власти не попрешь.
Да и не надо преть противу —
ведь обух плетью не возьмешь.
А в результате — Жене ксиву,
Совет, на блюдечке положи!
Об этом случае парламент
обязан непременно знать,
и, может (это между нами),
пора нам Женю продвигать.
А что — достойный ведь мужчина —
и с бородою, и толков!
У нас близ власти есть Ирина —
теперь туда ж и Каблуков!
Коль мы сумеем постараться,
то нас поддержит и народ,

и наша среди прочих фракций
единороссам нос утрет.
А там протрет и первый Путин
свои стеклянные глаза...
Так за успех на том маршруте
нам не принять никак нельзя!

25 апреля 2007

Не про гетер

Е. Н. Бекасовой

*(ДД «Механизмы гетерогенной организации
систем русского языка
на праславянском материале»)*

Я раньше думал, что гетера
(уж мне простите мой наив) —
хозяйка это экстерьера,
чем ублажает коллектив
И почему-то про античность
при этом думалось тогда.
Но сколь бы ни было типично
такое мнение, господа,
оно, однако, не тотально
в чем убеждали ныне нас
в сей процедуре экстремальной
и не один, представьте час.
Была настойчива Елена —
не зря читала словари,
где сберегалось от тлена
то, что рекли богатыри.
Да, были времена когда-то —
былинные! — а что теперь?! —
как бойко баяли ребята,
что били щит на чью-то дверь.
Им дела не было до лекций
и бред не ведали газет,
они славянские рефлексy
не адаптировали, нет!
И в богатырской личной мощи
(что проступает и в мощах)

они, коль дело было к ночи,
забыв на время о мечях,
какие о врагов тупили,
инстинкты повожая тут,
по спальням не то бы твердили,
а что совсем не так зовут.
И это было не зловещим,
не тем, что нужно осуждать —
когда погашены все свечи.
совсем не тянет рассуждать.
А утром, скромно пообедав
ботвиньей жидкой из ботвы,
вновь к Чуду-юду за победой
те мчали муромцы на Вы!
Но чтоб победы их воспели
на всех российских рубежах,
нужны слова, нужны Емели —
ведь коль нас нет — то делу швах!
Пусть смотрит кое-кто презренно
на всех лингвистов, как химер,
но языка гетерогенность
важнее красоты гетер.
И в том я с Машей Рут согласен
и Гридина вновь даст соврать,
что данный труд в 10-м классе,
пожалуй, рано обсуждать.
Но всякий, кто интеллигентом
себя считает до сих пор,
ввернуть способен трансплантенты
в свой рефлексивный разговор.
К финалу я убавлю гонор
и умолчу насчет гетер:
когда язык поэту — донор,
поэт — он прочим всем пример.
И так скажу, итожа триллер,
где идиллический финал:
за тех, кто наше слово в силе
и с честью ныне защищал!

16 декабря 2008

В том еще жанре

М. В. Воробьевой

(КД «Анекдот как феномен советского общества»)

Анекдот сильнее, чем Геродот...

В. Жук

Сложна филолога работа:
бежишь на лекции с утра,
а после в жанре анекдота
про анекдот идет игра.
Был интерьер отчасти римским,
а кворум нашим, здешним был:
тут все знакомы очень близко —
и что тут даром тратить пыл!
Возникла Маша на трибуне,
сказала, должно что сказать,
ну чтоб не оставалось втуне
все то, чем портила глаза.
Мелькали оппонентов плети —
терпела тот массаж мадам,
а люди прошлого столетья
внимали между делом нам.
Ведь оппонент — он не носитель
конечной истины, а он
на диссертанта доноситель:
коль диссертант — Наполеон,
тогда всё ясно с Бонапартом,
а Воробьевой диссер коль,
тогда поставлена на карту
ее грядущая юдоль.
И обсуждали тему бурно —
всяк в анекдотах знает толк,
но главное: сыскали урну,
какую кто-то уволок.
Пусть люди мы колхозов разных,
никто тут не сидел молчком,
а Маша заслужила фразу,
что выиграла в очко.
Поэтому поднимем чашу
и, радуя напитком рот,
все выпьем — за кого? — за Машу,
чтоб этот кончить анекдот!

23 декабря 2009

С МУЗАМИ НА ДРУЖЕСКОЙ...

С хорошенькими актрисами знаком.
На выставки зван. Литераторов часто вижу...
А. И. Хлестаков

Литературные мазки

Геннадию Бокареву

Бокариада — 94

Сегодня многие умы
мечтали здесь бы очутиться!
...Вы начинали прозой «Мы» —
тому назад лет, помню, тридцать.

Вас, как монарха, слушать стал
народ Советского Союза
и перестал варить он сталь,
внимая Вам душой и пузом.

Радиотехникума курс
помог травильщику на ВИЗе
попасть в НИИ и там, средь дур-с,
связаться с Музою в капризе.

А с Музой связь, известно ль вам,
не труд в тиши лабораторий,
и круглосуточный бедлам
она всегда горит устроить.

Но нрав не тот у Кузьмича,
чтоб шел на поводу кого-то —
своя натура горяча
и охлаждалась не компотом.

Сценарий, драму написать
трудней, чем выпечь тонну стали,
но персонажей Ваших рать
повсюду наблюдать мы стали.

Ефремов сам, придя во МХАТ,
едва ступил на славную сцену,
сказал: — Поскольку мой диктат,
сперва я стану ставить — Гену!

А Рошин, Чехов — подождут,
нам Бокарев иных дороже:
о Сталеварах пишет — гут! —
и сам, стал быть, мужик хороший.

И сей мужик пошел везде,
и кажется сейчас: на сценах
сварили стали в годы те,
пожалуй, больше, чем в мартенах!

Желанья собственного раб,
всяк месяц мысля жарким самым,
ввалился в местный киноштаб,
а где кино — там, знамо, драмы.

Но в Ваших мир в глазах не гас
от тех конфликтных ситуаций,
чреват какими каждый час
там, где твой фронт стал простираться.

Пусть, кто безвольем поражен,
дрожит пред властью или СПИДом —
Г. Б. в бореньях закален
и изнутри заполнен спиртом.

Таким мужчинам не страшен
конец недели и столетий —
и в шестьдесят способен он
себя найти и обессмертить.

Вам кнопку «Пуск» давить не лень —
и юбиляру всем активом
желаем, чтоб всяк новый день
Ваш был и впредь почти счастливым.

Почти — чтоб стимул был и нерв.
Почтим былых времен восторги!
А юбиляр — как пионер —
всегда готов для новых оргий!

Декабрь 1994

Владимиру Блинову

Кадриль для Володи

Подумать только: семьдесят Блинову
(а впрочем, если мне уж шестьдесят...)!
Как не поздравить с этим Вову —
ребячливейшего из ребят!
Всю жизнь сей дяденька влюблялся,
о чем с течением лет не забывал:
уже ты октябренок — целовался!
А что как пионер творил — нахал!
Да, вятские в тебе играют гены,
ты жизнью, словно Музой, вдохновен!
Пусть долгим путь был в эти стены,
но как красиво пройден он!
Я вижу Вову в брюках стильных,
гарцующего около УПИ —
в производительной???
градостроительной Володя силе
товарищей зовет пивка попить.
Вот кадр другой (а ты мастак кадриться,
эколог от архитектур —
вы ждете рифмы тут: *девица?*
В моих стихах не будет дур).
В том кадре — переделкинские тропы,
с Нагибиным (иль Кимом) тет-а-тет
размять усидчивые жопы
выгуливает, видим, сей дуэт.
Кадр третий. Вновь места родные:
лишь потому, что есть Блинов,

в снегах здесь Пушкин тянет вино
и пьют отцовское вино.
...Я со своею свылся ролью,
но именинник мною сыт:
то этот взор пронзится болью,
то вдруг в нем замаячит стыд.
И потому близ пьедестала,
куда Володю громоздим,
все за Блинова — ввысь бокалы:
ты всем из нас необходим¹

Февраль 2008

Феликсу Вибе

Патриотический пасквиль

Кто меня оклеветал?
Ф. Вибе

Вы известнейший в нашем Свердловске
спец по части *ложить* кирпичи,
но я Быков, а не Твардовский —
и из строк исчезает печник.

Кто когда-то строчил юморески,
кто спонсировал смехом «Урал»?
Пусть порой был Ваш юмор и резким,
но зато всяк его понимал.

Люди лезут в директоры ГУМа
или в фирму «Сургутнефтегаз»,
Вы ж — биограф достойнейший Грума.
Вот пример и для Вас, и для нас.

Ну, а дале застенчивой сапой
из российских из всех мужиков
занялись Вы, однако же, папой —
это крови подействовал зов.

Люди все здесь воспитаны, право,
и молчат деликатно о том,
а поэту даровано право
ставить всякий вопросик ребром.

Я не буду навязывать лекций,
хоть как лектор бываю неплох,
но известно — в Отечестве немцы
понимают одно: Ханде хох!

Вы по-русски совсем без акцента
(Штирлиц тоже немецким владел...) —
как такого прошляпил клиента
Института особый отдел?

Притворился сперва юмористом
и редактора корчит сейчас,
а случится блицкриг — кто, неистов,
умывать будет кровушкой нас?

Кто-то, может, в том выгоду сыщет
(мол, полезен и этот контакт),
только истинный русский — не нищий
и не вступит с захватчиком в пакт.

А на вид, посмотрите, красавец:
как арийцу идет седина!
И амнистию выдать Вам вправе
в день рождения наша страна.

Вы гуманность России учтите —
сказки здесь претворяются в быль,
а в комоде хранящийся китель
незаметно отправьте в утиль.

Вы умеете жить увлеченно,
европейский наследовав ген.
Редактируйте наших ученых,
полируя их фейсом гладь стен.

Это мы Вам зачем безусловно,
а Вы множьте старанья свои,
чтобы ясное русское слово
для научной годилось статьи.

Умолчать мы об этом могли бы,
но зачем нам излишний напряг?
Дорогой Феликс Фирменный Вибе,
Вы для нас — скажем скромно, маяк.

Маяки ставят, впрочем, где рифы,
но для рифмы sluкавить не грех.
Нужен этакий нам калорифер —
согревайте и дальше нас всех.

Уж такой человек, видно, Феликс:
хоть сгорать продолжает нутром,
возрождается к делу, как феникс
каждый день — и умом, и пером.

Пусть Вам тезкой товарищ Дзержинский
(это тоже амнистия учтет),
и натуры, Иваныч, держитесь —
словно Колобов музыки нот.

Вы, на Каменки глядя пейзажи,
Левитана найдете в душе,
и никто Вам о прошлом не скажет,
ибо Вы стали здешний уже.

Так шутить не позволили Вы бы,
как посмел здесь банкетный поэт,
и не выпить за Феликса Вибе
в день рождения — поводов нет!

2010

Вениамину Голубицкому

Веницианское

Тут мне намердни сообщили,
что назревает юбилей.
Как этот жанр к лицу мужчине,
когда он штучен на земле.
А Голубицкий, точно, штучен
и, знаем, штучка та еще.
На вид не так, чтобы и тучен,
но и не так, чтобы тощ он.
Притом учен. Причем немало.
Есть точка зренья, что умен.
Решителен, но не нахал он,
в жену пожизненно влюблен.

В анкете — коренной уралец,
в натуре — чистый одессит,
поскольку к жизни, все узнали,
большой имеет аппетит.
Его маршрут не разлинован
и, устремленный в вертикаль,
совместно с фирмой «Ренова»
глядит, как Муромец, он в даль.
А там в ближайшей перспективе —
итоги личного труда:
стоят, надежны и красивы,
там голубые города.
В них населению уютно,
и отдыхая от сохи,
в воскресное читают утро
там Голубицкого стихи.
А коль захочется под вечер
внести гармонию в уют,
то ручку радио повертят —
там Голубицкого поют.
Раз в год идет на вернисажи
там просвещенный коллектив
и смотрит, рты раскрыв, пейзажи,
что влезли в Венин объектив.
От результатов вдохновенья
могла б вскружиться голова,
но верен музыке наш Веня,
а музыка всегда права!
...Казалось бы, мечту поэта
тот воплощает оком?
Но ведь среди идиллий этих
уже сейчас почти живем!
Пусть кто ворчит, что всё — хреново,
но — Голубицкий держит класс,
и, значит, возведет «Ренова»
свои Венеции у нас.
Как много можно за полвека,
а впереди — масштаб работ.
Поднимем же за человека,
который среди нас живет!

29 апреля 2007

А перед этим

Без допинга, друзья, без героина,
а просто взгляд наполнив синевой,
сестрицы три, спектакля героини,
пермячки родом, грезили Москвой.

Билет они в столицу не купили,
хоть расписание поезда блюдут...
Но это все фантазии, а были —
они нас и собрали тут.

Небезызвестный сударь Голубицкий,
хотя Урала вроде патриот,
решил принципиально измениться,
и впредь его никто здесь не найдет.

Не зря походит Веня на пирата:
душою ты бродяга, хоть еврей, —
на выдумки природа торовата:
уникумы бывают меж людей.

Конечно, жаль, что выкрала столица
того, кто так уместен был и здесь,
но, раз в Москве такие будут лица,
то перспективы у России есть.

Поэтому, на Максовича глядя
и дружно погружая нос в бокал,
там пожелаем вам успехов, дядя,
и чтоб Урал и нас не забывал!

Июнь 2005

Герману Дробизу

Дорогие черты

Герман Федорович Дробиз!
Жизнь мелькает, как кино.
Семьдесят без всякой дробы —
в то поверить мудрено.

Но не верой возраст задан —
такова анкет мура.
Ну, а верить — верить надо
в силу умного добра.

Оттого уже лет сорок
Ваше личное перо
указует нашим взорам
незаметное добро.

Ненавязчиво и честно,
ибо в годы наших дней
нам не пастырь и не Пестель —
Дробиз, может быть, нужней.

Кто — сатирик или лирик.
сценарист иль юморист? —
Нет, Вы — Дробиз в этом мире,
то бишь человек-артист!

В нашей родине угрюмой
жив еще инстинкт игры:
там, где Дробиз, — там и юмор,
там, где юмор, — все мудры.

Ваши рифмы не спесивы,
шутки Ваши — как бальзам,
с Вами мы всегда красивы.
Каково же с нами — Вам?

Каково душе с талантом
жить второй в России век?!
Нет, прощания с голландкой
не допустит человек.

Пусть лета уносит Лета,
будьте в почерке тверды,
сохраняючи при этом
дорогие нам черты!

2007

Два Германа

Г. Дробизу, Г. Иванову

Товарищи, внимание!
Здесь у нас — Германия!
И вас не понимаю я,
кто шпяхен здесь зи дойч.
В январь, что пахнет вербою,
позвали нас два Германа,
чтоб помочалить нервы нам
и вытолкнуть всех в ночь.

Подобной перспективою,
товарищи красивые
с писательскою ксивою,
обрадован не всяк.
И доводы есть веские:
воспитан по-советски я
и с партией немецкою
ликует пусть пруссак.

Космополит ты, Осипов!
Но все ж в порядке описи
решил взглянуть на Дробиза —
постригся сей брюнет.
В рубашечке в полоску он
стал схож анфасом с тезкою,
что лысиной неброскою
похож на монумент.

Хоть критик любит гадости,
но здесь, как будто в младости,
вкусил я с вами радости —
принять душа должна.
Мое у вас желание
встречает понимание:
так выпьем за Германию —
за ваши имена!

Январь 2007

Аркадию Застырцу

Вместо доклада

Жизнь скучна земная наша
(а небесная — Бог весть),
к счастью, на земле Аркаша —
здесь поэт Застырец есть.

Звезды всюду ты развесил,
воздвигая слова храм,
и сияют наши веси
от Аркаши пентаграмм.

Столько кислого пьем кваса,
но «Мадам Клико» глоток
даже сам Кириллов Вася
рад отведать на зубок.

Чьи статьи всегда серьезны,
чьи стихи порой мудры,
кто и в пьесах, кто и в прозе
понимает шарм игры?

Знают дети и старушки,
знает весь крещеный мир:
вот наш Гете, вот наш Пушкин,
вот кто наш Вильям Шекспир!

Глубина — как у колодца,
сколь ни пей — не исчерпим,
и, по-моему, зовется
в честь Аркаши — Аркаим.

Этот утонченный профиль,
этих впалых щек агат —
ты в любой работе профи,
пусть на вид аристократ.

И хотя грядет засилье
всевозможных пошлостей,
но живет средь нас Застырец
оправданьем наших дней.

Кто не слушает Застыльца,
не читает кто его,
тот обязан застрелиться
(или около того).

В завершение доклада
формулирует душа:
не стесняйся же, Аркадий!
Сколько можешь, продолжай!

Ноябрь 2006

Борису Евсееву

Журнально-морское

Борис Акимович Евсеев!
Ужель за тем в престижный Дом кино
в субботний полдень заявили мы,
чтоб вкусно есть и пить вино?

Хотя, по правде коль, то в час обеда
не грех поесть и выпить «Абсолют»,
но все ж хочу всем правду я поведать:
не потому сидим мы ныне тут.

А мы на календарь когда взглянули,
то поняли, что осень на дворе,
а в это год (Господь нас надоумил)
событий много в мире в ноябре.

Газеты пишут, что американцы
(знать, ку-клус-клана у них больше нет)
сверкающего чернотой до глянца
впустили в президентский кабинет.

Возможно, врут газетчики — бывает,
а также пишут, что грозит дефолт:
ну, этим кто Россию не пугает —
давно к тому привычен наш народ.

Еще нам новость радио приносит,
что в отношеньях с Грузией — облом...
Нет, скажем мы, не этим осень
запомнится сидящим за столом.

Не пашем мы и озими не сеем,
в политику нам лезть не позволяет честь,
но есть среди нас, товарищи, Евсеев —
и очень хорошо, что сей товарищ есть.

Пусть он сидит спокойно, как полтинник,
когда вокруг блаженствует безнал,
но в ноябре сей Боря — именинник,
вот почему нас встретил этот зал.

Мужчина очень, видим все мы, видный,
с характером, что каждый испытал,
и потому Борис наш по натуре лидер,
а лидер может направлять журнал.

Без слова напечатанного немые
политики, ученые, весь люд,
не говоря про членов академий,
которые вершат научный труд.

И кто-то должен объяснить народам,
на что народные идут рубли, —
они ж могли пылиться по комодам
иль на сберкнижках загнивать могли.

Так нет же, нет, чтоб не мозолить руки
трудящихся рабочих и крестьян,
рубли идут на содержание науки
(и, мнится, академикам в карман).

Но академия так просто не сдается,
и популистский отвергается набег
решеньем мудрым — тем, что издается
«Наука. Общество и Человек».

А у журнала должен быть начальник,
как боцман на плывущем корабле.
И пусть порою смотрит он печально:
печаль о том, чтоб делу — веселей.

Тем паче, что журнальная команда
нехилая довольно собралась:
пускай мы в спорах напрягаем гланды,
но лишь затем, чтоб не ударить в грязь

своей физиономией приличной.
А кто в команде главный визажист —
Борис Акимович, Вы лично,
то пряник достающий, а то — хлыст.

С таким и дальше вдохновенно станем
мы бороздить журнальные моря.
И эту радость подтвердить стаканом
сидящим здесь и предлагаю я!

Ноябрь 2008

Александру Кердану

Хлопоты

Да, видимо, и впрямь я — гений.
Ведь самый русский негр не даром
однажды вывел, словно на скрижалях,
что гений и злодейство — несовместны.
Я не злодей. И, впрямь, спросите у любого,
злодей ли я. И, знаю, вам ответят:
— Ну что вы! Саша и злодейство — разве
понятья эти можно ставить рядом?
Вот ежели бы вы спросили про... А впрочем,
о том и тех не здесь. Здесь обо мне, о Саше.

Так вот, коль не злодей я, значит, гений!
А гению положена известность.
И лучше не посмертно, а теперь.
Нет, памятника мне еще не надо:
пусть Пушкин в одиночестве пока
белеет там, где я с ним рядом встану.
Но вечер мне положен в День рождения,
причем не где-нибудь в музее или вузе —
ведь гениям нужна большая сцена.
А коль на ней я — точно, значит, гений.

15 января 2001

Трактат

*юбилейный с пейзажем
сегодня мы Саше расскажем*

Зима простерлась над Уралом
почти без видимых следов...
Народ, что зван сюда навалом,
давно к разврату был готов.

Полвека эту дату ждали,
и Александр нас не подвел:
пока мы все соображали,
готовил ты банкетный стол.

Токинув Коркинские ясли,
ты лучше выдумать не мог
и осчастливил наш прекрасный
и не военный городок.

Но в чем, спрошу вас, все же польза,
что Кердан бродит между нас,
когда им бредит, может, Польша
иль Белоруссия как раз?

Кавказ полковника не видел,
хоть, как по Пушкину, скучал, —
везде такой потребен витязь...
Но ты не предал наш Урал.

Ты на родном остался месте,
хотя сместился к северам, —
знать, представления о чести
тебя подвигли, Саша, к нам.

Всегда на подвиги гораздый
(чем заслужил иконостас) —
такого встретив, молвит каждый
в округе нашей «was ist das».

Тебе округой — весь наш округ:
тебя и чают здесь и чтут —
я даже пару глаз зрел мокрых
у тех, кому читал ты тут!

(То были очи, может, Яны —
признаюсь, я не разглядел)...
Возделав многие поляны,
еще ты чуешь: не предел!

Тебе пиита славы — мало,
и, жаждой этой обуян,
ища кирпич для пьедестала,
ты сел, как Слава, за роман.

И к песням полн ты интереса,
к статьям, докладам, интервью... —
глядишь, добавятся и пьесы
в библиографию твою!

И все же, думаю, для сцены
пусть лучше пишет Коляда —
вот диссер докторский оценят
(я знаю по себе) всегда!

...Ты отмахал уже полвека —
еще полвека твой резерв.
Ты резв, похож на человека,
даже когда не очень трезв.

О чем свидетельствует это?
Знать, будем чествовать и впредь
полковника, профессора, поэта —
так славь сегодня Сашу, медь!

12 января 2007

Валентину Лукьянину

Нечто о географии

В жизни бурном океане
среди гольфстримов и клоак
был когда-то мыс Лукьянин —
ныне он — архипелаг!

Широко, как покрывало,
сей раскинулся предмет.
Посреди его

«Урала»
возвышается хребет.

А в предгориях уральских
зри эстетики сады —
всяк мыслитель мало-мальский
заглягнуть горазд сюды.

Там цветет цветочек брянский,
там московский бьет фонтан,
есть и угол хулиганский,
есть и «Знания» хрупкий стан.

Есть долина там Политик,
есть равнина Публицист,
есть страна с названьем — Критик
и вулкан есть Оптимист.

Есть река — Зри телевизор,
гейзер Радио там бьет,
а чуть-чуть южнее, книзу,
там Кубинский зри комплот.

...Много терпит строк бумага,
но настал и тоста миг:
чтоб земля архипелага
превратилась — в материк!

17 декабря 1997

Анатолию Новикову

В день 60-летия

Сегодня пятница, и праздник
народа разгоняет сплин:
кого-то хэлуином дразнят,
а кто-то юбилярит, блин.

Тут Новиков один намерен
уже справлял свой юбилей —
я не сидел на той обедне:
мне этот Новиков милей.

Подумать только: прожил Толик
уже немало лет и зим
и много всяческих буколик
случалось в этой жизни с ним.

На темень падали кометы,
в бичарне теплились огни —
такие множились моменты
в твои единственные дни.

Ты стал отчасти знаменитость
и премий аж лауреат,
и, говорят, с тобой сам Битов
не часто пусть, но выпить рад.

Большой талант — всегда неволя,
кто сколько бы ни принял доз.
При этом, знают все, что Толя
собою радует сельхоз.

Ты много лазил по навозу,
но все ж остался оптимист,
и всяк, твою читая прозу,
с восторгом выдохнет: стилист!

Умея фарт найти без фальши,
ты твердо ставишь свой сапог.
Пускай твое стило и дальше
являет совершенство строк.

Бросая взгляд на путь, что сзади.
тебя причин нет упрекнуть.
Так выпьем, тетеньки и дяди,
за предлежащий Толе путь!

31 октября 2003

Вадиму Осипову

Декабрьские строки с эпитафиями

Наполнены чаши,
Накрыты столы...
В. О.

Никуда спешить не надо,
Никого не будем звать...
В. О.

Если в доме печь согрета,
Как бы в окнах ни мело,
Смотришь — снег,
а видишь — лето:
До того в душе тепло!
В. О.

Глянь, за окнами не снег, а зелень,
пусть дни декабрьские летят.
Зима настанет неужели?
Я первым заморозкам рад.

И, в сей блаженствуя квартире,
в тепле надеясь на зиму,
перевернулось что-то в мире —
понять пытаюсь — почему.

Как много в жизни есть коллизий,
над чем задуматься нам след.
Я столько лет живу на ВИЗе —
и лишь теперь возник сосед!

Уже давно б необходимо
Вам с Новгородцевой сбежать,
чтоб можно Оле и Вадиму
здесь полной грудью задышать!

Отсюда ЖБИ не видно —
здесь гладь иная из окна.
И рифма просится *завидно*,
но — некорректна все ж она.

Живя на улице Фролова
среди неба и воды зеркал,
поэт найдет такое слово,
какого ранее не знал.

Былые книги атавизмом
смотреться будут в те года,
когда запишется *отвизно*
и скажут все: Вот это да!

Да, очень важно для поэта —
и с кем он да и где живет,
ведь все вставляет он в куплеты.
какими радует народ.

Да и вообще пусть свет и радость
переполняют этот дом —
за это все поднять и надо
всем, кто сегодня за столом!

8 декабря 2008

Славе Рабинович

На семейном подряде

Чтоб я да не издал ни звука —
любой то не поймет каган.
У нас сегодня почти ханука
и люд знакомый (кто мог) примчал.

Страстей еврейских тайфун, наверно,
воспримет кто-то пусть за мираж, —
но то, что вечер пройдет кошерно,
не сомневается второй этаж.

Здесь Рабинович-мама — кантор,
тут Рабинович-сын — хазан, —
со всем присущим семье талантом
сказали то, что смогли сказать.

Пускай питалась семья колбасно,
но написала на книгу строк,
и это очень, друзья, опасно??? прекрасно —
все пишут: мама, отец, сынок.

А то, что словом сказать не можно
(такие вещи на свете есть),
штрихом добавил семьи художник,
являя миру восторг и лесть.

Народ еврейский, он — мессианский
и тем похож он на русский люд:
тому примером — хребет уральский
и те, кто, в частности, сегодня тут.

Но тост быть должен эксклюзивным,
и прежде, чем натянуть картуз,
я зычное скажу, язычник:
пьет за контакты весь наш кибуц!

14 сентября 2006, Дом писателя

Арсену Титову

Шестидесятилетнему

Арсен Борисович Титов,
скажи, товарищ, только честно:
ужель Вам шестьдесят годов,
как стало публике известно?

Вам шестьдесят всего ужель?
Ведь этим столь усатым мужем
такая выписана Гжель!
Какой тут опыт жизни нужен!

Тебя, Арсен, не знает кто,
но книги кто твои читает,
что ты живешь лет, верно, сто —
так всяк читатель твой считает.

Ну, в самом деле, про страну
в той мировой, чей номер первый,
ты, будто сам прошел войну,
так написал, волнуя нервы!

Но век спустя ты, сняв мундир,
свой дар явил совсем иначе,
про современную Сибирь
поведав нам, про сибирячек!

Про будни местности Букей
твои роман напишут руки
такой, что, скажем без затей,
заполучить ты мог и Букер.

Но и без Букера пиджак
ты так наградами дырявишь,
что если дальше будет так,
ты будешь выглядеть как дервиш.

Но ты не дервиш — ты грузин,
и осушить готов, не скрою,
в застолье не один кувшин
ты — сам герой и сын Героя!

И, всем друзьям надежный друг
и недруг всем, чья кровь соплива,
конечно, ты не мамелюк —
грузин уральского разлива!

Но ты живешь средь нас и так
здесь окружен, взгляни, почетом,
как будто мамелюк Вахтанг
(был царь у вас, шестой по счету).

А если ты душой грузин,
то твой талант так многогранен,
что ты охоч и до картин,
как местный Нико Пиросмани.

И умолчать я не могу,
что, под Весов рожденный знаком,
Арсен закончил наш УрГУ —
вы юбилеите с истфаком!

А ты еще начальник наш —
Союза и кассир, и Пимен,
и кто заглянет в твой блиндаж,
поймет, сколь ты гостеприимен.

Твой взор блаженно вдохновен,
пусть даже жизнь порой — касторка.
Создал тебя Господь, Арсен, —
и сразу в слезы. От восторга.

Итак, ты прожил шестьдесят,
ты — подлинник, а не подобье.
И от ребят, что здесь сидят,
прими, Арсенка, гамарджобье!

14 ноября 2008

За кулисами

Театральное

Истории достойна, право
такая майская деталь:
десятый раз проходит «Браво!» —
наш театральный фестиваль.
Когда все бьют на здешних дачах
поклоны русскому теплу,
мы о спектаклях тут судачим,
не собирающих толпу.
Театр — такая это штука,
где индивид — всего важней:
ведь, боже мой, какая скука —
жить вереницей нудных дней.
Но, к счастью, есть на свете сцена,
где люд становится людьми —
мы, это зря, такое ценим,
хоть и не просто, черт возьми!
Забава, чудо и отравы —
театр! И фестивалю — браво!

25 мая 2010

Вот и далее

На юбилей театра музкомедии

Октябрь уж наступил,
а лист не опадает.
Народ свой жар и пыл
расходовать желает.

К нам едут все в Е-бург:
ну, разве можно где-то,
устан о Филь и «Мурк»,
отведать оперетту?

Здесь слушать есть кого
и есть кого увидеть,
здесь жанра естество
в наиточнейшем виде.

Шедевры и балласт
здесь представляют профи,
и творческий баланс
отчетлив здесь, как профиль.

А оперетта — не
балет, концерт и драма,
об этом в детстве мне
рассказывала мама.

На ниве сей пахать —
завидовать не надо.
Но это благодать —
доставить залу радость!

Средь праздничных утех
все счастливы, как дети:
улыбки, глянь, у тех,
а также и у этих!

И говорят пускай,
что оперетта в коме,
но каждый вечер — рай
на три часа в «Музкоме»!

Идет ли жанр в распыл?
Тут отвечают люди,
что мальчик — тот, что был,
он есть и завтра будет.

Что б кто ни произнес
во время конференций,
решается вопрос
на сцене лишь и в сердце.

От критиков речей
пусть проку и немного,
но все-таки легчей
с надеждою дорога.

Маячит частный путь
сегодня коллективам:
кому-то это — жуть,
кому-то — перспектива.

Среди спектаклей, дат,
не грезя о бессмертье,
живи и впредь, театр!
С семидесятилетьем!

16 октября 2003

Пять лет спустя

Как мир меняется с годами!
Что за экспромты у судьбы!
Глянь, Ветрову сменил Бадаев,
Мишарин там — где Россель был.

Но это, нет, не тот Мишарин
(а если б тот — вот был бы шок!),
хотя в России жизнь смешная,
что все мы знаем хорошо.

Тем паче, что сейчас в театре
нам посчастливилось сидеть,
в котором — так сложились карты —
ломать положено комедь.

Но Стрежнев не ломает — ставит
что и вообразить нельзя.
Ну, разве мог народ представить,
что Гоголь здесь пойдет, друзья?

А гляньте: классика Рубинский
с Пантыкиным угрели так,
что в зале высекает искры
на сцене явленный бардак.

Бардак был творчески продуман,
как говрится, от и до —
на сцену глядя, лишь придурок
подруге скажет: — Ну, дурдом!

Да, Стрежнев тут совсем не Брежнев,
не Путин даже — в деле тверд,
и по-моцартовски небрежно
«Златые маски» он гребет.

Коль сбор такой продлится дольше,
то, екатеринбуржец, знай,
в театре будет злата больше,
чем под землей таит наш край!

И даже критикам — отродью,
какое дьявол породил,
театр под это новогодье
своей работой угодил.

И потому театр и зритель
(а в совокупности — народ)
обязан впредь — как победитель
и в новый год идти вперед!

Декабрь 2009

Петровка

Алексею Петрову

Пускай сегодня и сурова
погода, как к народу мент,
мы прибежали на Петрова —
был чтобы аккомпанемент.

Казалось бы, совсем недавно
родился — а уж столько лет!
А впрочем, что я не о главном —
а главен этот силуэт!

Сей силуэт весьма солиден —
таким и должен быть артист!
И знаем мы: при этом виде
душою этот центнер чист!

На сцене человек не волен
собою быть, казалось бы,
но и классические роли
актерской требуют судьбы.

Для персонажей донор вечный
и счастьем роли вечно пьян,
в любой работе человечный,
Петров — совсем не Петросян.

Торой и в жизни он играет,
при этом, знаю, много лет
стихи и прозу сочиняет
и мне отчасти конкурент.

Не назову поэтом всеу,
но в рифмах, вижу, знает толк,
при том наш юбиляр рисует! —
Что говорить, матерый волк.

С годами человек хороший
способен дальше хорошеть.
Петров Васильевич Алеша,
дай Бог, и дальше не стареть!

Октябрь 2006

Волхование про «Волхонку»

Вам двадцать лет. Конечно, это возраст.
И коль дожить до цифры повезло,
позвольте одному, кто годы возле
театра, молвить ныне пару слов.

Вы на заре возникли перестройки,
когда ослабил путы Горбачев
и жизнь поверглась всюду новой кройке
и время задышало горячо.

Сначала эта вывеска «Волхонка»
воспринималась как претенциоз:
ведь не столичная у нас сторонка,
чтоб задирать таким названьем нос.

Но постепенно местную Волхонку
зело окрестный зритель полюбил
и приобрел желание в охотку
здесь тратить свой и гонорар, и пыл.

Известно: рвутся ткани там, где тонко,
но крепко шил театр закройщик Валл —
и, честно говоря, я б вас *Валлхонкой*,
о прошлом думая, в дальнейшем называл.

Поэты потрясают мир глаголом —
Волхонка потрясает нас собой.
Как ни придешь — всегда театр полон,
и не спешит причем никто домой.

Здесь каждый получает столько арта,
сколь в состоянии каждый унести.
Порой без форта, но всегда с азартом
сценический вы топчете настил.

Зырянов, Савинкова и Фукалов,
Сергеев, Шахова et cetera...
Давайте же устроим звон бокалов —
за вас, волхоновцы, поднять пора!

19 ноября 2006

Экзотичное

*На открытие малой сцены
в камерном театре «Волхонка»*

В маленькой Андорре
(нет ее на картах)
есть на косогоре
здание театра.

Тот театр единствен
в государстве этом —
чтобы насладиться,
запасись билетом.

Очень там искусство
любит население:
всякий вечер густо
в этом заведены.

Ну так что поделать,
коль большого зала
(мест на двадцать девять!)
оказалось мало?

Россияне, может,
растерялись тут мы,
но стране поможет
люди андоррской труппы.

Не ломал он сцену,
не просил негодий —
дал вторую сцену
остальным андоррцам!

Повод для гордыни
есть сейчас и завтра:
вся страна отныне —
вся в одном театре!

Полстраны — на сцене,
остальные — в залах —
это пусть оценит
музыка бокалов.

Тем намеком тонким
финиш разговору:
коллектив Волхонки,
прием за Андорру!

2010

Аллопатия

А. Д. Кернер

За окошком снегу мало,
хоть зиме пора сесть,
потому как Кернер Алла
оставляет СТД.

Это ж, братцы, невозможно —
морщит местный лбы народ,
оттого в мозгах тревожно
и под ложечкой сосет.

Жизнь меняется по сути
(а ведь это — не пальто!):
ныне — Кернер, завтра — Путин,
ну, а послезавтра — что?

Ныне факт для прессы жарен,
специфичный аромат —
ну, а завтра где Мишарин
сыщется такой талант?

Ведь и впрямь в строю полвека —
это ж не в кульке изюм:
было ж СТД как Мекка,
где светлел и мрачный ум.

Кто — со сцены, кто — с вокзала,
кто — с удачей, кто — с бедой,
и встречала оных Алла,
СТДовский домовый.

Кернер Алла — это имя
знает каждый театрал:
и строитель Вы, и Пимен,
да и справочный портал.

Вы ж реальным здесь мотором,
пусть менялись шофера.
Как без Вас теперь Матёра —
не начнется ли хандра?

Нет, хандру мы, точно, скрутим,
но изжить не можем грусть:
Кернер — это ведь не Путин,
Путин пусть уходит, пусть.

Ну, а Вы все ж заходите —
не по службе в этот дом.
Вы, уверен, захотите —
так устроен Ваш геном.

По диплому вы — филолог,
а по сердцу — театрал.
...Монолог мой вышел долог —
не пора ль поднять бокал?

Так примерим же к бокалу
персональные носы:
СТД весь пьет за Аллу!
За полвека Вам — мерси!

Февраль 2008

На вернисаже как-то раз

Постоянство

Виталию Воловичу

Зашихин, пусть и друг, со мной не спорь ты,
хотя поспорить ты всегда не прочь:
Волович делает офорты
и день и ночь, и день и ночь.

На эти стенки свойставишь взор ты,
но не страшна любому солнцу тень.
Волович делает офорты
и ночь и день, и ночь и день.

Смешались груди, пасти, лица, морды,
но их иглой стараясь истолочь,
Волович делает офорты
и день и ночь, и день и ночь.

Не сокращаются в стране аборты —
мужчинам, знать, усердствовать не лень...
Волович делает офорты
и ночь и день, и ночь и день.

Мои не всем понравятся аккорды,
но и молчать, все это зря, невмочь:
Волович делает офорты
и день и ночь, и день и ночь.

Кой-кто у нас объезживает «форды»
или в заморскую отчаливает сень —
Волович делает офорты
и ночь и день, и ночь и день.

И пусть он жить бы тож хотел комфортно,
и пусть, как все, до водочки охоч —
Волович делает офорты
и день и ночь, и день и ночь.

Среди блистательной когорты
у многих в голове от славы звень —
Волович делает офорты
и ночь и день, и ночь и день.

Какой бы жизнь ни выкинула фортель,
не будет воду в ступе он толочь:
Волович делает офорты
и день и ночь, и день и ночь.

Будь академик или мухомор ты,
но знай, свой подпираючи плетень:
Волович делает офорты
и ночь и день, и ночь и день.

Его своим признать готовы лорды,
однако без работы жить невмочь:
Волович делает офорты
и день и ночь, и день и ночь.

Художнику грозит разрыв аорты,
но если он художник, а не пень:
Волович делает офорты
и ночь и день, и ночь и день.
Так за Воловича — бокалов звень!

Сентябрь 2008, Галерея «Шлем»

Мосты и башни

На открытии выставки

Для населения ныне башли
затмили прочие мечты,
а живописцы ставят башни —
и башни, и мосты.

Страна у нас — лесов и пашни,
но, если взглянем на холсты,
Россия наша — это башни:
и башни, и мосты.

Пусть чертит власти набалдашник
иллюзии средь пустоты —
художники рисуют башни —
и башни, и мосты.

Пока заводит кто-то шашни:
быть может, я, а может, ты —
художники рисуют башни —
и башни, и мосты.

Не помнит кто-то день вчерашний
среди привычной суеты,
но не забыть — кто видел — башни:
и башни, и мосты.

И жить становится не страшно
среди привычной нам тщеты,
пока рисует кто-то башни —
и башни, и мосты.

Судьба пусть прячет свой заглашник —
карманы наши не пусты.
Поры поднять за эти башни —
за башни и мосты!

2010, Белая галерея

ОТНЮдь

На открытии выставки «Ню»

На Урале климат, как известно,
редко шубы позволяет снять.
Но как женский люд окрестный
выглядит — здесь можно увидеть.

Каковы ж в натуре недотроги?
Есть у женщин, как и у людей,
голова и руки, ноги
и — вдобавок! — парочка грудей.

Этого у человека нету!
Но зато и дамы лишены
некого интимного предмету,
коим люди (мы!) оснащены.

Тем не мене женские натуры
многие не зря горды собой:
честно говоря, такие Нюры
взор весьма ласкают ваш и мой.

Даже понимая, что Венеры
жили не сейчас да и не здесь,
эти убеждают интерьеры,
что античности пора убавить спесь.

Местные уральские Джоконды
обладают под одеждой всем —
и, пожалуй, кой-какие фонды
это б закупили насовсем.

Но, однако, выскажем им клизму:
это *наше* — нам принадлежит.
Выставка есть гимн патриотизму:
с этим вот — в России можно жить!

23 мая 2009, Белая галерея

Тироскафы и дирижабли

На открытии выставки

Не пора ль раздвинуть взора шторы,
а не то закиснем тут совсем,
ведь живем не где-нибудь в Нью-Йорке,
это ж не какой-то Гугингейм!

В Белой галерее мы сегодня
(кто не понял — тем пора понять) —
я б теперь за это место поднял,
если б было что сейчас поднять.

Но пока в бокал еще не каплет,
пресной чтоб не стала наша лайф,
оглядим застенки этой сакли,
пироскаф где, глянь, и батискаф.

Тироскафы по небу летают,
батискафы по морю плывут —
на картинах жизнь везде такая,
по которой люд скучает тут.

Много в мире есть, чему дивиться
над и под поверхностью земли, —
но картина — это ж не девица,
убедиться в чем мы все смогли.

Женщин, впрочем, помянул я все,
оных все грех припоминать:
наш восторг тем ныне адресуем,
плавать кто умеет и летать.

И поскольку ждет в бутылках влага,
нам иной пора отведать кайф:
плавание под градусами — благо,
будь то пироскаф или батискаф!

Декабрь 2009

На 20-летию выставки на Сурикова 31

Не выбросишь слово из песни —
стал взрослым вчерашний дитя.
Былому мы скажем: воскресни
сегодня, лет двадцать спустя!

Забыв депутатскую ксиву,
оранжев, как будто хохол,
читает стихи Касимов,
как будто здесь счастье нашел.

Едва ли нам снилось когда-то,
что из нехороших квартир
в писателя-лауреата
эволюционирует сир.

Интеллигентно-неброский,
каким и бывает талант,
напомнил нам Игорь Сахновский,
чем жили лет двадцать назад.

Захлопнув почтовой конюшни
навечно, как в прошлое, дверь,
стал Санников мэтром Андрюша —
почти как Кальпиди теперь.

Что было лет двадцать — легенда,
но круглая наша земля:
скинхеды в года сэконд-хенда
возникли, однако, не зря.

Обратом становятся сливки.
Я речь завершаю свою:
будь, выставка эта, прививкой,
чтоб не было все дежа вю!

Март 2007

Вовиана

*Владимиру Мамаеву,
главному художнику издательства «Сократ»*

Быть в России Мамаевым ныне —
это словом одним не сказать,
и, хотя не как Женя я злыдень,
правду молвить обязан в глаза.

Быть в России Мамаевым — трудно,
даже если душой — Чингизхан:
то мороз настигает занудно,
то Мороз пристаёт, как пахан.

Быть в России Мамаевым — тяжко,
коль натурою интеллигент:
норовит тебя всякий, бедняжку,
уестественнить в нужный момент.

Быть в России Мамаевым — грустно,
потому и печален твой взор:
здесь и в лучших обманешься чувствах,
ну а к худшим не склонен синьор.

Быть в России Мамаевым. Стыдно,
коль таким вот в России не быть!
Папуасам пусть будет завидно,
как Мамаевых могут любить.

Быть в «Сократе» Мамаевым — славно:
ты для книг здесь — почти Пьер Карден.
Не Мороз, не Зашихин — ты главный, —
скажет всяк, до конца откровен.

Быть в «Сократе» Мамаевым — сложно,
но гораздо сложнее — не быть!
Юбилей — он навроде таможни:
потерпеть надо малость, не ныть.

Быть в «Сократе» Мамаевым — надо
и вчера, и сегодня, и впредь:
пусть порой фирма кажется адом —
ты уже научился терпеть.

Быть в «Сократе» Мамаевым — годы,
да чего мелочиться — века!
И сидящие пьют здесь народы
за такого, как ты, мужика!

24 апреля 2008

Шелкография по-русски

На открытии выставки

Пусть свиной повсюду грипп —
не прийти мы не могли б!

Поглядим, причем не в щелку,
что музей мозгам нащелкал.

И скажу, узревши шелк:
в этой ткани виден толк!

Шелк различных категорий —
сколько он впитал историй.

Место есть, коль разобраться,
даже для мистификаций.

Зри на ткани этой гладкой
русской жизни рвы и складки.

Не красавицам на платья,
а — чтоб прояснить понятия.

Плохо что, что хорошо,
разъясняет внятно шелк.

И принять зовет порядок
за таланты шелкопрядов!

1 декабря 2009. Краеведческий музей

На исходе нулевых

Р. С. к выставке «Индустриальная
живопись Урала 1950—60 годов»

Накануне президента
дня рожденья (сорок пять...)
здесь устроена презента-
ция, гляньте-ка, опять.

Будто времени машина
нас вернула в СССР,
и открылась нам картина:
домны, шахты, цех, карьер.

Было, было так на свете
пять десятков лет назад,
и богов чугуновых дети
с тех холстов на нас глядят.

Сталевары и шахтеры —
льется пот и средь зимы.
Были люди в эту пору!
Был народ — не то что мы.

Те индустрию творили,
приближая счастье масс —
мы ж горазды от бессилья
разве лишь на перформанс.

Там — реальные герои,
тут — тотальный беспредел.
Но — напрасно хмурить брови:
нулевых таков удел.

И глядим, как на скрижали,
на картины мастеров:
были люди на Урале!
Был Урал. И — был таков.

Так в историю мы влипли,
мошки в свете янтара...
Что тут скажешь! Лучше выпьем,
на страны былое зря.

14 сентября 2010. ТЦ Европа

Шестьдесят одна строка себе, любимому
(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Когда тебе 61,
себе ты полный господин,
живешь без планов и иллюзий.
В границах жизнь твоя течет,
что будет — все наперечет
известно, как в былом Союзе.

Когда тебе 61,
уже забыл, который блин
румянится на сковородке,
и пусть не прежний аппетит,
но блин с икорочкой дразнит
отведать, скушав рюмку водки.

Когда тебе 61
и ты не лыс еще — блондин,
не жмись на новую расческу:
пускай заметней седина,
что б ни придумал сатана —
жизнь — в клеточку, а не в полоску.

Когда тебе 61
и не грузин, не осетин
ты значишься по документу,
газеты сколько ни читай —
езде земная жизнь — не рай:
к любому будь готов моменту.

Когда тебе 61,
дым сопредельных Палестин
уже не тянет за границу
на постоянное житье,
хоть ныне трех сестер нитье
Москве предпочитает Ниццу.

Когда еще 61
и ты по виду из мужчин,
блюди себя, дружок, на людях.
Не забывай про давний миф:
одна из див — зовут Юдифь —
чего-то там несла на блюде.

Когда тебе 61,
ты не годишься для витрин,
но можно избежать уценки.
Зачем на авансцену лезть,
когда кому-то место есть
в торговой секции у стенки.

Когда уже 61,
всегда свет кругом, а не клин,
и хоть порою сплин накатит
и хочется сказать «Пора!»,
но это — детская игра:
жизнь не вмещается на карте.

Когда тебе 61
и ты на свете не один,
уже не детям нужен — внукам.
И, может, счастья больше нет —
среди житейских эстафет
почувствовать внучонка руку.

Когда тебе 61,
сходи, приятель, в магазин:
графин пустым стоять не должен.
Налей себе, друзьям налей,
и пусть уже не юбилей —
ты все ж до новой цифры дожил!

7 сентября 2008

Почти оптимистическое

Вот идет он вечерней аллеей,
не совсем пожилой человек,
и направо свернет иль налево,
нам не важно, а важно что — снег.
Также важно, что год на исходе:
пахнет елкой и от мандарин.
А важнее всего, что в природе
он, хотя и один, — не один.
И поэтому бодро шагает
по аллее и в новый свой год,
совершенно счастливо не зная,
что его в наступающем ждет.

Декабрь

Литературно-художественное издание

Леонид Петрович Быков

В СВОЕМ КРУГУ
Банкетная лирика и прочее
Фрагменты

Фото на обложке: Л. Д. Зонов

Корректор: Л. П. Рыжов

Компьютерная верстка: Н. Ю. Михайлов

Ответственный за выпуск: А. В. Подчиненов

Подписано в печать 24.09.2010. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Бумага офсетная. Гарнитура Comic Sans MS.
Усл.-печ. л. 14,5. Тираж 300 экз. Заказ № 813.

Издательство Уральского университета.
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ».
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.